

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Russian Studies in Philology
Otechestvennaya filologiya

*225 лет
со дня рождения
В. И. Даля*

ГНЕЗДО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *СЫТЫЙ*
В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

«ПРИДЁТ ВРЕМЯ, БУДЕТ И ПОРА»:
К ЮБИЛЕЮ В. И. ДАЛЯ

2026 / № 4

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 4

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 4

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Тирадо Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2026. — № 4. — 114 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2026. – No. 4. – 114 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

225 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ДАЛЯ

Представляем тему номера.	6
<i>Коренева Ю. В.</i> Гнездо прилагательного <i>сытый</i> в словаре В. И. Даля в контексте истории русского языка	8
<i>Шановалова Т. Е.</i> « <i>Придёт время, будет и пора</i> »: к юбилею В. И. Даля	16

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ермакова А. С.</i> Вербализация мира природы в прозе В. Н. Крупина.	22
<i>Калинин К. А.</i> Коммуникативные стратегии повествователя в тексте древнерусских поучений XI–XIII веков.	30
<i>Каховская Ю. В., Кумбашева Ю. А.</i> Активные процессы в современной русской фразеологии	40
<i>Петрожицкая В. В.</i> О великой силе любви (концептосфера чувства в повести А. И. Куприна «Суламифь»)	50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Киселева И. А.</i> Онтология беспредметности в стихотворении М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...»	61
<i>Колчина Ю. М.</i> Человек пред лицом вечности в рассказе И. А. Бунина «Худая трава» и в повести В. Г. Распутина «Последний срок».	69
<i>Сытина Ю. Н.</i> Фантастика в художественном мире В. Ф. Одоевского: специфика, классификации, контекст	80
<i>Червоненко С. М.</i> Проблема католического влияния на царя Петра и отечественный уклад русского государства в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый»	90

РЕЦЕНЗИИ

<i>Никитин О. В.</i> От <i>Варфоломея</i> к <i>Охрону</i> : критический обзор новой книги по антропонимике. Рецензия на книгу: Ганжина И. М. Фонетическая и морфологическая адаптация христианских личных имён к системе русского языка в XVI–XVII вв. (на материале тверской деловой письменности). Тверь: Тверской государственный университет, 2025. 551 с.	101
---	-----

<i>Милованова М. С.</i> Памяти выдающегося лингвиста – <i>Кирилла Яковлевича Сигала</i> (1973–2026)	111
---	-----

CONTENTS

225TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. I. DAHL

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>Yu. Koreneva.</i> The Derivational Nest of the Adjective <i>Sytyi</i> ('Well-Fed') in V. I. Dal's Dictionary in Terms of the History of the Russian Language.	8
<i>T. Shapovalova.</i> "The Time Will Come, and the Moment Will Be Right": An Anniversary Tribute to V. I. Dahl.	16

LINGUISTIC STUDIES

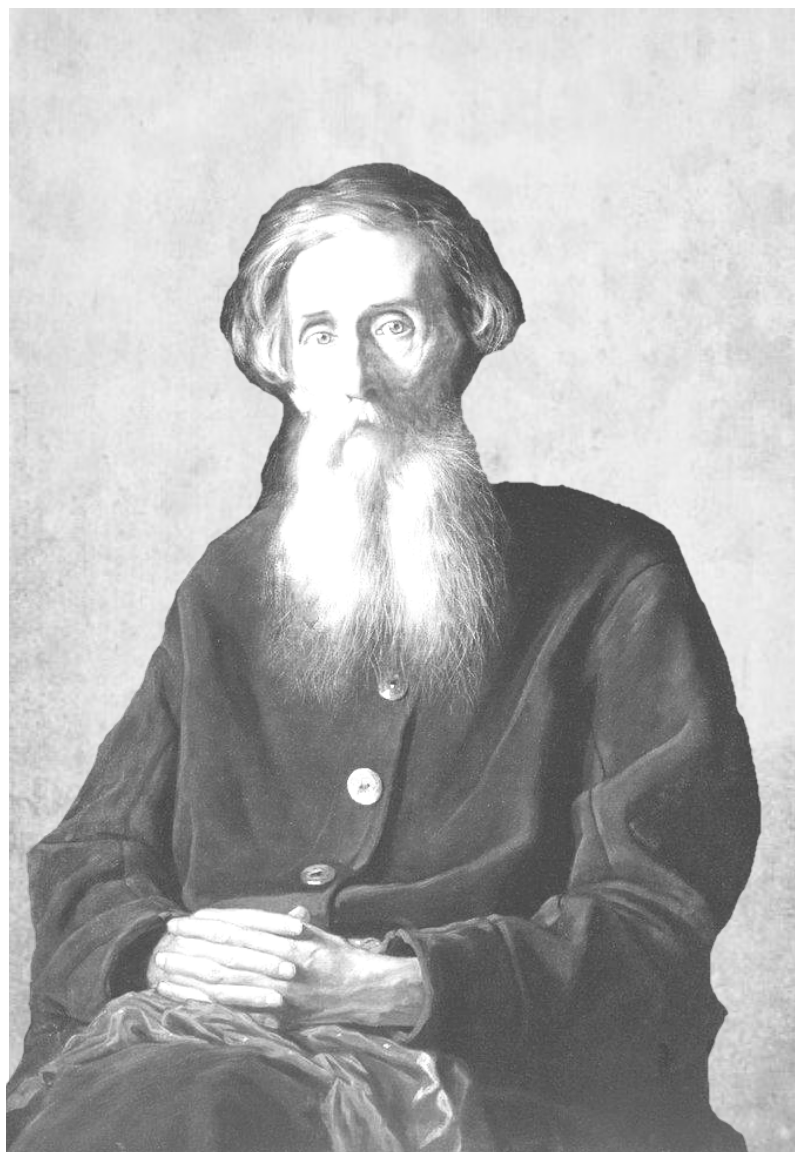
<i>A. Ermakova.</i> Verbalisation of the Natural World in V. N. Krupin's Prose.	22
<i>K. Kalinin.</i> Narrator Communicative Strategies in Old East Slavic Homiletic Texts of the 11 th –13 th Centuries.	30
<i>Yu. Kakhovskaya, Yu. Kumbasheva.</i> Active Processes in Contemporary Russian Phraseology.	40
<i>V. Petrozhitskaya.</i> On the Great Power of Love: The Conceptual Sphere of Emotion in Aleksandr Kuprin's Novel "Sulamith".	50

LITERARY STUDIES

<i>I. Kiseleva.</i> The Ontology of Objectlessness in Mikhail Lermontov's Poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand..."	61
<i>Yu. Kolchina.</i> Man in the Face of Eternity in I. A. Bunin's Story "The Thin Grass" and V. G. Rasputin's Novel "The Last due Date"	69
<i>Yu. Sytina.</i> Science Fiction and Fantasy in the Artistic World of V. F. Odoevsky: Specificity, Classifications, and Context.	80
<i>S. Chervonenko.</i> The Problem of Catholic Influence on Tsar Peter and the Domestic Way of Life in the Russian State in A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great."	90

REVIEWS

<i>O. Nikitin.</i> From Bartholomew to Okhrom: A Critical Review of a New Book on Anthroponymy. Book review: Ganzhina, I. M. (2025) <i>Phonetic and Morphological Adaptation of Christian Personal Names to the Russian Language System in the 16th–17th Centuries</i> (Based on Tver Business Writing). Tver: Tver State University publ.	101
<i>M. Milovanova.</i> In Memory of Kirill Yakovlevich Sigal (1973–2026).	111

225 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ДАЛЯ

22 ноября 2026 года отмечается 225-летие со дня рождения Владимира Ивановича Даля – уникальной и разносторонней личности: русского писателя, многие свои произведения публиковавшего под псевдонимом Казак Луганский, фольклориста, этнографа и лексикографа (знаковая книга «Пословицы русского народа» содержит более тридцати тысяч пословиц, поговорок, прибауток, загадок и поверий), военного врача и мореплавателя, первого отечественного востоковеда-тюрколога, одного из учредителей Русского географического общества.

Всему миру он известен как автор «Толкового словаря живого великорусского языка», ставшего трудом всей жизни Владимира Ивановича: на составление четырёхтомника ушло пятьдесят три года! При составлении словаря В. И. Даль использовал алфавитно-гнездовой принцип. Читатель по найденному слову мог узнать и однокоренные производные, и их толкование, и примеры употребления. Всего в этот труд – истинное национальное сокровище – вошло около 200 тысяч слов, дающих представление о жизни и быте русского народа в XIX веке.

За первые выпуски словаря В. И. Даль получил Константиновскую медаль, был избран почётным членом Академии наук и удостоен Ломоносовской премии.

К юбилею В. И. Даля помещаем в нашем журнале статьи учёных, в которых, во-первых, исследован лексический состав гнезда прилагательного *сытый*: через системные связи слов одного гнезда и с опорой на этимолого-словообразовательные данные выявлены значения дериватов; во-вторых, представлен многоаспектный анализ зафиксированного В. И. Далем выражения «Придёт время, будет и пора», репрезентирующего органическое неразрывное единство народной философии, русской культуры и языка.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леканта
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
Отличник просвещения, главный редактор
научного журнала «Отечественная филология»*

Научная статья

УДК 81'161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-8-15

ГНЕЗДО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *СЫТЫЙ* В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Коренева Ю. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: yukor74@mail.ru

Поступила в редакцию 01.05.2025

После доработки 05.05.2026

Принята к публикации 11.05.2026

Аннотация

Цель. Описать состав гнезда прилагательного *сытый* в словаре В. И. Даля с позиций истории русского языка.

Процедура и методы. Проведён анализ лексического состава гнезда прилагательного *сытый* в словаре В. И. Даля, в том числе в сравнении с гнездом того же прилагательного в Словаре Академии Российской. Через системные связи слов одного гнезда и с опорой на этимолого-словообразовательные данные проанализированы в историческом контексте значения слов, входящих в это гнездо. В исследовании использовались описательно-аналитический метод, метод компонентного семантического и структурного анализа, привлекались метод количественной обработки данных и результаты этимологических исследований.

Результаты. На основе анализа слов одного гнезда в словаре В. И. Даля в контексте истории русского языка определены и обоснованы, во-первых, сохранение базовой семантики 'пища' во всех лексемах гнезда, во-вторых, лингвокультурная семантика и закономерные метонимически-метафорические изменения в смысловом объёме слова, в-третьих, выявлено сужение семантического объёма исследуемых слов, в-четвёртых, показаны различия в гнездовом представлении слов одного корня в Словаре Академии Российской и словаре В. И. Даля. Проанализированы структурно-семантические отношения и частотность употребления прилагательных *сытый*, *сыт-ный* с опорой на данные Национального корпуса русского языка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение истории русских слов, в том числе в изучение семантических и словообразовательных закономерностей развития слов одного исторического корня на примере языкового материала словаря В. И. Даля.

Ключевые слова: история русского языка, семантика, словарь В. И. Даля, *сыт-ный*, *сытый*

Для цитирования:

Коренева Ю. В. Гнездо прилагательного *сытый* в словаре В. И. Даля в контексте истории русского языка // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-8-15>.

Original research article

THE DERIVATIONAL NEST OF THE ADJECTIVE *SYTYI* ('WELL-FED') IN V. I. DAL'S DICTIONARY IN TERMS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Yu. Koreneva

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: yukor74@mail.ru

Abstract

Aim. To describe the composition of the derivational nest of the adjective *sytyi* ('well-fed') in V. I. Dal's dictionary from the perspective of the history of the Russian language.

Methodology. An analysis was conducted on the lexical composition of the adjective *sytyi* ('well-fed') and its derivational nest in V. I. Dal's dictionary, including a comparison with the nest of the same adjective in the Dictionary of the Russian Academy. The meaning of the words included in this nest was analysed in the historical context through the systemic connections of the words in the same nest and based on etymological and word-formation data. The study used a descriptive-analytical method, a method of component semantic and structural analysis, a method of quantitative data processing, and the results of etymological research.

Results. Based on the analysis of words of one nest in the dictionary of V. I. Dal in the context of the history of the Russian language, the following results were determined and substantiated. Firstly, the basic semantics 'food' in all lexemes of the nest is preserved. Secondly, the linguistic and cultural semantics and regular metonymic and metaphorical changes in the scope of the word was described. Thirdly, the narrowing of the semantic scope of the words under study was revealed. Fourthly, the differences in the nest representation of words with the same root in the Dictionary of the Russian Academy and V. I. Dal's Dictionary were highlighted. The structural and semantic relations and the frequency of use of the adjectives *sytyi* ('well-fed') and *sytnyi* ('nutritious') analysed based on the data from the National Corpus of the Russian Language.

Research implications. The research conducted contributes to the study of the history of Russian words, including the study of the semantic and word-formation patterns of the development of words with the same historical root, using the language material from V. I. Dal's dictionary.

Keywords: history of the Russian language, semantics, V. I. Dal's dictionary, *sytyi* ('well-fed'), *sytnyi* ('nutritious')

For citation:

Koreneva, Yu. V. (2026). The Derivational Nest of the Adjective *Sytyi* ('Well-Fed') in V. I. Dal's Dictionary in Terms of the History of the Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-8-15>.

Введение

Имя Владимира Ивановича Даля в нашей действительности синонимично словарю, им созданному. Сам словарь представляет собой высокоактуальный объект научного изучения, поскольку содержит в себе благодаря своей структуре и её наполнению сведения не только о языке, но и о культуре русского народа. Постоянное обращение русистов и не только к материалам этого словаря лишний раз подтверждает его ценность. Так, к примеру, при поиске статей в eLibrary только о словаре В. И. Даля с 2020 по 2026 год получаем более 140 публикаций, в которых изучаются отдельные слова и концепты с разных исследовательских позиций и/или материалы словаря используются в методических,

лингводидактических и воспитательных целях (например: [1–7]).

В контексте истории русского языка можно говорить о лексическом составе русского общенародного языка второй половины XIX в., отражённом в этом словаре (в частности, IV том словаря, где находится гнездо прилагательного *сытый*, датирован 1866 г.), о системных лексико-семантических связях слов, а также об изменениях этого состава при сравнении с современным этапом развития русского литературного языка. Такой подход вписывает эту статью в русло исследований русского языка с позиций исторической лексикологии, проблематика которой описана в том числе Е. В. Генераловой [8], а обращение к истории отдельных слов позволяет говорить об исследовательском

интересе, наследующем в том числе и традиции В. В. Виноградова [9–11].

В структурном отношении гнездовой принцип организации языкового материала в словаре В. И. Даля даёт исследователю истории русской лексики, семантики, словообразования, фразеологии и грамматики широкие возможности наблюдения. Сам гнездовой принцип распределения слов в России известен ещё с издания Словаря Академии Российской (САР)¹ конца XVIII в. (в частности, V том, где расположено гнездо прилагательного *сытый* / *сыт*, датирован 1794 г.), и в сопоставительном ключе данные САР и словаря В. И. Даля могут быть показательны с учётом почти столетней разницы между ними.

В современном русском языке наполнение этого гнезда имеет свои особенности, так, лексема *ненасытный*, присутствующая в САР и отсутствующая в словаре В. И. Даля, по сравнению с *сытый*, *сытный* и их производными с *не-*, может послужить самостоятельным объектом исторического исследования.

Гнездо прилагательного *сытый* в словаре В. И. Даля: структурно- семантические особенности

При сравнении САР и словаря В. И. Даля следует понимать, что словарь В. И. Даля не является собственно научным словарём, у его составителя такой цели не было, в отличие от САР, который создавался коллективом авторов в Академии наук. Сравнительный анализ, думается, возможен, поскольку оба словаря аккумулируют в своём составе лексикон своего времени, оба словаря организуют языковой материал по гнездовому принципу, оба словаря дают в рамках одного гнезда лексемы с их минимальной семантизацией. В данной статье намеренно выведены за рамки исследования паремиологические единицы, которыми столь богат словарь В. И. Даля: речь

идёт исключительно о лексемах, входящих в одно гнездо. Лексемы здесь передаём в современной графике, глаголы даём в инфинитиве по современной традиции.

Гнездо прилагательного *сытый* в САР фиксирует следующие лексемы, их 19: *сытый* / *сыт* (+ до *сыта*, в *полсыта*), *сыто*, *сытость*, *сытёхонек*, *сытёхонько*, *сытный* / *сытной*, *насыщать*, *насыщаться*, *ненасытный* / *ненасытен*, *ненасытно*, *несытство*, *насыщенный*, *насыщение*, *пресыщать*, *пресыщаться*, *пресыщение*, *пресыщенный*.²

Гнездо этого же прилагательного в словаре В. И. Даля представляет несколько иную картину. Гнездо также невелико, включает 23 единицы: *сытый*, *сытный*, *сытость*, *сытность*, *сытенько*, *сытник*, *сытеть*, *сытенье*, *сытить*, *насыщать*, *подсычать*, *сыченное*, *сыта́* (сущ.), *досытель*, *пре(пере)сыщен*, *сытъ*, *сыть*, *сы(и)товец(?)* (*sic!*), *сытоед*, *сытоежа*, *сытоежа*, *сычевка*, *сытуха*.³

Сравнительный взгляд на оба гнезда и сопоставление с современным состоянием русского языка позволяет заметить несколько особенностей. Во-первых, наполнение гнёзд в обоих словарях различается тем, что В. И. Даль не даёт «стандартных» словообразовательных результатов типа *насыщать* – *насыщенный* и проч., во-вторых, в словаре В. И. Даля видим те единицы, которые могут быть идентифицированы как народно-разговорные и диалектно-просторечные типа *сытуха*, *сытоежа*, в то время как в САР лишь *сытёхонек* и *сытёхонько* могут быть определены как разговорно-просторечные, да и то с позиций современного восприятия. В словаре В. И. Даля также нет цели давать слово в его исходной форме, отсюда в статье глагольная словоформа *досытел*. И состав гнёзд в обоих словарях тоже различается. Так, гнездо в словаре В. И. Даля лексически разнообразнее, чем это же гнездо в САР. Конечно, это не значит, что каких-то слов в языке XVIII в. не было, это означает, что отбор языкового

¹ Словарь Академии Российской. Ч. V. СПб.: Императорская Академия наук, 1794. Стлб. 1020–1023.

² Там же.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 4. М.: Общество любителей российской словесности, 1866. С. 344–345.

материала для каждого словаря производился по своему целеполаганию.

Лексически состав гнезда *сытый* в словаре В. И. Даля даёт нам представление о семантическом наполнении всех слов, деривационно мотивированных в ретроспективе исходным адъективным корнем *-сыт-*: все слова данного гнезда связаны с питанием и его предельностью, т. е. общий семантический контур корня лимитирован. Заметим, что предельность семантики корня, детализируемая словообразовательно (приставки *на-*, *пере-*; суффиксы *-ость*, *-ух-*, *-н-*) и грамматически (деривация разных частей речи), довольно устойчива, поскольку сохраняется во всех представленных словах.

В. И. Даль пишет, что *сыт* – этот ‘пища’, ‘корм’, *сытеть* – ‘наедаться’, ‘утолять голод’, *сытожа* – тот, кто ‘ест досыта’ и проч.¹ Наречные группы *до сыта* и *в полсыта*, как видим с современных позиций, уже полностью лексикализировались и через сращение предложно-падежных форм перешли в класс наречий. *Сытит* как каузативный глагол определяется через суженную семантику: ‘подслащать воду’²; *сыченное* даётся как лексема лингвокультурной значимости, поскольку в сочетании *пить сыченное* указывает на часть предсвадебного обряда (помовлку), когда молодые должны сытеть горькое вино перед гостями, т. е. целоваться³; *сыта́* определяется как ‘медовый взвар’ – здесь значение также возникает либо по пути сужения семантического объёма исходного корня через суффлексию (термин введён в оборот А. М. Камчатновым для объяснения двойной функции флексии *-а*, которая в определённых условиях выступает не только как формообразующий, но и как словообразовательный формант в истории русского языка: *кум* – *кум-а*, *супруг* – *супруг-а*, *ученик* – *учениц-а* [12, с. 77–79]) либо по пути субстантивации краткой адъективной

формы женского рода; *сычёвка* определяется как диалектизм со значением ‘питейный мёд’.⁴ В отношении слова *сычёвка* есть разыскания И. Г. Добродомова, который утверждает, что это слово к данному гнезду отношения не имеет, поскольку представляет собой слово выдуманное, связанное с древней тюркско-иранской единицей (подробнее: [13]), поэтому в данное гнездо попало ошибочно.

Устойчивость базовой семантики слов одного этимолого-словообразовательного гнезда в русском языке – явление, с одной стороны, частотное, с другой стороны, не являющееся жёсткой закономерностью. К примеру, такой же устойчивой в историческом отношении семантикой обладает гнездо слов корней *-свят-/святи-* (*освящённый*, *святыня*) [14]; в то же время гнезда слов корней *-леп-/лип-* (*лгнуть*, *нелепый*, *лепить*), *-кля-/клин-/клон-* (*клятва*, *поклониться*, *кляча*) показывают довольно сильную в историческом развитии трансформацию семантики входящих в них слов [15; 16], т. е. структурно-семантический состав того или иного гнезда и исторические изменения этого гнезда, хотя и подчиняются общим языковым закономерностям развития, всегда имеют индивидуальный сценарий.

С этимологических позиций *сытый* – сложное слово: так, указывается, что старшее значение корня ‘пища, корм’⁵, иные этимологические словари эту версию, как правило, поддерживают⁶, указывая на дальнейшую возможность развития на этом фоне переносных значений во всех славянских и других индоевропейских языках. Есть мнение о связи праславянского **syt-* с индоевропейским **sū-*, которое указывает на возможное объединение *сытый* с *сосать*, *соты*.⁷

⁴ Там же.

⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. С. 222.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1987. С. 821; Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 25. М.: Наука, 1999. С. 34–35..

⁷ Этимологический словарь русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. М.: Флинта; Наука,

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 4. М.: Общество любителей российской словесности, 1866. С. 344–345.

² Там же.

³ Там же.

Обобщая данные, видим, что на глубинном уровне номинации данный корень связан, во-первых, с действиями и свойствами чисто физическими, во-вторых, с оценкой физического воздействия: такой, который через пищу даёт результат ощущения накормленности, полноты. При анализе семантики слов наблюдаемого гнезда можно заметить, что такая семантизация сохраняется и в наши дни.

Структурно-семантические отношения прилагательных *сытый* и *сытнѣй* с позиций истории русского языка

В словаре В. И. Даля *сытый* как исходная единица гнезда определяется как 'поевший вволю, утоливший голод, наевшийся' и противопоставлено словам *голодный*, *алкающий*¹, *сытнѣй* там же как производное прилагательное означает 'питательный, хорошо насыщающий'.² *Сытнѣй* как производное слово в отличие от *сытого* как производящего содержит в своём семантическом объёме указание на производимое чем-то действие: 'такой, с помощью чего можно насытиться'. Отсюда и метонимически-метафорическое значение прилагательного в сочетании со словом *рынок*: *сытнѣй рынок* – 'где торгуют съестным', 'дворцовые харчевые запасы'.³ Это значение находим и в словаре XI–XVII вв.,⁴ который даёт два омонима *сытнѣй1* и *сытнѣй2*, значения омонимов представляют собой результат семантической деривации, при этом сохраняют сему 'пища'.

Показательно, что в словаре В. И. Даля в данном гнезде отсутствуют отрицательные производные прилагательные *несытый*, *несытнѣй*, *ненасытнѣй*, с разной степенью актуализации функционирующие в современном русском литературном языке. Эти лексемы в языке XIX в. были вполне упо-

ребимы, что доказывается обращением к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Итак, пять прилагательных *сытый*, *сытнѣй*, *несытый*, *несытнѣй*, *ненасытнѣй* дают следующую статистическую картину (показатели на 20–24 апреля 2026 г.):

– лемма *сытый* имеет показатель частотности 7666 употреблений в основном корпусе за всё время и показатель в 2012 употреблений за период XVIII–XIX вв., в поэтическом корпусе насчитывается 743 примера, из которых 162 относятся к периоду XVIII–XIX вв.;

– лемма *сытнѣй*: в основном корпусе 2336 примеров, из них 564 за период XVIII–XIX вв., в поэтическом корпусе дан всего 121 пример, из них 43 примера за XVIII–XIX вв.;

– лемма *несытый*: в основном корпусе дано 164 примера, из них 58 за период XVIII–XIX вв., в поэтическом корпусе имеется всего 177 примеров, из них 81 пример за XVIII–XIX вв.;

– лемма *несытнѣй*: основной корпус даёт всего 18 примеров, из них 3 примера в текстах XVIII–XIX вв., в поэтическом корпусе имеется всего 6 примеров, из них 2 примера за XVIII–XIX вв.;

– лемма *ненасытнѣй*: основной корпус приводит 1509 примеров, из которых 409 в текстах XVIII–XIX вв., в поэтическом корпусе дано всего 219, из них 68 примеров за период XVIII–XIX вв.

Некоторые примеры:

– «Вот длинный обоз огромных возов, запряжённых тройками *сытых* толстоногих лошадей, который мы принуждены объезжать стороною» (Л. Н. Толстой. Отрочество)⁵;

– «Ещё же вам доказательство естественное скажу: довольно нам известно, что человек голодный гневливее или свирепее, нежели *сытый*, что все естествоиспытатели довольно утверждают и мы в себе сами, хотя не всё равно, ощущаем»

2010. С. 400.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 4. М.: Общество любителей российской словесности, 1866. С. 344–345.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: Наука; Азбуковник, 2011. С. 158–161..

⁵ Здесь и далее все примеры приводятся по: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 24.04.2026).

(В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах);

– «Ан – нет:

Медведь был **сыт**, не надобен обед,
Медведю пежины крестьянския кобылы
Понравились и стали милы»

(В. И. Майков. Крестьянин, медведь, сорока и слепень);

– «Толпа идёт избитою тропой;

Рабы довольны, если **сыты**,

Но нам даны иные аппетиты...»

(Н. А. Некрасов. Современники);

– «Ах! сколько в свете мы примеров тех
видали,

Что, быв **несытыми** накраденным добром,

Ещё в чужом

Пустую тень хватали» (Г. Р. Державин. Собака и Старуха);

«В последок лев боится и овец,

И на конец,

По чреву томном и **несытом**,

Осёл ево копытом.

Осталось только льву терпели то,
стения» (А. П. Сумароков. Лев состарившийся);

– «Рождается **несытна** власти

Алчба, зиждущая напасти,

Что обществу устроит казнь»

(А. Н. Радищев. Вольность).

Наблюдения за частотностью использования и некоторые данные выше примеры позволяют говорить, что лексемы **несытый** и **несытный** относятся к периферии речезыкового функционирования, лексемы **сытый** и **сытный** и слово **ненасытный** употребительны. Почему в гнезде **сытый** в словаре В. И. Даля отсутствуют отрицательные прилагательные и лексема **ненасытный**, вполне активная в период XVIII–XIX вв., остаётся лишь предполагать.

Семантическая линия сужения значения слов **несытый** ‘не могущий наесться’ в ‘жадный’ и **несытный** ‘не могущий дать насыщения’ в ‘жадный до чего-либо’ с метафоризацией в социальной сфере бытования и дальнейшее усиление этого значения через приставки, уже опрошенные в современном языке, в слове **ненасытный** указывают на закономерную связь в исто-

рической семантике физического свойства с эмоционально-чувственной и оценочной сферой, лишней раз подтверждая антропоцентричность языкового сознания. При этом в семном составе слова **ненасытный** сохраняется указание на ‘пищу’, что лишней раз позволяет говорить о стабильности базовой семы в семантическом объёме всех слов данного гнезда.

Заключение

В данном материале представлены лексемы гнезда прилагательного **сытый**, этимология которого вписывает это слово в корпус лексем, ещё с древности отражающих представления о пище и насыщении, при этом семантика многих дериватов сохраняет отсылку к значению древнего корня, также видим закономерные линии развития значения слова по пути метонимизации и метафоризации в процессе морфологического словообразования (**сытуха**, **сыта́**), фиксацию каузативной семантики через глагольное словообразование (параллели **сытеть** и **сытитъ**), фиксацию лингвокультурных смыслов слова (**сыченое**), закрепление в живом употреблении слов устно-разговорных и диалектно-просторечных, оценочных (**сыто-ежка**, **сыть** как синоним пищи). Несмотря на то, что данное гнездо слов в словаре В. И. Даля невелико – отмечено немногим более 20 единиц в его составе, оно фиксирует многие системные особенности языка в целом и лексического уровня в частности.

Словарь В. И. Даля в контексте исследований в области исторической лексикологии и исторической семантики представляет собой важный источник языкового материала. Обращение к гнёздам тех или иных слов позволяет через сопоставление с другими историческими словарями русского языка, современными словарями русского языка и через анализ конкретных словоупотреблений, в том числе этимолого-словообразовательный, видеть, как общие закономерности изменения семан-

тики русских слов, так и индивидуальные особенности в каждом гнезде.

Представляется перспективным изучение других слов в словаре В. И. Даля в сопоставлении, например, со Словарём

Академии Российской и иными историческими словарями русского языка, при изучении организации русского лексикона в контексте исторической лексикологии, словообразования и семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейкина А. Д. Словарь Даля: к истокам живого языка // Лексикографическое наследие В. И. Даля в деле воспитания современных школьников. К 220-летию В. И. Даля: материалы студенческой просветительской онлайн-конференции в деле воспитания современных школьников (Москва, 3 декабря 2021 г.). М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 9–14.
2. Закирова Н. Н., Мартыанова В. Н. Лексемы мира природы в русских говорах в составе словаря В. И. Даля // *Говор: альманах*. 2023. № 1. С. 120–127.
3. Згировская О. Г. Лингвокультурологическая информация и способы её фиксации в толковых словарях XIX века: дис. канд. филол. наук. М., 2021. 185 с.
4. Ли Л. Сопоставительный анализ «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и китайского «Словаря Канси» // *Известия Смоленского государственного университета*. 2023. № 2 (62). С. 59–72. DOI: 10.35785/2072-9464-2023-62-59-72.
5. Манойленко А. С., Манойленко Ю. Е. «Лучшие годы жизни». Детство и юность Владимира Даля в фокусе исторического исследования // *Россия: общество, политика, история*. 2023. № 4 (9). С. 58–79. DOI: 10.56654/ROPI-2023-4(9)-58-79.
6. Серебряк М. В. О перспективах реализации концепции «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля в компьютерной лексикографии // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2022. № 3 (74). С. 154–160. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.154.
7. Третьякова В. О. Подготовка к Всероссийской олимпиаде школьников по русскому языку с опорой на словарь В. И. Даля // *Наука и школа*. 2022. № 3. С. 197–208. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-197-208.
8. Генералова Е. В. «Историческая лексикология и историческая лексикография русского языка» как академическая монография и учебный курс // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2016. № 5. С. 1437–1441.
9. Виноградов В. В. *История слов*. М.: б. и., 1999. 1138 с.
10. Григорьев А. В., Орлова А. В. Историко-культурный контекст и семантика слова в древнейший период (на примере глагола *целовать*) // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 49. С. 238–243.
11. Григорьев А. В. Семантика слова «глумиться» в древнерусском языке // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 4 (74). С. 116–120. DOI: 10.25986/IRI.2018.74.4.009.
12. Галочкина Т. А. История этимологического гнезда с праславянским корнем *leip- в русском языке XI–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 280 с.
13. Орлова А. В. Лексико-семантическое поле «клятва» и способы его репрезентации в русском языке XI–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 223 с.
14. Коренева Ю. В. Слова с корнем *-свящ-* в словаре И. И. Срезневского в контексте русской исторической семантики и лексикологии // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2021. № 4 (23). С. 68–70.
15. Добродомов И. Г. Об одном призрачном слове у В. И. Даля // *Российская тюркология*. 2012. № 1 (6). С. 35–41.
16. Камчатнов А. М. Введение в изучение русского исторического словообразования. М.: Директ-Медиа, 2022. 300 с.

REFERENCES

1. Deykina, A. D. (2022). Dahl's Dictionary: To the Origins of a Living Language. In: *The Lexicographical Legacy of V. I. Dahl in the Education of Modern Schoolchildren. On the 220th Anniversary of V. I. Dahl: Proceedings of the Student Educational Online Conference on the Education of Modern Schoolchildren (Moscow, December 3, 2021)*. Moscow: Moscow State Pedagogical University, pp. 9–14 (in Russ.).
2. Zakirova, N. N. & Martyanova, V. N. (2023). Lexemes of the Natural World in Russian Dialects as Part of V. I. Dahl's Dictionary. In: *Dialect: Almanac*, 1, 120–127 (in Russ.).

3. Zgirovskaya, O. G. (2021). *Lingvocultural Information and Methods of Its Recording in Explanatory Dictionaries of the 19th Century*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
4. Li L. (2023). Comparative Analysis of V. I. Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language and the Chinese Kangxi Dictionary. In: *Izvestia of Smolensk State University*, 2 (62), 59–72. DOI: 10.35785/2072-9464-2023-62-59-72 (in Russ.).
5. Manoylenko, A. S. & Manoylenko, Yu. E. (2023). "The Best Years of His Life." Vladimir Dahl's Childhood and Youth in the Focus of Historical Research. In: *Russia: Society, Politics, History*, 4 (9), 58–79. DOI: 10.56654/ROPI-2023-4(9)-58-79 (in Russ.).
6. Serebryak, M. V. (2022). On Implementing the Concept of V. I. Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in Computer Lexicography. In: *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 3 (74), 154–160. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.154 (in Russ.).
7. Tretyakova, V. O. (2022). Preparation for the All-Russian Schoolchildren's Olympiad in the Russian Language Using V. I. Dahl's Dictionary. In: *Science and School*, 3, 197–208. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-197-208 (in Russ.).
8. Generalova, E. V. (2016). "Historical Lexicology and Historical Lexicography of the Russian Language" as an Academic Monograph and Course. In: *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, 5, 1437–1441 (in Russ.).
9. Vinogradov, V. V. (1999). *History of Words*. Moscow (in Russ.).
10. Grigoriev, A. V. & Orlova, A. V. (2018). Historical and Cultural Context and Semantics of the Word in the Ancient Period (Using the Verb *Tselovat'* ('to Kiss') as an Example. In: *Bulletin of Slavic Cultures*, 49, 238–243 (in Russ.).
11. Grigoriev, A. V. (2018). Semantics of the Word *Glumit'sya* ('to Mock') in the Old Russian Language. In: *Drevnyaya Rus. Voprosy Medievistiki*, 4 (74), 116–120. DOI: 10.25986/IRI.2018.74.4.009 (in Russ.).
12. Galochkina, T. A. (2022). *History of the Etymological Family with the Proto-Slavic Root *Leip- in the Russian Language of the 11th–17th Centuries*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
13. Orlova, A. V. (2022). *Lexical-Semantic Field "Klyatva" ('Oath') and Ways of Its Representation in the Russian Language of the 11th–17th Centuries*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
14. Koreneva, Yu. V. (2021). Words with the Root *-svyash-* in the Dictionary of I. I. Sreznevsky in the Context of Russian Historical Semantics and Lexicology. In: *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*, 4 (23), 68–70 (in Russ.).
15. Dobrodomov, I. G. (2012). On One Ghostly Word in V. I. Dahl. In: *Russian Turcology*, 1 (6), 35–41 (in Russ.).
16. Kamchatnov, A. M. (2022). *Introduction to the Russian Historical Word Formation*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коренева Юлия Викторовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;

ORCID: 0000-0003-3716-9507; e-mail: yukor74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Koreneva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics, and Communication Culture, Federal State University of Education;

ORCID: 0000-0003-3716-9507; e-mail: yukor74@mail.ru

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-16-21

«ПРИДЁТ ВРЕМЯ, БУДЕТ И ПОРА»: К ЮБИЛЕЮ В. И. ДАЛЯ

Шаповалова Т. Е.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: tshapovalova@gmail.com

Поступила в редакцию 11.06.2026

Принята к публикации 18.06.2026

Аннотация

Цель. Представить многоаспектный анализ зафиксированного В. И. Далем выражения «Придёт время, будет и пора», репрезентирующего органическое неразрывное единство народной философии, русской культуры и языка.

Процедура и методы. Исследовательская база статьи разрабатывалась при помощи филологического, описательного, структурно-семантического и функционально-семантического методов.

Результаты. Установлено, что закреплённая в системе языка метафора *придёт время* формирует модель, в которой временная перспектива воспринимается как объективно детерминированный процесс, имеющий собственную динамику. Выражение «Придёт время, будет и пора» представляет собой единый функциональный комплекс, в котором грамматические подлежащие выступают семантическими субъектами, участниками процессов: время – движущийся агент, пора – возникающее состояние. Высказывание приобретает характер объективного прогноза, когда необходимость представлена как естественное следствие хода времени.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о концептуализации времени. Алгоритм анализа, реализованный в работе, может быть востребован для лингвистического описания высказываний, служащих средствами выражения темпоральности.

Ключевые слова: время, метафора, модально-временная семантика, пора, прагматическая семантика, языковая картина мира

Для цитирования:

Шаповалова Т. Е. «Придёт время, будет и пора»: к юбилею В. И. Даля // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 16–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-16-21>.

Original research article

“THE TIME WILL COME, AND THE MOMENT WILL BE RIGHT”: AN ANNIVERSARY TRIBUTE TO V. I. DAHL

T. Shapovalova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: tshapovalova@gmail.com

Received by the editorial office 11.06.2026

Accepted for publication 18.06.2026

Abstract

Aim. To present multidimensional analysis of the expression *pridyot vremya, budet i pora* ('the time will come, and the moment will be right') which represents the organic and inseparable unity of folk philosophy, Russian culture and language.

Methodology. The research base of the article was developed using philological, descriptive, structural-semantic and functional-semantic methods.

Results. It has been established that the metaphor fixed in the language system *the pridyot vremya* ('time will come') forms a model in which the temporal perspective is perceived as an objectively deterministic process that has its own dynamics. The expression *pridyot vremya, budet i pora* represents a unified functional complex in which the grammatical subjects act as semantic subjects, participants in processes: time is a moving agent, proper time is an emerging state. The statement becomes an objective prediction when necessity is presented as a natural consequence of the passage of time.

Research implications. The results of the research expand the understanding of time conceptualisation. The analysis algorithm implemented in the article can be used for linguistic description of statements serving as means of expression of temporality.

Keywords: time, metaphor, modal-temporal semantics, proper time, pragmatic semantics, linguistic world picture

For citation:

Shapovalova, T. E. (2026). "The Time Will Come, and the Moment Will Be Right": An Anniversary Tribute to V. I. Dahl. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 16–21. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-16-21>.

Введение

Уникальное место Владимира Ивановича Даля, выдающегося мыслителя, писателя, этнографа, лексикографа, в истории русской культуры несомненно и не оспоримо. Многие научные форумы это подтверждают. Достаточно обратиться к Далевским чтениям последних лет, организаторами которых стали Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгородское отделение Общества русской словесности во имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), Луганский государственный университет имени Владимира Даля [1–3]. В сборниках, подготовленных по материалам этих конференций, обозначена роль В. И. Даля и его «Толкового словаря живого великорусского языка» в истории русской культуры, рассматриваются ключевые направления его деятельности, особенности его научного метода, отличающегося точностью и вниманием к деталям. Современные исследователи обращаются к далевским традициям в лингвистических и историко-культурных изысканиях, подчёркивают актуальность его идей в современном гуманитарном знании, а Далев словарь становится объектом и инструментом филологического анализа, имеющим

важнейшее значение для русской лингвистики и культуры. Основанный на принципе отражения живой народной речи, «Толковый словарь живого великорусского языка» представляет собой не только научный лексикографический труд, но и культурный документ, в котором отражена языковая картина мира XIX в., запечатлены этнографические реалии и фольклорные выражения, профессиональные термины и диалектные формы, разговорные конструкции. В. И. Даль фиксировал не только лексическое значение слова, но и варианты его употребления, разнообразные семантические оттенки, пословицы и устойчивые выражения. Собиратель русского фольклора и исследователь народного языка, учёный в кратких метафорических формулах передавал не только мировоззренческие установки, но и народную концептуализацию времени.

Наша задача – представить многоаспектный анализ выражения «*Придёт время, будет и пора*»¹, которое отражает структуру народного мышления и представляет органическое неразрывное единство национальной философии, русской культуры и языка.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕПРА, 1994. С. 260

Народная концептуализация времени

Сегодня, когда нормой научного анализа стало рассмотрение слова в его функционально-семантической и культурной обусловленности, принцип «живого языка» В. И. Даля становится созвучным современной функциональной грамматике, когнитивной лингвистике, социо- и этнолингвистике. С точки зрения Т. Б. Радбиля, «проблема выявления культурно-значимой информации слов и выражений естественного языка ... выступает в качестве центра притяжения самых разных школ и направлений лингвокультурологической ориентированности» [4, с. 213]. Автор словаря рассматривал язык как живой организм, как зеркало народного духа и средство познания мира, понимал под языком не отвлечённую структуру, а деятельность, предвосхитив идеи функциональной лингвистики XX в., поскольку показал, что слово должно рассматривать в его употреблении, выявляя роль единицы в народной коммуникации, в идентификации мировоззрения и сохранении памяти нации.

Выражение «*Придёт время, будет и пора*» можно отнести к пословицам, представляющим собой «логически и синтаксически законченные сентенции, суждения, данные в прямой или иносказательной форме, имеющие нравоучительный и назидательный смысл и характеризующиеся синтаксической, ритмической и фонетической организацией» [5, с. 6; ср.: 6, с. 10]. Оно заключает в себе свойственное русской народной традиции осмысление времени как естественного хода событий, как движущей силы всего сущего. Для В. И. Даля такая сентенция была проявлением народной философии, в которой мудрость эксплицируется через образность, метафоризацию [7]. Отвлечённая категория времени репрезентируется посредством действий одушевлённых участников ожидаемого процесса: *время придёт, пора будет*. Метафора воплощает мировоззренческую установку русского человека: каждое событие имеет свою отметку на

оси времени, свой ритм и налаженный ход, свою внутреннюю организованность и последовательность; позволяет представить развитие событий как естественное, закономерное течение, а народная мудрость заключается в способности действовать в нужный момент, что органично вписывается в этнографическую и лексикографическую концепцию В. И. Даля, становится частью культурного кода, в котором заключены народная этика, онтология и прагматика.

Образная структура метафоры

Образная структура метафоры *придёт время* сохраняет высокую концептуальную насыщенность и онтологическую значимость [8]. В референтной¹ действительности время не обладает способностью к пространственному перемещению. Следовательно, происходит процессуальная метафоризация: время как отвлечённая сущность включается в модель материального процесса, характерного для физических объектов или одушевлённых участников; мыслится как нечто обладающее способностью приходить, приближаться, свойственной наделённому персональными чертами одушевлённому субъекту. В рамках этой метафоры время как движущийся объект наделяется динамической силой, могущей в определённый момент изменить ситуацию.

Богатый образный потенциал метафоры основан на семантике акционального глагола, служащего номинацией идеи движения. В первом лексико-семантическом варианте «ПРИЙТИ – идя, направляясь куда-л., достичь какого-л. места; прибыть»² актуализирована семантика поступательного движения и прибытия. На отвлечённое понятие времени переносятся пространственные и поведенческие характеристики активного участника событий,

¹ Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 411–412.

² Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 611.

который движется к человеку. Именно поэтому в метафоре, где перенос лексического значения слова осуществляется по аналогии, время воспринимается как что-то осязаемое, активное, обладающее направленным вектором движения и способностью к пространственному перемещению. Движение, приписываемое времени, коррелирует с типичным поведением одушевлённого агенса, а глагольная форма *придёт* передаёт представление о времени как о внешней по отношению к человеку силе – событие, не зависящее от воли человека, неизбежно наступит само по себе.

Таким образом, метафора формирует модель, в которой временная перспектива воспринимается как объективно детерминированный процесс, имеющий собственную динамику.

Модально-временная и прагматическая семантика высказывания «Придёт время, будет и пора»

Закреплённая в системе языка и функционирующая как способ концептуализации темпоральной перспективы, языковая метафора *придёт время* усиливает прагматический эффект высказывания за счёт придания времени квазисубъектного статуса: участник процесса (время), выступающее грамматическим подлежащим в структуре двусоставного предложения, становится агенсом. Устойчивость этого выражения может служить свидетельством того, что коллективное языковое сознание освоило отвлечённое понятие времени посредством его экспликации в терминах движения и агенсности, когда категория времени переводится в разряд производителя действия. Это делает её когнитивно доступной и коммуникативно эффективной. «Создавая пословицы, народ выбирал наиболее ясные, всеми признанные, очевидные, реальные связи и отношения между явлениями и предметами, чтобы сделать общую, отвлечённую мысль понятной и неопровержимой в своей очевидности» [9, с. 92].

Выполняя прогностическую функцию модального предсказания, высказывание «*Придёт время, будет и пора*» позволяет говорящему выразить некатегорическую уверенность в наступлении определённого события, создать эффект объективной неизбежности, снять с человека ответственность за происходящее. Вторая часть высказывания через экзистенциальный глагол в синтетической форме будущего времени *будет* (**БЫТЬ** – ‘существовать’)¹ и форму именительного падежа отвлечённого существительного *пора* маркирует момент уместности и необходимости объективно возникающего состояния без какой-либо субъективной оценки. Причём каждая часть высказывания выполняет свои строго определённые функции: *придёт время* задаёт модально-временную рамку высказыванию, служит средством когезии, связывая одно событие с другим, формирует перспективу, выстраивая логико-семантические отношения необходимой неизбежности – *будет и пора*. Темпоральная перспектива определена первой частью высказывания, а вторая включает в себе предсказуемое следствие, результат, который наступит вслед за ней. Пословичное выражение «*Придёт время, будет и пора*» можно отнести к сложному бессоюзному предложению закрытой структуры неоднородного состава с объяснительными отношениями без формальных показателей несамостоятельности частей с оттенком следствия. Каждая из предикативных единиц, составляющих это сложное предложение, может быть соотнесена с двусоставным предложением обобщённого характера [10, с. 28]. Таким образом, модальность уверенности говорящего в неизбежности будущего события, а также семантика временной обобщённости выражается не лексически, а конструктивно-синтаксическим способом, т. е. структурой высказывания.

Выражение «*Придёт время, будет и пора*» представляет собой единый функ-

¹ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 62.

циональный комплекс, в котором грамматические подлежащие выступают семантическими субъектами, участниками процессов: *время* – движущийся агент, *пора* – возникающее состояние. Высказывание приобретает характер объективного прогноза, когда необходимость представлена как естественное следствие хода времени.

Заключение

Юбилей В. И. Даля предоставил возможность вновь обратиться к осмыслению

его вклада в русскую культуру, задуматься о роли языка в формировании национальной идентичности. Его словарь, этнографические наблюдения, философия языка и способность видеть в народной речи целостную картину мира делают наследие учёного актуальным и сегодня.

Высказывание «*Придёт время, будет и пора*» является знаком языка и знаком культуры, служит символом подхода В. И. Даля к языку как живому организму, в котором грамматика, культура и народная мудрость образуют единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даля Даля: сборник статей по материалам II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных «Далевские чтения», приуроченной ко Дню славянской письменности и культуры (Белгород, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред. И. И. Чумак-Жунь. Белгород: Эпицентр, 2022. 190 с.
2. Даля Даля: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции учёных «Далевские чтения», посвящённой 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Белгород, 21–23 мая 2024 г.) / отв. ред. И. И. Чумак-Жунь. Белгород: Эпицентр, 2024. 112 с.
3. Даля Даля: сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных «Далевские чтения», приуроченной ко Дню славянской письменности и культуры (Белгород, 22–23 мая 2025 г.) / отв. ред. И. И. Чумак-Жунь. Белгород: Эпицентр, 2025. 190 с.
4. Радбиль Т. Б. Когнитивный анализ культуры // Радбиль Т. Б. Когнитивистика. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. С. 170–248.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
6. Бочина Т. Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань: Казанский университет, 2023. 286 с.
7. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Наука, 1997. 352 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Аникин В. П. Традиции жанра как критерий фольклорности в современном творчестве (частушки и пословицы) // Русский фольклор. Проблемы современного народного творчества. Т. IX. М.: Л.: Наука, 1964. С. 82–96.
10. Шаповалова Т. Е. Модально-временное значение предложений обобщённого характера / Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 26–28.

REFERENCES

1. Chumak-Zhun, I. I., ed. (2022). *Dahl's Distances: A Collection of Articles Based on the Materials of the II All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference of Young Scientists "Dahl's Readings", Dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture (Belgorod, May 19–20, 2022)*. Belgorod: Epicenter publ. (in Russ.).
2. Chumak-Zhun, I. I., ed. (2024). *Dahl's Distances: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference of Scientists "Dahl's Readings", Dedicated to the 225th Anniversary of the Birth of A. S. Pushkin (Belgorod, May 21–23, 2024)*. Belgorod: Epicenter publ. (in Russ.).
3. Chumak-Zhun, I. I., ed. (2025). *Dahl's Distances: A Collection of Articles Based on the Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference of Young Scientists "Dahl's Readings", Dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture (Belgorod, May 22–23, 2025)*. Belgorod: Epicenter publ. (in Russ.).

4. Radbil, T. B. (2018). Cognitive Analysis of Culture. In: Radbil, T. B. *Cognitive Studies*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University publ., pp. 170–248 (in Russ.).
5. Kovshova, M. L. (2019). *Lingvocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Sayings: Anthroponymic Code of Culture*. Moscow: LENAND publ. (in Russ.).
6. Bochina, T. G. (2023). *A Proverb Speaks for Centuries: Selected Works on Russian Paremiology*. Kazan: Kazan University publ. (in Russ.).
7. Arutyunova, N. D. (1997). *Logical Analysis of Language. Language and Time*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
8. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
9. Anikin, V. P. (1964). Genre Traditions as a Criterion of Folklore in Contemporary Creativity (Ditties and Proverbs). In: *Russian Folklore. Problems of Contemporary Folk Art. Vol. IX*. Moscow: Leningrad: Nauka publ., pp. 82–96 (in Russ.).
10. Shapovalova, T. E. (2022). Modal-Temporal Meaning of Generalised Sentences. In: Shapovalova, T. E. *Etudes on Time. Selected Articles*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 26–28 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, академик МАНПО;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education, Academician of the IASPE;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

Научная статья

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-22-29

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МИРА ПРИРОДЫ В ТЕКСТАХ ПРОЗЫ В. Н. КРУПИНА

Ермакова А. С.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: olshatalova@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.04.2026

Принята к публикации 29.04.2026

Аннотация

Цель. Выявить своеобразие языковой репрезентации мира природы в текстах художественных произведений В. Н. Крупина.

Процедура и методы. Вырабатывается модель индивидуально-авторского описания картин природы, основанная на формализованной сплошной выборке материала. В качестве основного используется семантико-стилистический метод, позволивший составить представление о художественной целостности восприятия и осмысления писателем мира русской природы.

Результаты. Рассмотрен корпус языковых единиц, позволяющих расширить парадигму функционально-семантических признаков картин русской природы, выявлены основные символы и образы, характеризующие данную концептосферу как текстообразующую и эстетически значимую, непосредственно связанную с мировоззрением писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение художественных приёмов, контекстуального окружения, синтагматических связей позволило выявить индивидуально-авторские универсалии восприятия явлений природы. Практическая значимость определяется возможностью применения материалов в преподавании таких дисциплин, как язык художественной литературы, стилистика русского языка, а также в возможности использования результатов для дальнейшего изучения идиостилевых особенностей прозы В. Н. Крупина.

Ключевые слова: идиостиль, изобразительно-выразительные средства, мир природы, образ, символ

Для цитирования:

Ермакова А. С. Вербализация мира природы в прозе В. Н. Крупина // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 22–29. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-22-29>.

Original research article

VERBALISATION OF THE NATURAL WORLD IN V. N. KRUPIN'S PROSE

A. Ermakova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: olshatalova@rambler.ru

Received by the editorial office 09.04.2026

Accepted for publication 29.04.2026

Abstract

Aim. To identify the specificity of the linguistic representation of the natural world in V. N. Krupin's works.

Methodology. Based on a formalised continuous sampling of the material, we aim to identify the model which the author uses when describing nature. The semantic-stylistic method is used as the main method, which helped to form an idea of the artistic integrity of the writer's perception and understanding of the world of Russian nature.

Results. The article examines the corpus of linguistic units that make it possible to expand the paradigm of functional and semantic features of Russian nature paintings and identifies the main symbols and images that characterise this concept as text-forming and aesthetically significant, directly related to the writer's worldview.

Research implications. The study of artistic techniques, contextual environment, and syntagmatic connections allowed us to identify individual authorial universals of perception of natural phenomena. The practical significance of the study lies in the possibility of using its materials in teaching such disciplines as the language of fiction, the stylistics of the Russian language, and the possibility of using the results for further study of the idiosyncratic features of V. N. Krupin's prose.

Keywords: idiolect, world of nature, symbol, image, expressive means

For citation:

Ermakova, A. S. (2026). Verbalisation of the Natural World in V. N. Krupin's Prose. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 22–29. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-22-29>.

Введение

В 2026 г. исполняется 85 лет известному русскому писателю, публицисту, выпускнику факультета русской филологии Государственного университета просвещения (бывш. Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской) Владимиру Николаевичу Крупину. В своих произведениях писатель размышляет о добре и зле, о вере, о судьбе России. Сергей Залыгин, высоко оценивая творчество В. Н. Крупина, пишет: «... я уверен, что тонкость наблюдений Крупина, ... его слово, как средство выражения этих наблюдений, а через них – и жизни, и мира, давно уже привлекают и ещё и ещё будут привлекать внимание самого широкого читателя».¹

Проза Крупина изучается и с литературоведческой, и с лингвистической точки зрения. Это и отдельные статьи, и диссертационные исследования: И. Б. Аванесян (2018) [1], О. П. Белова (2004) [2], С. М. Исупова (2016) [3], А. А. Кабылкова (2022) [4], Т. В. Кошурникова (2008) [5], (2010) [6], В. А. Кулакова (2020) [7],

М. Ю. Покручина (2023) [8], О. В. Рыбак (2009) [9], Е. Н. Семькина (2001) [10], Н. Л. Федченко (1999) [11], О. В. Шаталова (2024) [12] и др.

Для прозы В. Н. Крупина характерно наличие символов, образов, в которых отражается художественный мир автора. Основными «являются Вода, Дом и Крест, они отражают национально-культурную специфику художественных текстов писателя, где основными ценностными доминантами становятся жизнь, дом, семья, родина, вера» [13, с. 7].

Одной из важных в творчестве Крупина является тема природы, которую можно назвать структурообразующим элементом, вокруг которого создаётся сюжетная линия. Природа для писателя – это не только описание окружающей действительности, это и эмоциональное состояние героя, его чувства и переживания, природа – это своеобразный «очевидец» и участник исторических событий.

Целью статьи являются выявление и описание языковых единиц, при помощи которых писатель не только показывает всю красоту русской природы, но и создаёт

¹ Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 6.

«определённую пропозицию, в которой актуализируется образное содержание слова» [14, с. 120].

Образы и символы русской природы в творчестве В. Н. Крупина

В. Н. Крупин – это поистине русский по духу и по проблематике писатель. Его самобытный язык можно назвать бесценным вкладом в русскую литературу и русскую культуру в целом. Выразительность слова, использование экспрессивных единиц, живых форм языка, столкновение книжных и разговорных элементов – всё это отражает богатую языковую картину мира писателя. Образы, символы, которые мастерски воспроизводит автор, различаются своей семантической наполненностью, структурой и стилистическими функциями. «В художественном пространстве движение по формированию макротекста можно представить следующим образом: *микрообраз* → *образ-интерферент* → *символ* → *макрообраз* → *метаобраз* → *макротекст*» [14, с. 119].

В качестве основных макрообразов мира природы, которые связывают смысловыми нитями произведения писателя в единое целое, можно выделить следующие: *вода, земля, небо, ветер*. Безусловно, эти макрообразы пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Так, «вода несёт в себе общую авторскую идею о движении и развитии всего существующего в мире ... и эксплицируется в символах: брызги, водопад, волна, всплеск, град, дождь, зыбь, лёд, ливень, море, озеро, океан, пена, плеск, поток, прибой, прилив, пруд, пучина, разлив, река, ручей, струя, течение, фонтан, брызгать, затопить, капать, лить, литься, расплескаться, струиться, таять, течь и т. д.» [15, с. 92]. *Вода – кровь земли. Колодец, родник, река, озеро – всё вода.*¹

В макрообраз *вода* входит эмоционально насыщенный образ грозы, который, как правило, сопровождается символами

грома, молнии, ветра, ливня, а контекстуальное окружение (*навалившаяся разом, хлещущая вода, гром трещал, молния пугала, всё чернело, ручей нёсся, вода шипела* и т. д.) указывает на доминирование эксплицитных сем 'беда', 'опасность', 'стихия': *Здесь его и застигла гроза, навалившаяся разом. Сенька спрятался от косого ливня... Среди шума воды, хлещущей с неба, неожиданно сухо трещал гром, вначале пугая молнией. После её вспышки на мгновение всё чернело. ...ветки берёз плескались, как будто их полоскали в дожде. Ручей нёсся как нахлестанный, вода в нём шипела, грязная пена клочьями разбрызгивалась по сторонам.*² В этом произведении (Ямщицкая повесть) Крупин рассказывает о первых днях преобразования вятской деревни в условиях жесточайшей классовой борьбы. И этот трагизм передаётся автором посредством описания природного явления.

Рассказывая о сложных человеческих отношениях, писатель противопоставляет председателя волостного совета Анатолия (он олицетворяет новую власть) и ямщиков (они олицетворяют патриархальную Россию), при этом на языковом уровне Крупин соответственно вводит оппозиции:

– *ветер – вода*; ветер (сгибал, ломал, обрывал) – вода (роса, промытое небо, лужи подёрнулись): *Ветер, пригнавший грозу, был так силен, что сгибал травинки у основания до прямого угла, стелил кусты, обрывал зелёные листья, ломал тополиные ветви. Удары ветра взмётывали дождевые струи, пушили их на мелкие брызги.*³ – *Падала роса. Влажнела трава. Промытое небо бесшумно горело закатом. Слепым белым цветом подёрнулись лужи*⁴;

– *туман* (скопление воды в воздухе) – *чистая вода*; Вятку затопливало туманом. Ещё оставались чернеющие прогалины чистой воды, но и над ними протягивались белёсые полосы.⁵ Заметим, что в этом кон-

¹ Крупин В. Н. Двухскатная крыша // «Возвращение родника» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. С. 58.

² Крупин В. Ямщицкая повесть // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 52.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 86.

тексте встречается и цветономинативная оппозиция *чёрный* – *белый*. Традиционно чёрный цвет ассоциируется с негативными аспектами, а белый – с положительными. Однако в данном случае для усиления контраста автор белый цвет сталкивает с символом тумана, а чёрный – с чистой водой (белёные полосы тумана – чернеющие прогалины чистой воды). Таким образом природные явления становятся участниками трагических событий.

Макрообраз *земля* включает символы дороги, леса (*Огромное поле белой ткани, и поперёк продёрнута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем тёмном лесу*¹), поляны (*Обруч огня искривился, задымил и погас, оставив неровную тёмную полянку*²), поля (*Река светилась, темнели над ней ивы, дальше желтело поле*³), рощи (*А роща на востоке начинает розоветь, будто там встали и зажгли горящие розовые свечи*⁴), растений, цветов (*рябина, берёза, сосна, ель, черёмуха, лиственница, ромашка, кувшинка, одуванчик и др.*) – (... *сосны шумят, ели совсем по-другому шумят, берёзы трепещут, осины плещутся, – это и не шум, а музыка*⁵), ягод (*брусника, малина, земляника, черника, калина, клюква и др.*) – (*Полянка вся в землянике, красным-красна, и на ней роса играет*⁶) и др.

Макрообраз *небо* составляют такие символы, как солнце (*Солнце вставало рано, но поднималось медленно. ... солнце ослабило свою свирепость*⁷), луна (...*луна вес-*

*ной особенно хороша, а свет её не доходил до земли, тратился понапрасну*⁸), месяц (... *махонький месяц родился, тучи к утру его распеленали*⁹), звёзды (*Когда вспыхивал сразу гаснущий, изогнутый след звезды, он возникал так сразу...*¹⁰; *Приходит, появляется звёздное небо, будто меняется покров над миром*¹¹) и др.

Макрообраз *ветер* включает оценочные единицы, которые указывают на силу, мощь, скорость, продолжительность и направление этого атмосферного явления: *Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи – это же не природные явления, это гнев Божий*.¹² *Рваные тучи резво подхлестывались ветром*.¹³

Отдельное внимание уделяется орнитологической символике. Это скворец, кукушка, соловей, жаворонок и др. Изображая жизнь птиц, писатель показывает течение повседневной жизни человеческой: *Скворцы вылетят за кормом. Но нет, уже не скворцы, а скворец. Уже не вылетит скворчиха – села на яйца, высиживает птенцов. Вылупятся, встанут на крыло, осенью улетят в Африку. А весной вернутся*.¹⁴ Жизнь человеческая сравнивается и с растительным миром (рождение – цветение – старение – смерть): *Если бы он знал, что человек – часть природы, он бы не согласился, хотя прожил именно по законам природы – от рождения, через расцвет, к старению*.¹⁵

¹ Крупин В. Гречиха // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 224.

² Крупин В. Ямщицкая повесть // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 51.

³ Крупин В. Повесть о том, как... // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 259.

⁴ Крупин В. День да ночь – сутки прочь // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 211.

⁵ Крупин В. Н. Сороковой день // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 370.

⁶ Крупин В. Н. Варвара // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 18.

⁷ Крупин В. Н. Живая вода // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 172.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Крупин В. Н. Сороковой день // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 370.

¹⁰ Крупин В. Падает звезда // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 34.

¹¹ Крупин В. Корабль // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 128.

¹² Крупин В. Энергия – дар Божий // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 123.

¹³ Крупин В. Н. Живая вода // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 131.

¹⁴ Крупин В. Солнце играет // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 203.

¹⁵ Крупин В. Н. Живая вода // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 246.

Тема человека и природы звучит в произведениях Крупина с нескольких позиций. Во-первых, благостная тишина природы противопоставляется жестоким отношениям между людьми (*И грустно было думать, что в этой благостной тишине, под этим родным для всех лунным светом, среди прохладных, высоких трав и тихих лесов, люди бьют плетью лошадей, гонятся за другими людьми.*¹ Во-вторых, писатель с болью говорит о катастрофическом вмешательстве человека в природный мир, при этом описывает ситуацию при помощи экспрессивных единиц: *Эта техника заразная нужна здесь, чтоб, как в средневековой пытке, содрать с живого человека кожу, так и с земли покров. О, преобразователи болот в пустыне, о чтоб вам!..*² В данном случае это и восклицательное предложение, и междометия, и разговорная лексика, и оценочные эпитеты (*изуродованное поле, искалеченная опушка*). В-третьих, природа – она вне времени: *...камень, вода, деревья – вне времени.*³

Природные образы воплощают внутреннее мировоззрение писателя, связанное с размышлением о жизни, о будущем России, о взаимоотношениях человека и природы, о хрупкости и в то же время мощи русской природы.

Художественные приёмы как средство создания эмоциональной картины русской природы в текстах прозы В. Н. Крупина

«Эмоциональное начало обуславливает многие особенности характера, отражается в зеркале речевого поведения языковой личности, коммуникативных стратегиях и тактиках, в оценке иных и самооценке человека» [16, с. 29]. При описании мира природы В. Н. Крупин использует целый комплекс художественных тропов: эпитет,

метафора, сравнение, олицетворение, гиперболы, повторы и др.

«Лингвистические исследования сравнения в художественном идиостиле писателя позволяют выявить стереотипы мышления художника слова, его устойчивые представления о каком-либо явлении, свойстве, объекте, сложившиеся под влиянием социальных условий и жизненного опыта» [17, с. 55]. Так, языковой анализ произведений Крупина показал, что чаще автор использует индивидуально-авторские сравнения с развёрнутой структурой: *Мальчишка, взягивая, помчался по пыльной дороге, похожей на шёлковое стёганое одеяло*⁴; *Одинокое беспримутное облако закрыло луну, как закрывают ладошкой свечу, и опять побежало дальше*⁵; *...озёра весь день похожи на спокойный пожар*⁶; *...снежинки вспыхивали на солнце, будто крохотные лёгкие зеркальца*⁷; *Земля всё неслась к солнцу, подлезая под него снизу, как виноватый ребёнок подлезает под руку матери и заглядывает в лицо*⁸.

Как правило, сравнение включает в себя и эпитетацию: *Озёра лежат белые, подвенечные, а ночью вспоминается саван*⁹. Или, например: *гигантские подсвечники сосен; белая паутина одуванчиков; солнце – здоровенный красный зверь выгибал хребтину; мутная туча как нашествие вынеслась из-за леса; одуванчик искрился, как бриллиант и др.*

Частотным приёмом является персонификация, когда природным объектам и явлениям приписываются человеческие качества, эмоции, поведение, черты: *...солнце играет на небе; ...солнце просто прыгает, резвится в небесах от счастья*

⁴ Крупин В. Ямщицкая повесть // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 108.

⁵ Там же.

⁶ Крупин В. В заливных лугах // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 224.

⁷ Крупин В. Н. Двухскатная крыша // «Возвращение родника» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. С. 124.

⁸ Крупин В. Н. Живая вода // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 252.

⁹ Крупин В. В заливных лугах // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 225.

¹ Крупин В. Ямщицкая повесть // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 108.

² Крупин В. Н. Сороковой день // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 307.

³ Крупин В. Розовый свет // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 157.

Воскресения Иисуса Христа¹; **Земля торопилась** так ощутимо, что **вздрагивала от скорости**²; Смотрел на **радостное лицо** летящей сквозь лёгкие облака **луны**...³, а также – **махонький месяц** родился; деревья дрожали, будто боясь не успеть; Земля поднырнула под солнце, быстро поскользился и др. А порой автор прямым текстом говорит о том, что природа – живая: А так оно и есть – **ветер одушевлённый**.⁴ Или, например: волны нянчили наш баркас; цветочки спать легли, глазки закрыли; Река Лобань как девочка-подросток играет и поёт на перекатах и др.

Эмоциональными, экспрессивными, яркими картины природы предстают перед читателем благодаря такому художественному приёму, как повтор: *Начинается закат. Такая* облитая светом чистая зелень, *такое* режущее глаза сверкание воды, *такой* тихий, холодеющий ветерок⁵; **Все** боли, **все** обиды и скорби, **все** мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. **Только** воздух и небо, **только** облака и солнышко, **только** вода в берегах, **только** родина во все стороны света, **только** счастье, что она такая – красивая, спокойная, добрая.⁶

Удивительно выразительной, экспрессивной является лексика, с помощью которой писатель рисует картины природы. Безусловно, к изобразительно-выразительным средствам можно отнести и цветообозначения. Крупин использует как традиционные (На воде **голубые** стрелы света. **Зелёное и золотое** холмистых берегов⁷), так и индивидуально-авторские номинации (*И хотя бы завтра не будет луна*

как кровь, не сместятся завтра звёзды со своих мест⁸). Широкий спектр цветовой гаммы: **даль** – зелёная от молодой листвы и дымчато-сизая и голубая перед небом, **туман** – серо-молочный, влажный, **солнце** – резко алое, **поля** – жёлто-мглистые и др.

«Многочисленную группу экспрессивно-оценочных лексем составляют имена существительные с суффиксом -К-, ... и они имеют только значение ласкательности» [18, с. 93]. Это такие лексемы, как *полянка*, а также существительные с другими уменьшительно-ласкательными суффиксами (*ветерок, цветочек (цветочки), скворчик, травинка, речушка, солнышко* и др.)

При описании русской природы писатель использует и книжную высокую лексику (*солнышко вознеслось*), и разговорные языковые единицы (*Солнце хлестало во всю свою теплынь и светлынь*).

Богатство изобразительно-выразительных средств помогает читателю визуализировать образы мира природы, даёт возможность воспринимать эти картины красочнее, выразительнее и ярче.

Заключение

Образный мир природы в прозе В. Н. Крупина в целом сохраняет традиционную основную семантику, но при этом маркируется индивидуально-авторскими коннотациями. Писатель, используя целый комплекс изобразительно-выразительных средств, расставляет основные акценты: 1) природа – живая (*Цветок любит хозяйна, и дерево способно помнить добро и зло*); 2) природа – дар Божий (о реке Кизерка: *счастье погружения почти в крещенские воды*); 3) природа – музыка (*в ветвях деревьев музыкальное журчание, тихий плавный звон; говор реки; лепет лесных ручейков; гремящий на всю округу соловей; шорох дождя*); 4) природа – дом, родина.

Таким образом, В. Н. Крупин показывает взаимодействие антропологического и природного миров, через картины природы передаются чувства, переживания и

¹ Крупин В. Солнце играет // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 202.

² Крупин В. Н. Живая вода // Крупин В. Н. Избранное: в 2 т. Т. 1 / предисл. С. Залыгина. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 252.

³ Крупин В. Цветок с родинкой // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 29.

⁴ Крупин В. Энергия – дар Божий // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 123.

⁵ Крупин В. Река Лобань // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 215.

⁶ Там же. С. 216.

⁷ Крупин В. Корабль // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 128.

⁸ Крупин В. Солнце играет // Море житейское. Подольск: Академия-XXI, 2015. С. 203.

эмоции. Символы и образы, воспроизведённые писателем, помогают почувствовать настроение героя, правильно оценить исторические события и через богатство русской природы разглядеть тонкие струны души русского человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян И. Б. Умиление как духовная доминанта творчества В. Н. Крупина // XXIII международные научные чтения (М. В. Келдыша): сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 марта 2018 г.). М.: Европейский фонд инновационного развития, 2018. С. 52–55.
2. Белова О. П. Своеобразие художественно-публицистической манеры Владимира Крупина: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2004. 270 с.
3. Исупова С. М. Экспрессивно-оценочная лексика в повести В. Н. Крупина «Живая вода» // Символ науки. 2016. № 1. С. 92–94.
4. Кабылкова А. А. Творчество В. Н. Крупина 2000–2010-х годов: аксиология, проблематика, образная система, жанровый диапазон: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2022. 26 с.
5. Кошурникова Т. В. Жанровые модификации в творчестве В. Н. Крупина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 225 с.
6. Кошурникова Т. В. Традиции духовных жанров русской литературы в произведениях В. Н. Крупина // Rhema. Рема. 2010. № 3. С. 21–30.
7. Кулакова В. А. К вопросу об авторской языковой картине мира В. Н. Крупина // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвящённый 80-летию юбилею профессора Льва Феофановича Копосова. Вып. XIX. М.: Принтика, 2020. С. 364–369.
8. Покручина М. Ю. Национально-культурная специфика художественных текстов В. Н. Крупина: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 199 с.
9. Рыбак О. В. Художественная концепция личности в творчестве В. Н. Крупина: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2009. 182 с.
10. Семькина Е. Н. Творческие искания В. Крупина 1970–90-х годов: Духовный мир героев; православные мотивы: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2001. 178 с.
11. Федченко Н. Л. Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х гг. (В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова): дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 1999. 218 с.
12. Шаталова О. В. «Русские» в прозе В. Н. Крупина: языковой портрет // Актуальные проблемы культуры речи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 15 мая 2024 г.). М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 16–22.
13. Мишура О. В. Проблема русского национального характера в повести В. Крупина «Как только, так сразу» // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1 (26). С. 142–143.
14. Войлова К. А. Избранные труды / сост., отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 396 с.
15. Ермакова А. С. Репрезентация концепта *вода* в рассказах В. Н. Крупина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой (Москва, 27 февраля 2020 г.). М.: Диона, 2020. С. 90–96.
16. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Постатор, 2022. 462 с.
17. Туранина Н. А. Репрезентанты сравнения в современной женской прозе // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 55–60.
18. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 260 с.

REFERENCES

1. Avanesyan, I. B. (2018). Tenderness as a Spiritual Dominant of V. N. Krupin's Works. In: XXIII International Scientific Readings (M. V. Keldysh): Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 15, 2018). Moscow: European Foundation for Innovation Development publ., pp. 52–55 (in Russ.).
2. Belova, O. P. (2004). *The Originality of Vladimir Krupin's Artistic and Journalistic Manner*: [Dissertation]. Ulyanovsk (in Russ.).

3. Isupova, S. M. (2016). Expressive and Evaluative Vocabulary in V. N. Krupin's Story "Living Water." In: *Symbol of Science*, 1, 92–94 (in Russ.).
4. Kabylova, A. A. (2022). *The Works of V. N. Krupin in the 2000s–2010s: Axiology, Problems, Imagery System, Genre Range*: [Dissertation]. Minsk (in Russ.).
5. Koshurnikova, T. V. (2008). *Genre Modifications in the Works of V. N. Krupin*: [Dissertation]. Moscow (in Russ.).
6. Koshurnikova, T. V. (2010). Traditions of Spiritual Genres of Russian Literature in the Works of V. N. Krupin. In: *Rhema*, 3, 21–30 (in Russ.).
7. Kulakova, V. A. (2020). On the Author's Linguistic Worldview of V. N. Krupin. In: *Russian Language: History, Dialects, Modernity: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Prof. Lev Feodosievich Koposov. Iss. XIX*. Moscow: Printika publ., pp. 364–369 (in Russ.).
8. Pokruchina, M. Yu. (2023). *National and Cultural Specificity of V. N. Krupin's Fiction*: [Dissertation]. Belgorod (in Russ.).
9. Rybak, O. V. (2009). *The Artistic Concept of Personality in the Works of V. N. Krupin*: [Dissertation]. Armavir (in Russ.).
10. Semykina, E. N. (2001). *Creative Searches of V. Krupin in the 1970s–90s: The Spiritual World of Heroes, Orthodox Motifs*: [Dissertation]. Belgorod (in Russ.).
11. Fedchenko, N. L. (1999). *Trends in Genre and Stylistic Development of the Story of the 1990s (V. Krupin, L. Borodin, V. Narbikova)*: [Dissertation]. Armavir (in Russ.).
12. Shatalova, O. V. (2024). "Russians" in the Prose of V. N. Krupin: A Linguistic Portrait. In: *Actual Problems of Speech Culture: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, May 15, 2024)*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 16–22 (in Russ.).
13. Mishura, O. V. (2008). The Problem of Russian National Character in V. Krupin's Story "As Soon as, So Immediately." In: *Cultural Life of the South of Russia*, 1 (26), 142–143 (in Russ.).
14. Voylova, K. A. (2014). *Selected Works*. Moscow: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).
15. Ermakova, A. S. (2020). Representation of the Concept of Water in the Stories of V. N. Krupin. In: *Russian Language in Slavic Intercultural Communication: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Dr. Sci. (Philology), Prof. K. A. Voylova (Moscow, February 27, 2020)*. Moscow: Diona publ., pp. 90–96 (in Russ.).
16. Ledeneva, V. V. (2022). *Features of the Idiolect of N. S. Leskov*. Moscow: Postator publ. (in Russ.).
17. Turanina, N. A. (2011). Representatives of Comparison in Modern Women's Prose. In: *Scientific Issues. Series: Humanities*, 12 (107), 10, 55–60 (in Russ.).
18. Ledeneva, V. V. (2015). *Leskov's Word*. Moscow: Moscow State Regional University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Алена Сергеевна (г. Москва) – заместитель декана факультета русской филологии Государственного университета просвещения
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena S. Ermakova (Moscow) – Deputy Dean of the Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-30-39

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОУЧЕНИЙ XI–XIII ВЕКОВ

Калинин К. А.

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны, Российская Федерация

e-mail: filologkalinin@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2026

Принята к публикации 14.04.2026

Аннотация

Цель. Выявление и описание коммуникативных стратегий повествователя в тексте древнерусских поучений с учётом реализации в них коммуникативных моделей ролевого дейксиса.

Процедура и методы. Достижение поставленной цели реализуется с помощью применения следующих методов: структурно-типологического, моделирования, лингвистического эксперимента и дискурсивного анализа. В работе исследуются корпуса текстов древнерусских поучений наиболее значимых проповедников – Феодосия Печерского (XI век) и Серапиона Владимирского (XIII век), а также ряд древнерусских посланий.

Результаты. На основании анализа корпуса текстов древнерусских поучений XI–XIII вв. выделены основные коммуникативные стратегии повествователя (адресанта), направленные на изменение модели мира слушателя (адресата) в соответствии с божественной истиной. Описаны языковые средства разных уровней, отбор которых позволяет реализовать выбранную коммуникативную модель. Показана роль выбора той или иной коммуникативной модели для оказания эмоционального воздействия на адресата текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование закладывает теоретические основы для изучения древнерусского текста как речевого жанра в свете достижений современной лингвистики для установления динамических процессов в русском языке.

Ключевые слова: древнерусские поучения, коммуникативные стратегии, повествователь (адресант) – текст – слушатель (адресат), ролевой дейксис, языковая модель повествователя

Для цитирования:

Калинин К. А. Коммуникативные стратегии повествователя в тексте древнерусских поучений XI–XIII веков // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 30–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-30-39>.

Original research article

NARRATOR COMMUNICATIVE STRATEGIES IN OLD EAST SLAVIC HOMILETIC TEXTS OF THE 11TH–13TH CENTURIES

K. Kalinin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

e-mail: filologkalinin@mail.ru

Received by the editorial office 10.04.2026

Accepted for publication 14.04.2026

Abstract

Aim. Identification and description of the narrator's communicative strategies in the text of Old Russian teachings, considering the implementation of communicative models of role deixis.

Methodology. The achievement of the set goal is realised by means of the application of methods of scientific analysis, structural-typological, modelling, linguistic experiment and discourse analysis. The paper analyses the corpora of texts of the most significant preachers of Old Russian teachings, such as Feodosy Pechersky (11th century) and Serapion Vladimirsky (13th century), as well as several Old Russian epistles.

Results. Based on the analysis of the corpus of Old Russian teachings from the 11th–13th centuries, the main communicative strategies of the narrator (“addresser”) aimed at changing the listener’s (“addressee”) worldview in accordance with divine truth have been identified. The paper describes language tools at various levels, the selection of which enables the implementation of the chosen communicative model. It highlights the role of selecting a particular communicative model in exerting an emotional impact on the text recipient.

Research implications. This study lays the theoretical foundations for studying Old Russian texts as a speech genre in the context of modern linguistics to establish dynamic processes in the Russian language.

Keywords: Old Russian teachings, communicative strategies, narrator (“addresser”) – “text” – listener (“addressee”), role deixis, narrator’s language model

For citation:

Kalinin, K. A. (2026). Narrator Communicative Strategies in Old East Slavic Homiletic Texts of the 11th–13th Centuries. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 30–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-30-39>.

Введение

Древнерусские поучения представляют собой показательный материал для исследования средневековой русской словесности с позиций теории коммуникации. Применение достижений современной лингвистики к изучению этих текстов значимо и перспективно. Включение древнерусского языкового материала в данный контекст позволяет расширить перспективу исследований и установить причины системных динамических процессов в русском языке. Этим и обусловлена актуальность настоящей работы.

Почтения довольно подробно изучены как жанр древнерусской литературы (М. В. Антонова, И. П. Ерёмин, Д. С. Лихачёв, Н. В. Поньрко и др.). Большинство работ посвящены изучению идейно-тематического своеобразия отдельных произведений в контексте древнерусской словесности. Однако вопрос о лингвистическом описании текстов поуче-

ний как речевого жанра остаётся открытым и требует специальных исследований.

Научная **новизна** определена применением к анализу текста древнерусских поучений XI–XIII веков данных теории коммуникации в аспекте определения коммуникативных стратегий повествователя через реализацию ролевого дейксиса.

Одним из важнейших аспектов рассмотрения древнерусского поучения как речевого жанра с позиций теории коммуникации является определение стратегий развёртывания авторского повествования для решения коммуникативной цели, обусловленной системной и структурной организацией текста.¹ Вслед за Е. А. Петренко под коммуникативной стратегией мы понимаем «осознанно избранный автором принцип порождения текста, обусловленный принадлежностью субъекта высказывания определённому типу (институцио-

¹ Актуальные проблемы современной русистики: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2026. С. 327–330.

нального) дискурса, характеризующийся наличием воздействующего потенциала (стремлением изменить или скорректировать модель мира адресата), воплощающийся в выборе субъектом высказывания специфической жанровой формы и типичного набора текстовых и разноуровневых языковых средств» [1, с. 13]. Предложенное определение ставит перед исследователем текста древнерусского поучения ряд задач, решение которых позволит понять, каким образом повествователь (адресант) текста предпринимает попытку достижения коммуникативной цели и какие языковые средства позволяют ему добиться необходимой ответной реакции слушателя (адресата). Это подводит к проблеме отбора языковых средств¹, решение которой призвано «обнаружить малейшие колебания смысла в развёртывании произведения» [2, с. 219]. Повествователь в тексте древнерусского поучения как активный субъект коммуникативного акта реализует свой потенциал через выбор определённого набора языковых средств в рамках заданной структуры: «идея известна – язык дан – текст задан» (В. В. Колесов)², ориентацией на «знакомое» (Д. С. Лихачёв) [3, с. 71].

Коммуникативные стратегии повествователя древнерусских поучений

В текстах древнерусских поучений XI–XIII вв. довольно отчётливо выделяются четыре коммуникативные модели, которые определяют языковые взаимоотношения адресанта (повествователя) и адресата (слушателя): «азъ/я ↔ вы»; «азъ/я ↔ ты»; «о – ты»; «мы». Перечисленные модели коммуникативной организации текста реализуются в древнерусских поучениях не изолированно друг от друга. В зависимости от конкретной коммуникативной задачи, условий коммуникативной ситуации и характера адресанта повествователем

выбираются определённые языковые средства организации текста в пределах заданной коммуникативной модели. В текстах древнерусских поучений эти модели могут развёртываться последовательно или параллельно, сталкиваться или противопоставляться друг другу. В тексте реализуются варианты соотношения ролевых дейктиков 1 и 2 лица (*азъ/я – мы – ты – вы*), а также соответствующих им глагольных форм и притяжательных местоимений в текстовом пространстве. Это определяет ведущую роль морфологических языковых средств в выражении авторской модальности побуждения [4, с. 75]. Варианты взаимодействия коммуникативных моделей могут быть определены как коммуникативные стратегии, реализующие языковое поведение повествователя. В текстах древнерусских поучений XI–XIII вв. можно выделить следующие коммуникативные стратегии повествователя:

1. Последовательная реализация одной коммуникативной модели в пределах текста. Подобная организация древнерусского поучения обычно связана с реализацией конкретной идеи, которая пронизывает текстовое пространство. В тексте устанавливается единая синтаксическая перспектива, которая подчиняет себе отбор повествователем средств различных языковых уровней. Примером реализации такой коммуникативной стратегии может служить текст «Почтения» преп. Серапиона Владимирского («Почюдимъ, братье...»)³. В тексте последовательно реализуется коммуникативная модель «мы», которая задаётся уже в самом начале поучения: *«Почюдимъ, братье, человекколюбье Бога нашего. Како ны приводить к себе? Кыми ли словеса не накажет насъ? Кыми ли запръщени не запръти нам? Мы же никако же к Нему обратимся!»*⁴ Синтаксическую перспективу текста ор-

¹ Колесов В. В. Слово и текст в древнерусской традиции // Колесов В. В. Древнерусский литературный язык: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2026. С. 294.

² Там же. С. 296.

³ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 376–379.

⁴ Там же. С. 376.

ганизует словесный ряд предикатов в форме 1-го лица множественного числа, представленный на протяжении всего поучения: *почюдимъ – обратимся – покажемся – двигнухомъ – в поношение быхомъ – в посмѣхъ быхомъ – сведохомъ – подвигохомъ – отвратихомъ – не дахомъ призирати – казними есмы – обрати-хомся – покаяхомся – отступихомъ – оцѣстихомся – забыхомъ – творимся – жадаемъ – не престанемъ – насытитися не можемъ – желаемъ – падохомъ – речемъ*.¹ Обращает на себя внимание семантическое распределение временных форм, значения которых актуализируются в контексте, «относятся к сфере синтаксиса и являются интенциональными» [5, с. 12]: формы аориста указывают на причины духовного упадка адресанта, от которого повествователь грамматически не отделяет и себя. Это позволяет ему не осуждать слушателей, а показать их положение в свете божественной истины. Формы настоящего / будущего простого времени указывают на вектор необходимых изменений жизни слушателя, что и является коммуникативной задачей повествователя. Усиливает синтаксическую перспективу текста, реализующую коммуникативную модель «мы», многочисленное использование форм дейктического местоимения *мы*, а также притяжательного местоимения *нашъ*, которые характеризует субъектно-объектные отношения адресата и адресанта текста. В тексте употребление этих местоимений становится семантически избыточным и начинает выполнять функцию художественного средства. Для описания последствий несправедливой жизни разворачивается цепь амплификаций, построенная по принципу грамматического параллелизма. Лексической скрепой оказывается повторение в каждой конструкции местоимения *наша*. Приведём фрагмент: «села **наша** лядиною поростоша, и величество **наше**

*смѣрися, красота **наша** погыбе, богатство **наше** онѣмъ в користь бысть, трудъ **нашъ** погании наслѣдоваша*». ² В синтаксическую перспективу текста включены и некоторые цитаты Священного писания, которые подчёркивают объективность авторского повествования: «**двигнухомъ** бо на ся ярость Бога **нашего**, по Давиду: «Въскорѣ възгорися ярость Его на **ны**»³ или «Како **речемъ**: «Отче **нашъ**, остави **намъ** грѣхи **наши**», а сами не ставляюще?»⁴ Выбор цитат позволяет вписать их в реализацию общей коммуникативной модели «мы», что и становится коммуникативной стратегией повествователя древнерусского поучения.

Реализация одной коммуникативной модели на протяжении всего текста поучения оказывается характерной для текстов древнерусских посланий, которые чаще всего реализуют модель «азъ/я ↔ ты». Это обусловлено позицией повествователя, обращённого к конкретному адресату, а не к обобщённой группе лиц («братии», «чадам духовным»). Примером последовательной реализации такой модели могут служить тексты послания «Отъ грѣшного Георгия, черноризца Зарубьскыя пещеры, повѣньне къ духовному чаду»⁵ или «Послания смиреннаго епископа Симона, Владимирскаго и Суздальскаго, к Поликарпу, черноризцу Печерскому».⁶ Выбор языковых средств в текстах обусловлен их коммуникативной задачей: выражением реакции на конкретный поступок или вопрос адресанта.

2. Расщепление модели «мы» на «азъ/я ↔ вы». Такая коммуникативная стратегия чаще всего обусловлена необходимостью прямого выражения отношения повествователя к несправедливой жизни тех, к кому обращено поучение. Подобная организация текста позволяет повествователю смягчить обличение через неотделение себя от слушателей в начале поучения.

² Там же. С. 376.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 378.

⁵ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. С. 152–153.

⁶ Там же. С. 181–186.

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 376–379.

При этом синтаксическая перспектива текста выстраивается по принципу усиления средств выражения авторской модальности. Момент расщепления коммуникативной модели «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» оказывается сильной позицией текста. Как правило, именно в пункте отделения точки видения повествователя от точки видения адресанта первым прямо высказывается коммуникативная задача поучения. Это оказывается и значимым риторическим приёмом, акцентирующим внимание адресата на ключевой идее текста.

Описанная коммуникативная стратегия реализуется в тексте «Слова преподобного отца нашего Серапиона».¹ С начала текста поучения повествователем реализована коммуникативная модель «*мы*»: «Тогда реченное Господомъ **нашимъ** ныня збысться – при **насъ**, при **послѣднихъ** людехъ».² Повествователь ни семантически, ни грамматически не отделяет себя от своих слушателей, даже при описании духовного отступления: «**Не послушахомъ** Еуаггелья, не **послушахомъ** Апостола, не **послушахомъ** пророкъ, не **послушахомъ** свѣтилъ великихъ».³ Это позволяет ему, с одной стороны, расположить к себе слушателей, не показывая своего духовного превосходства и не возвышаясь над нами. С другой стороны, повествователь как бы устраняет выражение субъективного отношения к описываемому в поучении, что приводит к объективации авторского повествования. Отсутствие противопоставленных позиций в тексте («*азъ/я ↔ вы*») формирует пресуппозицию высказывания, определяющую согласие повествователя (адресанта) и слушателя (адресата) в общей характеристике ситуации. Это и позволяет повествователю перейти к мысли о необходимости духовного преобразования. Расщепление «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» в описываемом тексте происходит в следующих

фрагментах: «**оубоитесь, молю вы, сего напраснаго разлученья**»⁴ и далее «Много бо **глаголю вамъ: аще бо не премънитесь, извьта не имате пред Богомъ**».⁵ Переход к коммуникативной модели «*азъ/я ↔ вы*» меняет тональность повествования и актуализирует модальность предупреждения. Повествователь отделяет себя от слушателей и передаёт им ответственность за последствия невыполнения предписаний поучения. Появление противопоставления «*азъ/я ↔ вы*» позволяет сделать авторское повествование более сильным в риторическом отношении и акцентировать внимание слушателей на значимых для повествователя содержательных аспектах поучения.

Выбор коммуникативной стратегии расщепления «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» характерен для текста «В пяток 3 недѣли поста святаго Феодосия поучение о трѣпѣнии и о смирении».⁶ Замена синтаксической стратегии происходит в завершающей части текста поучения: «Да не **лѣннимся**, любимици мои, братиа и отци и чада духовнаа избраннаа, съ слѣзами бо **глаголю горкаа словеса въ вашей любви**».⁷ Переход от «*мы*» к «*азъ/я ↔ вы*» усиливает эмоциональный пафос авторского повествования и позволяет адресанту прямо выразить свои эмоции. Выбранная коммуникативная стратегия позволяет эксплицитно высказать мотивацию и коммуникативную задачу поучения: «Да нужда **ми** есть **глаголати къ вашей любви** вся та, да нѣ кто умреть въ **моемъ** молчаніи **любтымъ грѣхомъ**».⁸ Выбранная повествователем коммуникативная стратегия позволяет ему передать ответственность за соблюдение / несоблюдение предписанного в тексте поучения адресату и ещё раз подчеркнуть значимость сказанного.

3. Объединение модели «*я ↔ ты/вы*» в «*мы*». Общая перспектива такой коммуни-

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370–373.

² Там же. С. 370.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Там же.

⁶ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 178–179.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Там же.

кативной стратегии в тексте поучения связана с переходом от обсуждения частных, конкретных ситуаций к обобщениям, от субъективного к объективному повествованию. Чаще всего эта стратегия выбирается повествователями для того, чтобы расположить адресата, не оттолкнуть его обличением, а показать путь спасения, что является ведущей темой на протяжении всего периода развития древнерусской словесности [6, с. 15–16]. Переход к реализации коммуникативной стратегии «*мы*» характерен для текстов древнерусских поучений в целом, т. к. передаёт одну из важнейших категорий мышления древнерусского человека – идею соборности, которая находит выражение в произведениях словесности через отбор языковых единиц разных уровней. В тексте древнерусского поучения стирается противопоставление между повествователем (адресантом) и слушателем (адресатом), что приводит к достижению коммуникативной задачи: внушению божественной истины.

Переход от «*азъ/я ↔ ты*» в «*мы*» последовательно реализован в тексте «Въспрашанье Изяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, игумена Федосья Печерьскаго монастыря». ¹ Текст написан как ответ на вопрос адресанта поучения о посте, который мог бы быть задан при устном общении или передан автору поучения в любом виде. Авторская формулировка жанра текста как «въспрашанье» подчёркивает характер коммуникативной ситуации, реализованный в тексте использованием коммуникативной модели «*азъ/я ↔ ты*» уже с первых фраз: «Что возмыслил *еси*, боголюбый княже, *воспрашати мене*, некнижна і худа, о таковоі вещи». ² Противопоставление адресанта и адресата поддержано антитезой в их характеристике, выраженной именами прилагательными: *боголюбый* – *некнижна і худа*. Развёртывание текста поучения реализуется через последовательные отве-

ты повествователя на вопросы адресанта, которые формулируются первым. Это позволяет композиционно разделить текст поучения, по крайней мере, на четыре смысловых блока [7, с. 162] и выстроить отношения между участниками коммуникативной ситуации. В своих ответах повествователь текста использует традиционные средства объективации авторского повествования, призванные подчеркнуть, что предложенные в поучении ответы являются не собственным отношением повествователя, а попыткой сформулировать божественную истину: «*Не я сего завѣщаю, но святїи апостоли*». ³ Риторическая стратегия повествователя реализуется в его позиции как «глашатая» вечных истин [8, с. 16]. Он спорит с иным мнением, которое послужило причиной вопроса адресата (князя) и подчёркивает его субъективность: «*А **иже рекъ** ти в нѣдѣлю не рѣзати, ни того ясти, но не от святаго писания рекъ, нѣ от **своего сердца***». ⁴ Этим противопоставлением повествователь подчёркивает, что для него важнее провозглашение божественной истины, основанной на Священном писании, чем выражение личных суждений, что характерно для средневековой русской словесности в целом [9, с. 24]. Соединение «*азъ/я ↔ ты*» в тексте поучения в «*мы*» реализуется в его финальной части: «***Мы** бо **имамъ** преданья святыхъ апостолъ*». ⁵ При этом позиция «*азъ/я ↔ ты*» не устраняется. Таким образом, повествователь получает возможность подчеркнуть, что высказанная в тексте поучения идея является объективной и становится общей для адресанта и адресата вместе.

Переход от коммуникативной модели «*азъ/я ↔ вы*» к «*мы*» наблюдается в тексте «Въ среду 3 недѣли поста поучение о ползѣ душевнѣи» преп. Феодосия Печерского. ⁶ В начале текста повествователем обозначена

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 182–183.

¹ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 168–170.

² Там же. С. 168.

традиционная для древнерусских поучений коммуникативная ситуация: обращение духовного наставника к своей пастве: «Тѣмъ убо **азъ** нынѣ **дрѣзнухъ** се писати **вамъ**, и **еще** молюся всею душою **моєю**, от болѣзніа сердца горкыя слезы к **вамъ** испущая».¹ Повествователь при этом выстраивает обратную перспективу: себя он уничижает и ставит в подчинённое положение (*дрѣзнухъ, горкыя слезы*), а через обращение к адресату подчёркивает его значимость в масштабах христианского мира: «Братія моя и отци, и чада духовнаа, и съборе Богомъ събранный, и стадо Христово възлюбленное».² После обращения автор меняет коммуникативную модель и вместо ожидаемого употребления в тексте поучения форм 2-го лица множественного числа местоимений и глаголов автор использует формы 1-го лица множественного числа. В тексте выделяется словесный ряд предикатов, последовательно реализующий коммуникативную модель «мы»: *въспрянѣмъ – възненавидимъ – имѣмся – не можем – подвизаемся – възненавидимъ – есмы общались – прѣтрѣнимъ – есмы изглаголали – не будем – имѣмся – не можем – общахомся – варимъ – въскликнемъ – поклонимся – припадѣмъ – възплачемся – услышимъ – ожестимъ – вънидемъ – насытимся*.³ Этот словесный ряд предикатов составляет основу синтаксической перспективы развёртывания текста. В него грамматически вписан и ряд цитат текстов Священного писания, что позволяет включить призыв повествователя в контекст знакомых божественных истин и, соответственно, придать поучению большую значимость. Интересна в этом аспекте реализация повествователем прямого призыва в тексте: «Да и еще, любимици мои, молю вы ся: *подвизаемся и възненавидимъ мира и яже в миръ*».⁴ После обращения вместо ожидаемой формы им-

ператива 2-го лица множественного числа повествователем использованы формы 1-го лица множественного числа, которые позволяют ему не отделять себя от своих слушателей, а привлечь к общему решению названных духовных проблем. Таким образом, переход от модели «азъ/я ↔ вы» к модели «мы» является сознательной коммуникативной стратегией повествователя древнерусского поучения, позволяющей ему не отделять себя от своих слушателей, а показать общую цель спасения души, к которой он не только призывает, но и стремится сам, что ведёт к реализации коммуникативной задачи поучения.

4. Отзеркаливание модели «азъ/я ↔ вы» через идею «я = вы». В ряде текстов древнерусских поучений традиционная коммуникативная модель «азъ/я ↔ вы», указывающая на адресанта и адресата текста соответственно, переворачивается повествователем для достижения особого эмоционального эффекта воздействия на слушателя. Описывая себя («азъ/я»), повествователь даёт характеристику слушателю, который должен в предложенной негативной характеристике увидеть своё духовное состояние. Описание слушателя («вы») реализуется повествователем для выражения того идеального состояния, к которому тот должен стремиться. Подобная коммуникативная стратегия позволяет адресанту текста поучения выстроить образы негативного настоящего и желаемого будущего через отзеркаливание модели «азъ/я ↔ вы» через идею «я = вы». Это позволяет не прямо говорить о духовном состоянии, а дать возможность адресату самостоятельно понять это. А позитивное описание адресата должно послужить мотивацией для достижения спасения души.

Такая коммуникативная стратегия организации поучения реализуется в тексте «Въ вторник 3 недѣли поста на часѣх слово утѣшно къ братии о душевнѣй ползѣ» преп. Феодосия Печерского.⁵ Уже с первых строк поучения автор не просто даёт себе

¹ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 182.

² Там же.

³ Там же. С. 182–183.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Там же. С. 181–182.

уничижительную характеристику, в целом характерную для древнерусской словесности, но и предлагает описание «своего» духовного падения: *«Азъ, грѣшный и лѣнливый, погрѣбый талантъ свой в земли и не придѣлавъ имъ ничтоже, и чаю по вся дни на себѣ онѣхъ лютыхъ и немилостивыхъ истязатель...»*¹ Это описание повествователь вписывает в контекст евангельской притчи о злом рабе, который не преумножил талант, данный ему господином (Мф. XXV, 14–30). В тексте поучения организуется словесный ряд конструкций негативной семантики, относящихся к описанию повествователя (*«азъ/я»*). Напротив, реализация в тексте языковых средств, описывающих адресата (*«вы»*), имеет позитивную семантику: *«да нѣкако бы ся умилосердил благодѣй Богъ вашихъ дѣла молитвъ и любовь, юже къ мнѣ имѣете»*² и *«вашеа ради любви радуясь»*.³ Выбранная коммуникативная модель как бы возвышает слушателей над повествователем, однако должна заставить их обратить внимание на себя и увидеть несоответствие этой характеристики и их духовного положения, а также примерить описание повествователя на себя. В завершение поучения им прямо выражена коммуникативная цель текста с использованием императива, побуждающего к перемене: *«Потицаніе имѣйте, да тогожде блаженства сподобитесь и жизни вѣчнѣй причастници будете»*.⁴ Выбранная коммуникативная стратегия рассчитана на вдумчивого слушателя, который должен стать активным участником коммуникации и самостоятельно сделать выводы после знакомства с текстом поучения.

5. Чередование коммуникативных моделей в пространстве текста. В ряде древнерусских поучений реализуется неоднократное смещение коммуникативных моделей в пределах одного текста. Это об-

условлено конкретными коммуникативными задачами повествователя и самим содержанием текста. Выбор другой коммуникативной модели позволяет ему акцентировать внимание слушателей на том или ином аспекте повествования, что делает момент смены модели сильной позицией текста. Обычно в таких фрагментах текста повествователь прямо говорит о своих коммуникативных задачах. Обращение внимания на эти позиции позволяет понять авторский замысел и дать адекватную интерпретацию текста поучения.

В тексте «Почения» преп. Серапиона Владимирского (*«Многу печаль в сердци своемъ...»*)⁵ пять раз последовательно сменяют друг друга коммуникативные модели *«азъ/я ↔ вы»* и *«мы»*. В поучении эти модели реализуют общие для них семантические функции. Смена модели позволяет автору выразить коммуникативную задачу поучения: *«Молю вы, братье, каждо васъ: внидите в помыслы ваша, узрите сердечными очима дѣла ваша, – възненавидѣте их и отвержете я, к покаянью притецѣте. Гнѣвъ Божию престанетъ, и милость Господня изльется на ны, мы же в радости поживемъ в земли нашей»*.⁶ Этот фрагмент текста поучения, демонстрирующий смену модели *«азъ/я ↔ вы»* на *«мы»*, содержит прямой призыв к перемене, включенный в словесный ряд императивов 2-го лица множественного числа, реализованный в тексте поучения, и называет коммуникативную цель – радость праведной жизни.

Смена коммуникативных моделей реализована в тексте «Слова блаженнаго Серапиона о маловѣрье».⁷ В тексте не только сменяют друг друга модели *«азъ/я ↔ вы»* и *«мы»*, но и в общую перспективу повествования включается модель *«ты»*. Нагромождение ролевых дейктиков в текстовом пространстве поучения усиливает его экспрессивность, что позволяет по-

¹ Ерѣмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 181.

² Там же.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же.

⁵ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 372–377.

⁶ Там же. С. 374.

⁷ Там же. С. 382–385.

вестователю оказывать эмоциональное воздействие на слушателя для достижения коммуникативной задачи. Смена модели позволяет указать на цель повествования: «...бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи **наша** и наказая **насъ**, приводя на **покая- нье**. О **маловѣрнии**, **слышите** казни от Бога». ¹ Пресуппозиция текста поучения заключена в согласии всех коммуникантов в том, что несправедливая жизнь ведёт к наказанию, а задача повествователя – подвести адресата к покаянию. В тексте поучения смена коммуникативных моделей позволяет достичь эффекта эмоционального воздействия на слушателя. Эту роль особо играет включение модели «ты», нехарактерной для текстов поучений подобной тематической организации: «Оканне, кого **спѣдаеши**? не таково же ли человекъ, яко же и **ты**? не звѣрь есть, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на ся **влечеши**? или бессмертенъ **еси**? не **чаеши** ли суда Божия, ни возданыя комуждо по дѣлом его?» ² Ты-стратегия позволяет сделать текст лично-ориентированным и обратить его к каждому слушателю. Эта коммуникативная стратегия реализуется через цепь риторических вопросов, которые заставляют его задуматься о своём духовном состоянии [10, с. 14]. Поддерживает эту экспрессивность высказывания в тексте словесный

ряд оценочных обращений, не характерный для древнерусских поучений в целом: «О, **неразумнии** – О **маловѣрнии** – О **человѣци** – Оканне». ³ Таким образом, смена ролевых дейктиков в текстовом пространстве древнерусского поучения является сознательной коммуникативной стратегией повествователя и создаёт сильные позиции текста, которые позволяют ему высказать значимые для него идеи, обращённые к адресату текста.

Заключение

Взаимодействие коммуникативных моделей в древнерусских поучениях XI–XIII веков, выражающих ролевой дейксис в текстовом пространстве, определяет выбор коммуникативной стратегии повествователя (адресанта) как активного субъекта, направленной на слушателя (адресата) с целью изменить или скорректировать его модель мира. Каждая коммуникативная стратегия связана с отбором языковых средств (главным образом морфологических), с помощью которых повествователь определяет своё коммуникативное поведение и направляет внимание слушателей к божественным истинам, заданным христианским контекстом древнерусской словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петренко Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и стратегии их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 25 с.
2. Папаян Ю. М. Отбор – структура – текст // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2007. № 1. С. 212–219.
3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
4. Серганова Д. А. Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 72–77. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.74.67.012.
5. Шаповалова Т. Е. Аористивное значение синтаксического времени // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени: Избранные статьи. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 12–14.
6. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с.
7. Никищенкова Г. В. О диалогической организации «Послания о неделе» Феодосия Печерского //

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 382.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 382–384.

Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 161–163.

8. Кузнецов И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 43 с.
9. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.
10. Калинин К. А., Улеева А. А. Цепь риторических вопросов как приём организации древнерусских текстов ораторского красноречия Серапиона Владимирского (XIII век) // Слово в зеркале истории языка: материалы VI Абрамовских научных чтений. Вып. 4 (Набережные Челны, 14 октября 2022 г.) / под общ. ред. К. А. Калинина. Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2022. С. 11–15.

REFERENCES

1. Petrenko, E. A. (2011). *Communicative Strategies and Tactics of an Old Russian Scribe and Strategies for Their Implementation in "The Tale of Barlaam and Joasaph"*: [Dissertation]. Vladivostok (in Russ.).
2. Papyan, Yu. M. (2007). Selection – Structure – Text. In: *Vestnik of Gorky Literary Institute*, 1, 212–219 (in Russ.).
3. Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
4. Serganova, D. A. (2022). Exhortation as a Key Component of Author's Modality in Old Russian Oratorical Prose of the 11th–13th Centuries. In: *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 3 (46), 72–77. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.74.67.012 (in Russ.).
5. Shapovalova, T. E. (2022). Aorist Meaning of Syntactic Tense. In: Shapovalova, T. E. *Etudes on Time: Selected Articles*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 12–14 (in Russ.).
6. Uzhankov, A. N. (2022). *Picture of the World of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture*. Moscow: Institute of Heritage publ. (in Russ.).
7. Nikishchenkova, G. V. (2008). On the Dialogical Organisation of Theodosius of the Caves's "Message on the Week." In: *Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 1. Pp. 161–163.
8. Kuznetsov, I. V. (2009). *Rhetorical Strategies of Literary Discourse (Based on Russian Literature of the 11th–19th Centuries)*: [Dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Konyavskaya, E. L. (2000). *Authorial Self-Awareness of an Old Russian Scribe (11th–Mid-15th Century)*. Moscow: Languages of Russian Culture publ. (in Russ.).
10. Kalinin, K. A. & Uleeva, A. A. (2022). The Chain of Rhetorical Questions as a Technique for Organising Old Russian Texts of Serapion of Vladimir's Oratorical Eloquence (13th Century). In: *The Word in the Mirror of Language History: Proceedings of the VI Abramov Scientific Readings. Iss. 4 (Naberezhnye Chelny, October 14, 2022)*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University publ., pp. 11–15 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Константин Андреевич (г. Набережные Челны) – кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой русской и татарской филологии Набережночелнинского государственного педагогического университета;

ORCID: 0000-0002-9062-9616; e-mail: filologkalinin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Kalinin (Naberezhnye Chelny) – Cand. Sci. (Philology), Acting Head of the Department of Russian and Tatar Philology, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University;

ORCID: 0000-0002-9062-9616; e-mail: filologkalinin@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-40-49

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Каховская Ю. В., Кумбашева Ю. А.*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор: Kumbacheva@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2025

После доработки 17.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Аннотация

Цель. Выявить и проанализировать особенности восприятия фразеологических единиц молодыми носителями языка.

Процедура и методы. Использованы методы эмпирического наблюдения и описания, а также экспериментальный и статистический методы.

Результаты. В статье проанализированы ключевые процессы трансформации фразеологического состава современного русского языка, такие, как преобразование фразеологизмов, преимущественно в языке СМИ, описаны основные источники новых фразеологизмов: цитаты из фильмов, рекламные слоганы, интернет-мемы, высказывания политиков, заимствования и сленг. Основное внимание уделено восприятию фразеологии носителями языка, родившимися в начале XXI в., выявлены такие проблемы, как снижение роли традиционной фразеологии, обилие ошибок во фразеологизмах и быстрая сменяемость фразеологической парадигмы. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из современных медиа и подкреплены данными эксперимента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе преподавания русского языка, стилистики и культуры речи, а также в журналистской и редакторской деятельности.

Ключевые слова: квазичитация, неофразеология, прецедентный текст, трансформация, фразеология, языковая игра

Для цитирования:

Каховская Ю. В., Кумбашева Ю. А. Активные процессы в современной русской фразеологии // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 40–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-40-49>.

Original research article

ACTIVE PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN PHRASEOLOGY

Yu. Kakhovskaya, Yu. Kumbasheva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

**Corresponding author Kumbacheva@mail.ru*

Received by the editorial office 23.10.2025

Revised by the author 17.02.2026

Accepted for publication 18.02.2026

Abstract

Aim. To identify and analyse the specific features of how phraseological units are perceived by young native speakers.

Methodology. Empirical observation and description methods, as well as experimental and statistical methods, were used.

Results. This article analyses key processes in the transformation of modern Russian phraseology, such as the transformation of phraseological units, primarily in the language of the media. It describes the main sources of new phraseological units: film quotes, advertising slogans, internet memes, political statements, borrowings, and slang. Particular focus is placed on the perception of phraseology by native speakers born at the beginning of the 21st century. The study identifies several issues, including the diminishing role of traditional phraseology, a high frequency of errors in the use of idioms, and a rapid turnover of the phraseological paradigm. The theoretical frameworks are illustrated with examples from contemporary media and supported by experimental data.

Research implications. The results of this study can be used in the process of teaching Russian language, stylistics and culture of speech, as well as in journalistic and editorial activities.

Keywords: quasi-quotation, neo-phraseology, precedent text, transformation, phraseology, language game

For citation:

Kakhovskaya, Yu. V. & Kumbasheva, Yu. A. (2026). Active Processes in Contemporary Russian Phraseology. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 40–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-40-49>.

Введение

Среди процессов, происходящих в современном русском языке, особого внимания заслуживают обновление и трансформация фразеологического состава языка.

Традиционно фразеологизм определяется как «лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы».¹ В данной работе под фразеологизмами мы будем понимать пословицы, поговорки и устойчивые словосочетания, крылатые слова, узнаваемые носителями русского языка на общей культурной основе.

Как отмечает в своей работе В. М. Мокиенко, фразеология – это «сокровищница языка», которая «консервирует» «национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира» [1, с. 19].

Однако в языковом сознании современного носителя языка, а тем более в сознании молодого носителя, который при-

надлежит к поколению, родившемуся в двухтысячные годы, фразеологизмы уже не являются статичными языковыми единицами, они исчезают и возникают как реакция на изменения, которые происходят в обществе.

Изменения на фразеологическом уровне происходят сразу в нескольких направлениях: какие-то идиомы трансформируются, выходят из активного употребления, но в то же время формируются и новые фразеологизмы. Одной из причин динамизма фразеологического состава языка является изменение культурных, социальных и экономических условий жизни человека, которые влияют на употребление и смысл фразеологических оборотов [2, с. 342].

Современные исследователи фразеологии говорят о её востребованности в политическом дискурсе, её актуализации – эти вопросы, в частности, затрагиваются в работе В. М. Мокиенко [3].

Один из наиболее активных процессов в современной фразеологии, которому уделяется большое внимание исследователей, – это трансформация фразеологизмов, «расширение или сужение их состава, за-

¹ Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 2001. С. 589.

мена одного из компонентов, объединение нескольких идиом, буквализация и двойная актуализация значения» [4, с. 397].

Под трансформацией фразеологических единиц в научной литературе обычно понимается «необычное, лишённое автоматизма использование фразеологических единиц с изменением формы и содержания» [5, с. 20].

Причиной любой фразеологической трансформации, как считает К. Стэнпень, «оказывается конкретизация значения выражения, стремление соединить семантику, стиливую и эмоциональную окраску с непривычными условиями контекста» [6, с. 103].

Помимо трансформации фразеологизмов мы можем наблюдать также и процесс появления новых устойчивых выражений. Такие исследователи, как В. К. Андреев и Т. Г. Никитина [7], И. А. Туркулец [2], А. В. Ковалёва [8] считают возможным говорить о новом разделе фразеологии – неофразеологии, в которой изучаются нестандартные и пока ещё не распространённые в языке устойчивые выражения [2, с. 343]. «Изменения в условиях жизни общества в целом, развитие науки, техники и спорта, политические и культурные связи с иностранными государствами оказывают значительное влияние на язык, в частности на его фразеологический состав» [8, с. 197].

Благодатной почвой для возникновения и развития новых фразеологизмов, а также для использования трансформированных фразеологизмов оказывается язык средств массовой информации. Именно здесь находит отражение современный этап развития культуры народа, т. к. публицистика является сферой возникновения и развития новейших тенденций языка.

XXI век внёс некоторые коррективы в функционирование публицистического текста. Во-первых, благодаря электронным масс-медиа он стал гораздо более доступным и, следовательно, максимально ориентированным на читателя, чтобы издание могло существовать, быть востребованным и рентабельным. С другой сторо-

ны, публицистика не может уйти от своих основ, т. е. не может не поддерживать контакт с читателем, формировать общественное мнение, отражать и комментировать актуальные события [9].

Во-вторых, наибольший интерес стали представлять именно позиция автора, способ его взаимодействия с аудиторией. Это значительно расширяет необходимость в привлечении новых средств выразительности, в частности фразеологии.

Итак, большинство исследователей отмечает актуальность и востребованность фразеологии в современных публицистических текстах и говорит о таких процессах в современной фразеологии, как различного вида семантические и структурно-семантические трансформации традиционных устойчивых выражений, а также возникновение новых фразеологических сочетаний.

Однако не до конца осмысленным оказывается процесс снижения роли традиционной фразеологии в языковом сознании молодых поколений носителей языка, а если фразеологизмы и используются, то в них нередко ошибки, вызванные непониманием их значения или незнанием структуры.

Снижение роли традиционной фразеологии

Традиционная фразеология, столь востребованная в политическом дискурсе, отходит на задний план или даже выходит из употребления в речи и языковом сознании молодёжи. Это проявляется не только в том, что фразеологизмы перестают активно использоваться, но и в том, что многие из них уже не распознаются носителями языка как в текстах художественных произведений, так и в публицистике.

Так, большинство носителей языка уже не помнит, что многие широко распространённые фразеологизмы (поговорки), которые выглядят вполне законченными и выражают цельную мысль / понятие, на самом деле на данном этапе развития языка являются лишь частью исходного

выражения, смысл которого зачастую противоположен тому, который мы привыкли вкладывать в эту идиому. «Полная форма обычно представляет собой двухчастную структуру, во второй части которой излагаются некоторые пояснения, ... неожиданные следствия» [10, с. 693], которые опровергают то, что было сказано в первой части: «Бог всё видит, да не скоро скажет»; «кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому два», «против лома нет приёма, окромя другого лома».

Большинство этих фразеологизмов функционирует в речи в усечённом, неполном, но таком привычном уже для носителей языка виде. Кроме того, даже такие усечённые идиомы всё реже и реже используются в речи и «не считаются» молодыми носителями языка.

Цитация и квазичитация (трансформация)

Несмотря на то, что не все фразеологизмы даже в исходном виде воспринимаются читающей аудиторией и очень редко используются носителями языка в речи, очень широко распространилась тенденция использования фразеологизмов и других прецедентных текстов в языке современных газет как в неизменном (цитация), так и в трансформированном (квазичитация) виде.

Под прецедентными текстами (термин Ю. Н. Караулова) традиционно понимаются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [11, с. 216].

Чаще всего такие прецедентные тексты используются в заголовках, они рассчитаны на то, чтобы заинтересовать читателей, привлечь их внимание. Однако цель такого заголовка (и любого прецедентного текста) будет достигнута только тогда,

когда он будет узнан читателем, и только в этом случае читатель вступит с текстом в своеобразную языковую игру: сравнит изменённый текст (квазичитату) с исходным (прецедентным) текстом, увидит изменения, соотнесёт их с текстом статьи и спрогнозирует её содержание.

Преобразование фразеологических словосочетаний может происходить на структурном, семантическом и структурно-семантическом уровнях. На структурном уровне изменения, которым подвергается прецедентный текст, могут представлять собой замену или добавление компонента (причём новый компонент, введённый в структуру прецедентного текста, указывает на содержание статьи), а также удаление компонента. На семантическом уровне это прежде всего языковая игра на основе сопоставления прямого (свободного) и переносного значений той или иной идиомы, буквального и переносного смыслов многозначного слова или обыгрывания омонимов. Причём в тексте статьи может реализовываться либо только буквальное значение фразеологизма, либо оба значения, и тогда смысл заголовка становится объёмным и усложняется.

Современные СМИ (в частности, газета «Коммерсант») активно используют подобные трансформированные конструкции на основе фразеологизмов (или фразеотрансформы [12, с. 83]), например, «Как зерно на рану» (как бальзам на рану – о поставках зерна в ЕС); «Друг познаётся в листе» (друг познаётся в беде – о расширении списка (листа) банков, находящихся под санкциями); «Свой контент пирату ближе» (своя рубашка ближе к телу – о повышении интереса пиратов к российской кинопродукции), «Вопрос особой этажности» (вопрос особой важности), «Друзья не разлей бетон».¹ Подобные примеры замены компонента в исходном тексте находим и в других изданиях: «Утомлённые рынком»² (Утомлённые солнцем), «Обыкновенный

¹ Примеры приводятся по: Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo> (дата обращения: 18.08.2026).

² Там же.

лукашизм»¹ (Обыкновенный фашизм), «Пить или не пить»² (Быть или не быть), «Крыса дома моего»³ (Крыша дома моего).

В данных примерах в структуре фразеологизма произведена замена одного компонента на другой, соотносящийся с тематикой статьи: «вопрос особой важности / этажности»: речь в статье идёт о строительстве высотных зданий; «друзья не разлей бетон / вода» – статья посвящена началу строительства (заливке бетона) на международной атомной электростанции.

Может также обыгрываться столкновение в одном контексте нескольких значений многозначного слова или омонимов, причём изначально в идиоме заложено одно значение, но при сопоставлении заголовок с текстом статьи на первый план выходит другое – не то, которое изначально вкладывалось в идиому, например: «Генерал поставил не на ту карту».⁴ На первый взгляд в заголовке речь идёт о карточной игре, прецедентный текст «поставить (что-то) на карту» в значении «рисковать». В статье обыгрывается многозначность слова «карта», т. к. генерала обвиняют во взяточничестве и мошенничестве с кредитными картами. Таким образом, хотя исходный смысл идиомы (рисковать) и не вытесняется новым, но актуализируется: «рисковать путём манипуляции с кредитными картами». Заголовок отсылает читателей и к значению исходного фразеологизма, и к тематике статьи, и смысл становится «объёмным».

В заголовке статьи «Южная Корея проходит по лезвию ножа»⁵ актуализируется и фразеологическое значение идиомы «идти по лезвию ножа» (подвергаться опасности), и прямое, т. к. на лидера корейской оппозиции произошло покушение, и он получил ножевое ранение.

Очень близок к этому процессу «каламбуризации» устойчивых выражений процесс «буквализации» фразеологизмов. Так, во время пандемии фраза «у него не все дома» стала восприниматься не только в переносном (он сошёл с ума), но и в прямом (нарушение режима самоизоляции) смысле. Буквальный смысл не вытесняет, но оттеняет переносный, и общее значение становится «объёмным». Ту же ситуацию наблюдаем и в выражении «быть в форме», используемом в рекламном слогане: речь идёт о хорошей физической (спортивной) форме и о спортивной одежде (форме).

Тенденция создания новых трансформированных пословиц (или «антипословиц») и поговорок «на новый манер», намеренного искажения исходных пословиц в последние годы широко распространилась в интернет-пространстве; «антипословицы» рассчитаны на создание комического эффекта и производят его, но опять же эффект этот возникает при столкновении исходного и изменённого текста в сознании читателей / слушателей. Многие из этих «новых» фразеологизмов приписываются современными авторам-сатирикам (М. Задорнову, Н. Фоменко). Здесь также возможна замена компонента исходного фразеологизма (чаще всего второй его части), благодаря чему возникает эффект обманутого ожидания: «хорошо там, где наших нет», «чем дальше в лес, тем толще партизаны», «незванный гость хуже спама», «под лежащий камень всегда успеем», «чем богаты – о том не расскажем», «что у трезвого на уме, то пьяный уже сделал», «одна голова хорошо, а с мозгами лучше», «назвался груздем – обратись к психиатру», «не зная броду – пропусти вперёд товарища». Возможны также контаминации частей различных фразеологизмов: «баба с возу – волки сыты», «молчать как рыба об лёд».

Встречаются и такие варианты трансформированных фразеологизмов, в которых сохраняется лишь формальная структура исходного выражения, но заменяется его содержание: «Не волосы красят женщину, а женщина волосы».

¹ Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru> (дата обращения: 18.08.2026).

² Новости Московской области: [сайт]. URL: <https://regions.ru> (дата обращения: 18.08.2026).

³ Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/24260/456911> (дата обращения: 18.08.2026).

⁴ Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo> (дата обращения: 18.08.2026).

⁵ Там же.

Фразеологизмы в сознании молодых носителей языка

Однако, как показывает практика, не все читатели газет или пользователи интернета с уверенностью могут воспроизвести исходный текст трансформированной идиомы и, следовательно, распознать языковую игру.

Чтобы оценить, насколько хорошо современные молодые носители способны считывать заголовки, в которых использованы фразеологизмы в исходном или трансформированном виде, нами был проведён эксперимент, в котором участвовали студенты гуманитарных специальностей. Им было предъявлено 20 заголовков-квазицитат, 20 намеренно искажённых идиом, а также предлагалось закончить 10 известных пословиц или поговорок (дописать их вторую часть).

Анкет, где были правильно поняты и «расшифрованы» все прецедентные тексты, было всего 21% от общего числа. У 30% опрошенных было зафиксировано от 1 до 4 ошибок или пропусков (ответов «не знаю»), у 26% – от 5 до 10, у 21% – от 11 до 15, а у 4% – более 15 ошибок и пропусков.

В частности, большинством респондентов не были распознаны исходные тексты таких квазицитат:

- «как зерно на рану» (опрошенные предлагали варианты: «как зерно на поле», «как мазь на рану»);
- «свой контент пирату ближе» (варианты «своя земля пирату ближе»);
- «друзья не разлей бетон» (варианты «друзья не разлей дождём»);
- «целевик оправдывает средства».

В качестве исходной формы изменённого фразеологизма «Не волосы красят женщину, а женщина волосы» предлагались следующие варианты: «Не платье красит женщину, а женщина платье», «Не имя красит человека, а человек имя», «Не волосы красят женщину, а ум». В качестве исходной формы фразеологизма «Чем дальше в лес, тем толще партизаны» предлагались варианты «тем злее волки / тем больше грибы / тем гуще дебри».

При попытках закончить фразеологизм, найти его вторую часть респондентами также было допущено много ошибок и предложены неожиданные варианты концовок: «Не зная броду, не ходи в походы / имей свою воду»; «Язык ... до добра не доведёт» (вместо «язык до Киева доведёт»); «С паршивой овцы ... спроса нет / плохие свитера» (вместо «с паршивой овцы хоть шерсти клок»).

Итак, с одной стороны, роль традиционной фразеологии в современном общении отходит на задний план, а вследствие этого и языковая игра на основе фразеологизмов воспринимается не всеми носителями языка. Несмотря на это, в последние годы широко распространилась тенденция использования прецедентных текстов в языке современных газет [13, с. 74]. СМИ активно используют трансформированные фразеологизмы, квазицитаты, хотя, очевидно, эта языковая игра не всегда достигает своей цели и «объёмный» смысл не считывается.

Непреднамеренное искажение фразеологизмов

Помимо того, что трансформированные фразеологизмы создаются намеренно с целью создания комического эффекта и привлечения внимания читателей, ещё одной из тенденций в современной фразеологии можно считать непреднамеренное искажение фразеологизмов в речи носителей языка, преимущественно молодого поколения. Говорящие стремятся к использованию образного языка, но зачастую используют тот или иной фразеологизм, не до конца понимая его значение и структуру: «взболтнуть лишнее» (вместо «сболтнуть»), «как за каменной спиной» (вместо «за каменной стеной»), «пожимать плоды» (вместо «пожинать плоды»), «рыдать на взрыв» (вместо «рыдать навзрыд»), «дать обед молчания» (вместо «дать обет молчания»). Подобные примеры можно наблюдать не только в устной речи, но и в публицистических текстах.

Новые фразеологизмы

Следует выделить ещё один активный процесс в сфере фразеологии: появление новых фразеологизмов. Одним из источников становятся цитаты из фильмов, используемые уже вне контекста этих фильмов. Прежде всего, это цитаты из советских фильмов, чаще всего классических советских комедий: «наши люди в булочную на такси не ездят»; «упал, потерял сознание, очнулся – гипс», «если человек идиот – это надолго» («Бриллиантовая рука»); «голова предмет тёмный и исследованию не подлежит» («Формула любви»); «31 декабря мы с друзьями ходим в баню»; «ария московского гостя»; «какая гадость эта ваша заливная рыба»; («Ирония судьбы, или с лёгким паром»). Фильмы перестроечного периода привнесли в нашу речь такие фразеологизмы с философским или социальным подтекстом: «В чём сила, брат? ... сила в правде: у кого правда, тот и сильнее» («Брат»); «Мечтай о чём-нибудь великом» («Курьер»). Кроме того, названия фильмов или телепередач сами по себе становятся идиомами и используются в речевом обиходе в роли самостоятельных языковых единиц: «богатые тоже плачут», «сам себе режиссёр», «звёздные войны». Однако для того, чтобы цитата из фильма прочно вошла в речевой обиход носителей языка, требуется некоторое время, поэтому цитаты из фильмов последних лет распространены пока ещё недостаточно широко.

Ещё одним источником новой фразеологии являются тексты из рекламных роликов, рекламные слоганы. «Главным условием перехода рекламного слогана в устойчивое выражение, по мнению самих создателей рекламных текстов, является его универсальность, «многозначность» и злободневность» [14, с. 174]. Наиболее удачные слоганы стали употребляться и вне контекста рекламы: «тогда мы идём к вам», «не тормози, сникерсни», «два в одном» или «в одном флаконе», «сладкая парочка», «и пусть весь мир подождёт», «не дай себе засохнуть», «имидж – ничто, жажда – всё!», «живи на яркой стороне»,

«позвоните родителям!» (социальная реклама), «голосуй – или проиграешь» (предвыборная кампания Б. Ельцина). Но если слоган и рекламный ролик выпадают из оборота, перестают постоянно воспроизводиться, то и «жизнь» такого фразеологизма оказывается недолгой, выражение забывается, поэтому поколение носителей языка, родившихся в двухтысячные годы, уже почти не помнит эти слоганы и не воспринимает их в качестве фразеологизмов (в отличие от поколения их родителей, для которых эти рекламные ролики и слоганы были весьма актуальны).

В качестве третьего источника новой фразеологии можно назвать интернет-мемы, широко распространившиеся и ставшие модными в последнее время. «Интернет-мем можно рассматривать как базовую единицу интернет-коммуникации, характеризующуюся такими базовыми особенностями, как прецедентный характер, высокая скорость и массовость распространения, уникальная способность к адаптации» [15, с. 572]. Кроме того, мем рассматривается как «лингвизуальная единица», и время его популярности достаточно ограничено [7].

Традиционно это изображение с какой-либо остроумной подписью, однако сейчас уже сами эти подписи получили самостоятельную жизнь, вышли за рамки интернет-пространства и стали использоваться в других сферах жизни и трансформироваться. Так, мем с котами, смотрящими на рыбу («Вы рыбов продаёте?») стал трансформироваться и применяться уже по отношению к другим ситуациям, например: «Вы зарплату выдаёте? – Нет, только показываю. – Красивое...» Широко разошёлся мем с котами, смотрящими на спящую хозяйку Наташу: «Наташа, вставай, мы всё уронили» – и его трансформации.

Есть ещё целый ряд источников формирования новой фразеологии:

– заимствования: оставайтесь с нами! (stay with us!), горячая линия (hotline), горячая точка (hotspot), мыльная опера (soap opera), шоковая терапия (shock therapy), почувствуйте разницу (taste / feel the

difference), нет проблем! / без проблем! (no problem!), без комментариев! (no comments!), ничего личного (nothing personal);

– сленг: «всё в шоколаде», «ответить за базар», «фильтровать базар», «забить стрелку», «сто пудов»;

– цитаты из речей политиков: «денег нет, но вы держитесь», «никогда такого не было – и вот опять», «здесь вам не тут», «работаете хорошо, но дальше так работать нельзя», «хотели, как лучше, а получилось как всегда».

Мемными (т. е. значимыми) единицами становятся такие выражения, как «слабоумие и отвага», «базовый минимум», «роскошный максимум», «ред-флаг», «бабушкина схема». Последние два вошли в список так называемых «слов года», выбираемых сайтом gramota.ru.

Все эти новые устойчивые выражения отличаются регулярной воспроизводимостью в разных контекстах, отличных от того, в которых они были впервые произнесены. Однако следует отметить, что для языкового сознания молодых носителей языка, нынешних студентов, принадлежащих к условно выделяемому поколению Z, многие из этих «новых» фразеологизмов так же неактуальны, как и классические фразеологизмы. Модные мемы, рекламные слоганы и даже цитаты из фильмов слишком быстро сменяются, слова года, как и следует из их названия, выбираются каждый год, и подобную быструю сменяемость фразеологической парадигмы в сознании носителей языка также можно считать одной из важнейших тенденций.

Заключение

Подводя итог, мы можем выделить следующие активные процессы в современной русской фразеологии, тесно связанные с

процессами на других языковых уровнях и наиболее ярко проявляющиеся в публицистике, чаще всего в сильной позиции заголовка.

1. Снижение роли традиционной фразеологии. Фразеология всё менее активно используется в речи носителей языка, особенно молодёжи; традиционные фразеологизмы не всегда «считываются» молодёжью в заголовках и текстах СМИ.

2. Увеличение количества ошибок в использовании фразеологизмов, что связано с непониманием (иногда неполным) носителями языка значения ряда фразеологических единиц.

3. Намеренная трансформация фразеологизмов (замена одного компонента или части фразеологизма) для достижения комического эффекта или для привлечения внимания публики и усиления экспрессивности в заголовках СМИ.

4. Семантическое переосмысление фразеологических единиц, языковая игра на основе полисемии и омонимии, которая, однако, не всегда считается молодыми носителями языка, родившимися в двухтысячные годы.

5. Появление новых фразеологизмов (неофразеологизмов), источником которых становятся рекламные слоганы, цитаты из фильмов, мемы, высказывания современных политиков, заимствованные выражения и сленг, и быстрая их сменяемость в зависимости от моды, социальных процессов и ряда других факторов.

Новая оригинальная фразеология не заменяет, а лишь дополняет традиционную, оставаясь с ней тесно связанной, и считывание нового смысла и участие читателя в языковой игре возможны лишь при том условии, что читатели знают исходные (прецедентные) тексты, их семантику и структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Ленинградский университет, 1986. 465 с.
2. Туркулец И. А. Новая фразеология русского языка // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 342–346.
3. Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 59–62.

4. Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Приёмы трансформации фразеологизмов в современной прессе // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3). С. 394–406. DOI: 10.21638/spbu22.2023.307.
5. Гашева Л. П., Губайдуллина Н. Ю. Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Международной научной конференции (г. Челябинск, апрель 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 19–22.
6. Стэнпень К. Фразеологические трансформации в русскоязычных печатных СМИ // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя праф. А. І. Наркевіча: зб. навук. прац: у 2 т. Т. 1. Мінск: БДУ, 2014. С. 101–106.
7. Андреев В. К., Никитина Т. Г. Русские неофраземы: к вопросу об источниках и способах образования // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 5 (44) С. 532–536. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).532-536.
8. Ковалева А. В. Современные бытовые реалии в неофразеологизмах // Litera. 2021. № 11. С. 196–202.
9. Столярова А. Н. О критериях выделения неофразем // Куляшоўскія чытанні: зборнік навуковых артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі (Могилёў, 18–19 красавіка 2019 г.). Могилёў: Могилёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Кулешова, 2020. С. 168–172.
10. Вознесенская М. М. Энантисемия в русской фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 689–698.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 261 с.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 82–107. DOI: 10.17223/22274200/25/4.
13. Джинджолия Г. Активные процессы во фразеологии (на материале «Национального корпуса русского языка») // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24. С. 73–78.
14. Яковлева О. Фразеологический потенциал рекламных слоганов // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. 2018. Vol. XXXVI. С. 173–181. DOI: 10.17951/ff.2018.36.2.173-181.
15. Щурина Ю. В. Интернет-мемы в современной коммуникации: адаптация и прагматический потенциал // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 3. С. 558–576. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).558-576.

REFERENCES

1. Mokienko, V. M. (1986). *Images of Russian Speech: Historical, Etymological, and Ethnolinguistic Essays on Phraseology*. Leningrad: Leningrad University publ. (in Russ.).
2. Turkulets, I. A. (2023). New Phraseology of the Russian Language. In: *Modern Pedagogical Education*, 4, 342–346 (in Russ.).
3. Mokienko, V. M. (2012). The Life of Russian Phraseology in Modern Speech. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (52), 59–62 (in Russ.).
4. Degaltseva, A. V. & Kormilitsyna, M. A. (2023). Techniques for Transforming Phraseologisms in the Modern Press. In: *Media Linguistics Journal*, 10 (3), 394–406. DOI: 10.21638/spbu22.2023.307 (in Russ.).
5. Gasheva, L. P. & Gubaidullina, N. Yu. (2013). Transformational Processes in Modern Phraseology Based on Literary Texts. In: *Philology and Linguistics: Problems and Prospects: Materials of the II International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 2013)*. Chelyabinsk: Dva komsomoltsa publ., pp. 19–22 (in Russ.).
6. Stenpen, K. (2014). Phraseological Transformations in Russian-Language Print Media. In: *Words for the Occasion: in the Context of the 85th Anniversary of the A. I. Narkevich*. Vol. 1. Minsk: BDU publ., pp. 101–106 (in Russ.).
7. Andreev, V. K. & Nikitina, T. G. (2022). Russian Neophrasemes: On the Issue of Sources and Methods of Formation. In: *Scientific Notes of Novgorod State University*, 5 (44), 532–536. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).532-536.
8. Kovaleva, A. V. (2021). Modern Everyday Realities in Neophraseologisms. In: *Litera*, 11, 196–202 (in Russ.).

9. Stolyarova, A. N. (2020). On the Criteria for Identifying Neophrasemes. In: Kulyashovskaya Library: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (Mogilev, April 18–19, 2019). Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov publ., pp. 168–172 (in Russ.).
10. Voznesenskaya, M. M. (2011). Enantiosemy in Russian Phraseology. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"* (Bekasovo, May 25–29, 2011). Iss. 10 (17). Moscow: Russian State University for the Humanities publ., pp. 689–698 (in Russ.).
11. Karaulov, Yu. N. (2007). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
12. Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2022). Axiology of Neophrasemes and Phraseological Transformations in Lexicographical Interpretation. In: *Russian Journal of Lexicography*, 25, 82–107. DOI: 10.17223/22274200/25/4 (in Russ.).
13. Dzhinolia, G. (2019). Active Processes in Phraseology (Based on the National Corpus of the Russian Language). In: *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 24, 73–78 (in Russ.).
14. Yakovleva, O. (2018). Phraseological Potential of Advertising Slogans. In: *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*, XXXVI, 173–181. DOI: 10.17951/ff.2018.36.2.173-181 (in Russ.).
15. Shchurina, Yu. V. (2023). Internet Memes in Modern Communication: Adaptation and Pragmatic Potential. In: *Communicative Studies*, 10 (3), 558–576. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).558-576.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каховская Юлия Валентиновна (г. Санкт-Петербург) – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
ORCID: 0000-0002-9330-1640; jk18.78@mail.ru

Кумбашева Юлия Анатольевна (г. Санкт-Петербург) – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
ORCID: 0000-0002-9965-9352; Kumbacheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia V. Kakhovskaya (St. Petersburg) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof, Higher School of International Educational Programs, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
ORCID: 0000-0002-9330-1640; jk18.78@mail.ru

Yulia A. Kumbasheva (St. Petersburg) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof, Higher School of International Educational Programs, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
ORCID: 0000-0002-9965-9352; Kumbacheva@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1+81'42

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-50-60

О ВЕЛИКОЙ СИЛЕ ЛЮБВИ (КОНЦЕПТОСФЕРА ЧУВСТВА В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «СУЛАМИФЬ»)

Петрожицкая В. В.

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

e-mail: stud207995@vyatsu.ru

Поступила в редакцию 04.02.2026

После доработки 17.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Аннотация

Цель. Описать фрагмент индивидуально-авторской концептосферы, отражённый в повести А. И. Куприна «Суламифь».

Процедура и методы. В русле когнитивно-семантического подхода в тексте повести выявляются лексические репрезентанты концепта «Любовь». Для определения роли лексем как ведущих носителей концептуальных признаков использовались методы концептуального и контекстуального анализа.

Результаты. Специфику концепта «Любовь» как фрагмента индивидуально-авторской концептосферы в повести «Суламифь» составляют три группы концептуальных признаков: «сила, объединяющая разных людей», «чувственность, телесное проявление любви» и «разрушительная ревность соперницы». Периферийную зону образуют фоновые (внешние) признаки объекта и признаки духовно-нравственного плана, отражающие внутренний мир героев, а также метафоры «любовь – битва, огонь, свет, вино» и др.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в развитии теории художественного концепта в ходе описания концепта «Любовь» как фрагмента индивидуально-авторской концептосферы повести А. И. Куприна «Суламифь».

Ключевые слова: индивидуально-авторская концептосфера, концептуальные признаки, лексическая репрезентация концепта «Любовь», повесть А. И. Куприна «Суламифь», художественная концептуализация, эмоциональный концепт

Для цитирования:

Петрожицкая В. В. О великой силе любви (концептосфера чувства в повести А. И. Куприна «Суламифь») // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 50–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-50-60>.

Original research article

ON THE GREAT POWER OF LOVE: THE CONCEPTUAL SPHERE OF EMOTION IN ALEKSANDR KUPRIN'S NOVEL "SULAMITH"

V. Petrozhitskaya

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

e-mail: stud207995@vyatsu.ru

Received by the editorial office 04.02.2026

Revised by the author 17.02.2026

Accepted for publication 18.02.2026

Abstract

Aim. To describe the individual author's conceptual sphere reflected in A. I. Kuprin's novel "Sulamith."

Methodology. Adopting a cognitive-semantic approach, this study identifies lexical representaments of the concept of "Love" within the text of the novel. Conceptual and contextual analysis methods were employed to determine the role of these lexemes as the primary carriers of conceptual features.

Results. The specificity of the concept of "Love" as a fragment of the author's individual conceptual sphere in the novel "Sulamith" is constituted by three groups of conceptual features: "a force that unites different people", "sensuality, the bodily manifestation of love", and "the destructive jealousy of a rival." The peripheral zone is formed by the background (external) features of the object and spiritual-moral features reflecting the characters' inner worlds, as well as metaphors such as "love is a battle, fire, light, wine", among others.

Research implications lie in its contribution to the theory of the literary concept through the characterisation of the concept of "Love" as a fragment of the author's individual conceptual sphere in A. I. Kuprin's novel "Sulamith".

Keywords: author's individual conceptual sphere, conceptual features, lexical representation of the concept of "Love", A. I. Kuprin's novel "Sulamith", literary conceptualisation, emotional concept

For citation:

Petrozhitskaya, V. V. (2026). On the Great Power of Love: The Conceptual Sphere of Emotion in Aleksandr Kuprin's Novel "Sulamith." In: *Russian Studies in Philology*, 4, 50–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-50-60>.

Введение

Эстетическая сущность языка художественного произведения и неповторимость отражаемого в нём авторского мирозидения обуславливают наличие уникальных признаков даже у «всеобщих», универсальных концептов. Следуя трактовке концепта М. В. Пименовой, в данном исследовании принято понимание концепта как совокупности концептуальных признаков, которые «используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» и объективируются «в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концептов» [1, с. 126]. Осознавая, что художественный концепт наиболее сложно подвергнуть рациональному анализу в силу множественности интерпретаций смысла его единиц, одним из способов моделирования такого концепта мы должны признать выявление с помощью лексических репрезентантов когнитивных признаков, образующих индивидуально-авторскую концептосферу в конкретном произведении.¹

Для достижения цели настоящего исследования необходимо выявление лексических репрезентантов художественного концепта «Любовь», позволяющих описать индивидуально-авторскую концептосферу чувства любви, интерпретируемого в повести «Суламифь» А. И. Куприна.

Любовь является одной из пяти базовых универсальных категорий эмоций, к которым учёные относят также счастье, печаль, гнев и страх (по данным кросс-культурных исследований 11-ти языков, см. [2, р. 4]). В когнитивно-семантическом подходе к речевым продуктам категоризации мира в центре внимания исследователей оказываются и концепты, семантическое содержание которых сосредоточено в лексемах, выражающих эмотивные смыслы художественного текста. Общеизвестным феноменом художественной концептуализации мира, представленной в литературных произведениях, являются эмоциональные концепты. Один из авторов определений эмоциональных концептов – Н. А. Красавский – подчёркивает этнокультурную обусловленность это-

ность признаков доминирующего в тексте произведения концепта.

¹ Под концептосферой здесь понимается совокуп-

го ментального, лексически и/или фразеологически вербализованного образования, характеризуя его как «базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [3, с. 60]. Изменчивость когнитивной структуры эмоциональных концептов учёный объясняет трансформацией среды обитания эмоций, их связью с развитием общества и природы.

В художественном воплощении – в произведениях русской классики – любовь трактуется как высшая духовная ценность, возвышающее душу сильное чувство, страсть, движущая сила и смысл всей жизни. Именно такой предстаёт любовь в повести А. И. Куприна «Суламифь». Для писателя, по мнению К. Г. Паустовского, любовь – тема заветная: «Он прикасается к ней целомудренно, благоговейно и нервно».¹ «Куприн всегда и всюду благословлял любовь. Он посылал “великое благословение всему: земле, водам, деревьям, цветам, небесам, запахам, людям, зверям и вечной благодати, и вечной красоте, заключённой в женщине”».²

Это благословение мы видим и в «Суламифи». Исследователи отмечали, что любовь в произведениях А. И. Куприна «выступает в качестве идеала, если не божества» [4, с. 438]. В повести писатель воспел «взаимную и сильную любовь, показал её жертвенность и трагичность... автор сумел изобразить любовь неподвластную времени, такую же вечную, как само Человечество» [5, с. 175]. В проведённом нами ранее корпусном исследовании с помощью менеджера AntConc были выделены коллокации, находящиеся в непосредственной близости к лексемам *любовь* и *смерть* в тексте повести «Суламифь». Установлено, что специфика художественной концептуа-

лизации любви и смерти в тексте произведения заключается в сопоставлении когнитивных признаков указанных явлений по параметрам «прочность» и «сила», которые, в свою очередь, объединены признаком «вечность» (см. подробнее в [6]).

Поставленная в данном исследовании цель достигается с помощью концептуального анализа, в ходе которого выделяются когнитивные признаки, свидетельствующие о специфике языковой объективизации эмоционального концепта «Любовь», а также с помощью контекстуального анализа, позволяющего установить уникальные смыслы на основе семантики ведущих репрезентантов концепта. При этом мы опираемся на концепцию архитектоники концептосферы художественного текста как «индивидуально-авторской проекции реального или вымышленного мира, имеющей ядерно-периферийную структуру» [7, с. 48] и выделяем когнитивные признаки центральной зоны (ядра и приядерной части) и периферии концептосферы «Любовь».

Центральная зона концептосферы «Любовь» в тексте повести «Суламифь»

Известно, что А. И. Куприн начал работу над повестью «Суламифь» в 1907 г., когда ему принесли старую Библию. Вдохновлённый легендой «Песнь песней» в Ветхом Завете о любви царя Соломона и простой девушки Суламифи, писатель начал собирать материалы для будущего произведения по мотивам прочитанного. Немаловажен тот факт биографии писателя, что этот период творческих поисков совпал с его разрывом с прежней женой, властной Марией Карловной, и новой влюблённостью в добрую и самоотверженную Елизавету Морицовну. Преданный друг А. И. Куприна Ф. Д. Батюшков отмечал: «Пересказать по-своему “Песнь песней” и придать реальный смысл тому, что толкуется иносказательно, стало у него душевной потребностью. Образы неотвязчивые стояли в его воображении».³

¹ Паустовский К. Поток жизни. Вступительная статья // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957–1958. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Цит. по: Куприна К. А. Куприн – мой отец. М.: Художественная литература, 1979. С. 31.

В результате концептуального исследования текста повести выделены две основные зоны концептосферы – центральная и периферийная. В центральной зоне находятся лексические репрезентанты установленных нами доминирующих смыслов, в периферийной – репрезентанты, дополняющие их, в том числе метафорические.

Ядро концептосферы формируется следующими лексемами: доминантой *любовь*: ... *пошлёт ему бог такую нежную и пламенную, преданную и прекрасную **любовь**, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти* (с. 56)¹ и приядерными номинациями 1) *любить*: *И с бедной девушкой из виноградника, по имени Суламифь, которую одну из всех женщин **любил** царь всем сердцем* (с. 50); 2) *возлюбленный / возлюбленная*: – *О, как ты прекрасен, мой **возлюбленный*** (с. 68); – ... *Сестра моя, **возлюбленная** моя, ты пленила сердце моё одним взглядом твоих очей, одним ожерельем на твоей шее* (с. 66); 3) *страсть*, обладающая необыкновенной силой, способной очаровывать окружающих: *И всех их очаровывал своей любовью Соломон, потому что бог дал ему такую неиссякаемую силу **страсти**, какой не было у людей обыкновенных* (с. 48); 4) *нежность и ласка*: *Странно тихи и глубоко **нежны** были в эту ночь **ласки** царя и Суламифи* (с. 122); 5) *желание*: – ... *О, какая радость: ведь это ко мне, ко мне обращено **желание** твоё!* (с. 88)

В художественной интерпретации концепта «Любовь» в тексте повести выделены три главных концептуальных признака: 1) сила, объединяющая разные по целому ряду характеристик личности любящих; 2) чувственное выражение любви героев и 3) разрушительная ревность. Эти признаки объективируются в семантике репрезентирующих их лексических единиц, устанавливаемой с помощью контекстуального анализа.

Рассмотрим данные признаки художественной концептуализации любви в «Суламифи».

1) В тексте повести любовь предстаёт как **сила, объединяющая разных людей**. Главные герои повести Соломон и Суламифь имеют полярные характеристики по возрасту, социальному статусу, материальному положению, любовному опыту и образованности.

Возраст. Конкретные данные о возрастном признаке героев позволяют говорить об антиномии «зрелости» и «юности»: *Царь Соломон не достиг ещё среднего возраста – **сорока пяти лет**, – а слава о его мудрости и красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора распространилась далеко за пределами Палестины* (с. 44); *И царь на мгновение, пока она не становится спиной к ветру, видит всю её под одеждой, как нагую, высокую и стройную, в сильном расцвете **тринадцати лет**...* (с. 60) Несмотря на огромную разницу в возрасте, любящие друг друга герои забывают о ней.

Социальный статус. Любовь не зависит от социального положения любящих. Взаимное сильное чувство царя и простой девушки из виноградника подчёркивает антиномию социальных статусов «царь» и «раба»: *Царь делил ложе со многими, но **любил всем сердцем** лишь Суламифь – **простую девушку из виноградника*** (с. 80); – *Я хочу быть только твоею **работою**, Соломон* (с. 90). Эта антиномия благодаря любви нейтрализуется, так как герои словно обмениваются статусами: Суламифь возвышается до уровня царицы, *потому что каждая женщина, которая любит, – царица* (с. 96), а Соломон, полюбив Суламифь, становится рабом своей возлюбленной, царь преклоняет перед ней свои колени: *становясь перед нею на колени, целовал поочерёдно пальцы на её ногах* (с. 91); *он, как раб, лежит около её ног* (с. 119).

Материальное положение. Герои противопоставляются и в рамках антиномии «богатство» – «бедность». Соломон богат: *С каждым годом **росли богатства царя*** (с. 46). Суламифь, простая девушка из виноградника, бедна и зарабатывает на жизнь тяжёлым

¹ Здесь и далее цит. по: Куприн А. И. Гранатовый браслет: сборник. М.: МИФ, 2025. 224 с. В скобках указывается страница.

трудом: *И с бедной девушкой из виноградника, по имени Суламифь, которую одну из всех женщин любил царь всем сердцем* (с. 50); *... встала Суламифь с своего бедного ложа из козвей шерсти...* (с. 80); *Мне стыдно становится, когда я подумаю о себе, простой, неучёной девушке, и о моём бедном теле, опалённом солнцем* (с. 99). Единственным богатством Суламифи были серьги, которые девушка отдала, чтобы купить мирру. Единственное её украшение – *самодельное ожерелье из каких-то красных сухих ягод, которое трогательно и невинно обвивает в два раза её тёмную, высокую, тонкую шею* (с. 61), но взамен она получила намного больше, т. к. Соломон любил украшать свою возлюбленную драгоценностями (с. 90).

Соломон знает о тяжёлой жизни бедной Суламифи, поскольку когда-то сам испытал лишения: *Он говорил ей о долгих и тяжёлых годах скитаний, когда ... принуждён был под чужим именем скрываться в чужих землях, терпя страшную бедность и лишения* (с. 104).

Любовный опыт. Противопоставление героев затрагивает и полярные признаки «опыт» и «невинность». Царь имеет огромный опыт в любовных делах: *Семьсот жён было у царя и триста наложниц, не считая рабынь и танцовщиц. И всех их очаровывал своей любовью Соломон, потому что бог дал ему такую неиссякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенных* (с. 48). Суламифь же невинна и неопытна: *Она стыдливо опускает глаза и сама краснеет, но под её длинными ресницами и в углах губ дрожит тайная улыбка* (с. 61); *– У меня нет милого. Это только песня. У меня ещё не было милого...* (с. 61)

Образованность. Ещё одна антиномия концептуальных признаков, входящих в эту группу, – «мудрость / знание» и «неучённость / незнание». Но и это несовпадение «растворяется» под силой любви, которая становится источником знаний для «неучёной» Суламифи. Мудрость Соломона – ведущий константный признак, эксплицируемый лексическими номинациями – предикатами и атрибутивами, характеризующими личность главного

героя, причём этот признак объективируется в именовании как внешних, так и внутренних качеств царя: *... волнистые волосы черны иссиня, и в них – украшение мудрости* – *блестела седина, подобно серебряным нитям горных ручьёв...* (с. 50); Бог дал Соломону сердце *мудрое и разумное* (с. 53); *Помыслы в сердце человеческого – глубокая вода, но и их умел вычерпывать мудрый царь* (с. 53). По этому качеству не было равных Соломону: *И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян* (с. 54). Царь обладал многими знаниями о мире и стихиях, расположении звёзд и смене времён, о животных и «чувствах зверей», он *... проник в тайну вечного волнообразного и кругового возвращения событий...*, *понимал происхождение и направление ветров, различные свойства растений и силу целебных трав* (с. 53). Однако Соломон тяготился своей мудростью и знаниями. В своих исканиях он понял, *что во многих мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь* (с. 56). Разговоры Соломона с Суламифью позволяют царю избавиться от бремени дел и забот, а Суламифи – познать мир. Отметим, что драгоценные камни, которыми царь щедро одаривает свою возлюбленную, являются символом мудрости¹. Рассказывая любимой о камнях, царь делится с Суламифью знаниями о них.

2) В повести «Суламифь» любовь – **страстная, чувственная, телесная**. Сам А. И. Куприн отмечал: «... задумано много яркой страсти, голого тела и другого»². Именно поэтому в тексте произведения широко представлен пласт лексики с семантикой телесности как ведущего средства языковой объективации любовной страсти и желания обладать любимым человеком. В этот сегмент приядерной зоны концептосферы входят когнитивные признаки «страстность», «желание» и «телесность».

Признак «страстность» объективируется прежде всего в характеристиках действий

¹ Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 83.

² Цит. по: Куприна К. А. Куприн – мой отец. М.: Художественная литература, 1979. С. 31.

героев: Соломон *приникает жадно устами к её зовущему рту* (с. 66), а их близость передаётся через вкусовые ощущения: *Но Соломон страстно шепчет около самого её рта: – Сотовый мёд каплет из уст твоих, невеста, мёд и молоко под языком твоим...* О, иди скорее ко мне (с. 66). Кроме признака «вкус», страсть объективируется через признак «запах»: восхитительным ароматом обладает воспетая А. И. Куприным страсть, её вызывают кожа, части тела Суламифи, одежда, вода в бассейне: *И когда ты дышишь, я слышу запахи от ноздрей твоих, как от яблоков* (с. 66); *Вот груди твои – они ароматны* (с. 88); *Волосы твои душисты* (с. 88); *Теплота твоей одежды благоухает лучше, чем мирра* (с. 66); и даже само имя царя ... волновало сердце женщин, как *аромат* пролитого мирра, напоминающий о ночах любви (с. 51). Аромат любви исчезает при уходе Соломона (*Но ты вышел из-за стола, и цветы мои перестали пахнуть* (с. 98)).

Следующий признак – «желание», объективируемый и в речи героев, и в речи автора. Он часто выступает в сочетаниях с прилагательными *мучительное, нестерпимое* и *неутолимое*: *Губы её рдеют над блестящими зубами, веки дрожат от мучительного желания* (с. 66); *Соломон ... весь горит таким нестерпимым желанием, какого он ещё никогда не знал в жизни* (с. 66); ... и *весь он – желание* (с. 81); ... *клянусь тебе, что ещё никогда ... не горело моё сердце таким неутолимым желанием, которое будит во мне одна твоя улыбка, одно прикосновение твоих огненных кудрей, один изгиб твоих пурпуровых губ!* (с. 87) Лексемы *рдеют* (губы), *горит* (желанием), *горело* (сердце) подтверждают часто указываемую исследователями значимость концептуальных метафор огня в экспликации чувства любви. Так, по мнению С. Г. Воркачева, в метафорическом «измерении» любовь – «это огонь, пламя, жар, пожар» [8, с. 96]. В работе [9] также демонстрируется, что источником метафоры любви могут служить лексемы – репрезентанты денотативной сферы «неживая природа», в частности, лексика денота-

тивно-идеографической группы «огонь и его признаки», например, *огненный, огонь, пламенеть* и др.

Признак «телесность» идеализирован в тексте повести: тело Суламифи, которое боготворит Соломон, вызывает в нём сильное эстетическое чувство, в котором признаётся герой, поэтизируя своё восприятие: *Под тонким платьем я увидел твоё тело, твоё прекрасное тело, которое я люблю как бога. Я люблю его, покрытое золотым духом, точно солнце оставило на нём свой поцелуй* (с. 98).

Язык тела в тексте повести – наиболее характерный для произведения А. И. Куприна способ вербализации чувственных проявлений любви: их объектом выступают уста, рот, губы, язык, зубы, руки, груди, глаза: – ... *Уста* его – *сладость* (с. 81); – ... *Значит, у неё ещё нет такой груди, как у тебя? Такой гордой, такой горячей груди!* (с. 65); *Соломон приникает жадно устами к её зовущему рту. Он чувствует пламень её губ, и скользкость её зубов, и сладкую влажность её языка* (с. 66); ... *Жадно* внимала ему Суламифь, и когда он замолкал, тогда среди тишины ночи смыкались их *губы*, сплетались *руки*, прикасались *груды* (с. 105); – О, не гляди на меня! – просит Суламифь. – *глаза* твои волнуют меня (с. 66); ... *Лобзай* меня лобзанием *уст* своих (с. 86).

3) Третий концептуально значимый признак – «разрушительная ревность соперницы». Если любовь Соломона и Суламифи священна, светла и красива (см. ниже), то ревность царицы Астис, по приказу которой была убита возлюбленная царя, наполняет повествование тьмой, хаосом и жестокостью. Ревность, в сущности, тоже проявление любви, желание отвоевать счастье с любимым, однако его последствия приводят к трагедии.

Охваченная ревностью царица Астис воплощает зло, ужас, жестокость и похоть: *Тёмные, злые, страшные и пленительные слухи ходили о царице Астис в Иерусалиме* (с. 112); *В безмолвном восторге созерцали жрецы свою ужасную повелительницу* (с. 112); *жестокая и сладострастная*, она

любит **порочным сердцем** (с. 113). Астис, будучи отвергнутой царём, по-прежнему любит Соломона, но любовь её **так тесно сплелась с жгучей ненавистью, что сама Астис не умела отличить их** (с. 113). Подчеркнём, что огонь ненависти-любви царицы не греет, а сжигает всё на своём пути, губит всё живое. Писатель – в противовес пламенной любви Соломона и Суламифи – указывает на холод в отношении Соломона и Астис: **С тех пор как Соломон охладил к царице Астис, утомлённый её необузданной чувственностью, она со всем пылом южного сладострастия и со всей яростью оскорблённой женской ревности предалась тем тайным оргиям извращённой похоти, которые входили в высший культ скопического служения Изиде** (с. 111). И если любовь Соломона и Суламифи – свет, то Астис – воплощение тьмы в своём чувстве ревности: **Тёмные брови царицы сдвинулись, и её зелёные длинные глаза вдруг потемнели от страшной мысли** (с. 115). Ещё одна черта сравнения – не в зрительной, а в слуховой семантической плоскости: если любовь царя и Суламифи – тишина (**И было так тихо, что они различали биение своих сердец** (с. 125); **Странно тихи и глубоко нежны были в эту ночь ласки царя и Суламифи** (с. 122); **И царь, тихо склоняясь головой к нежным коленям Суламифи, ласково улыбнулся...** (с. 97)), то храм Озириса и Изиды, где ночью проходит мистическое тайнодействие, за которым наблюдает царица Астис, наполнен криками, звоном и дребезжанием: **... в алтаре вокруг изображения богини, покрытой чёрным покрывалом, носились жрецы и жрицы в священном исступлении, с криками, похожими на лай, под звон тимпанов и дребезжание систр** (с. 119); **– Фаллус! Фаллус! Фаллус! – кричали в экстазе обезумевшие жрецы** (с. 120); **И вот страшный, безумный, пронзительный крик на мгновение заглушил весь хор** (с. 120).

Таким образом, в повести А. И. Куприна любовь двудлика и заключает в себе не только положительные, но и отрицательные характеристики, детерминируемые сопоставлением добра и зла, света и тьмы, тишины и наводящих ужас отвратительных звуков. Эти антиномии показывают, что любовь

и смерть в художественной картине мира писателя являются равновеликими силами. Ревность жестока, своим огнём она губит всё на своём пути, кроме любви, которая, вопреки смерти Суламифи, не умирает, а перерождается, становясь вечной. Именно в этом, по мысли А. И. Куприна, непреходящая ценность любви.

Периферийные элементы концептосферы «Любовь» в повести А. И. Куприна

Периферийные элементы вносят в концептосферу повести художественно значимые и часто оценочные когнитивно-семантические признаки, сопровождающие и дополнительно характеризующие любовь двух главных героев. С одной стороны, это фоновые признаки («красота», «природа», «время»), с другой – признаки духовно-нравственного содержания, отражающие внутренний мир героев, их качества, проявляемые в любви («щедрость», «милосердие», «забота», «память», «благодарность» и др.).

«Красота». В глазах влюблённых героев объект любви, как правило, идеален. И Соломон, и Суламифь наделяют любимого человека эпитетом «прекрасный». В авторской концептуализации красоты отражается классический взгляд на неё как на признак совершенства: **– О, как ты прекрасен, мой возлюбленный** (с. 68); **– О нет, солнце сделало тебя ещё красивее, прекраснейшая из женщин!** (с. 62) По сравнению с признаком «красивый», в лексеме *прекрасный*, как отмечает Т. Б. Радбиль, «другая коннотация – ‘ориентированный на этический или эстетический идеал’, т. е. прекрасное обязательно включено в систему духовных норм и ценностей» [10, с. 106]. Недаром величественная красота царя уподобляется *лилии Саронской долины*, символическому олицетворению понятия «о наивысшей красоте и святости» (подробнее в [11, с. 289]). Заметим, что и этот признак в авторской концептосфере А. И. Куприна реализуется через преодоление антиномии, в данном случае это «возвышенное» и «зем-

ное»; сравним с «телесностью» описания рук царя (они *нежны, белы, теплы и красивы...* (с. 51)) и руки Суламифи (*Царь ласково гладит её маленькую жёсткую руку* (с. 65)). Суламифь – работница, её руки натружены и потому жёсткие, но они достойны царской ласки, ибо любовь управляет мудрым Соломоном.

«**Природа**». Местом знакомства главных героев А. И. Куприн представил виноградник царя в Ваал-Гамоне, на южном склоне горы. Факт встречи героев в гористой местности возвышает их любовь, словно приближая её к небу, Богу. Не случайно указание на то, что виноградник ограждён с четырёх сторон: *Гранатовые деревья, оливы и дикие яблони, попеременно с кедрами и кипарисами, окаймляли его с трёх сторон по горе, а четвёртой же был он ограждён от дороги высокой каменной стеной* (с. 56–57). Такое расположение символизирует уединённый мир, созданный для двоих.

Наименования растительности и конкретных растений (*Ложе у них – зелень, кровля – кедры, стены – кипарисы. И знамя над их шатром – любовь* (с. 88)) метафорически подчёркивают естественный характер любви, её природное начало. Интересна символическая семантика самого виноградника: *Братья мои поставили меня стеречь виноградник ... а своего виноградника я не уберёгла* (с. 87). Можно предположить, что речь идёт о девственности тринадцатилетней Суламифи, которая разделила ложе со взрослым мужчиной, полюбив его.

«**Время**». В повести влюблённые теряют счёт времени, они не замечают его: *Время прекращает своё течение и смыкается над ними солнечным кругом* (с. 88); *Окружённые, сиянные молчаливым светом луны, они забывали о времени, о месте, и вот проходили часы, и они с удивлением замечали, как в решётчатые окна покоя заглядывала розовая заря* (с. 98–99). Обратим внимание, что в тексте повести Соломон и Суламифь наслаждались взаимной любовью всего семь дней: *Семь дней она и царь наслаждались любовью и*

не могли насытиться ею (с. 90); *Семь дней наслаждался царь её любовью и не мог насытиться ею* (с. 96). Число «семь» также символично, в его выборе можно увидеть и библейскую аллюзию, и указание на духовную сторону любви.

Автор, несомненно, противопоставляет миг и вечность. Любовь Суламифи и Соломона длилась всего семь дней, и в «рамках» вечности это миг. Однако А. И. Куприн трансформирует этот миг в вечность: *любовь ... никогда не пройдёт и не забудется...* (с. 96); – *До тех пор пока люди будут любить друг друга, пока красота души и тела будет самой лучшей и самой сладкой мечтой в мире, до тех пор, клянусь тебе, Суламифь, имя твоё во многие века будет произноситься с умилением и благодарностью* (с. 127–128). Несмотря на смерть героини, любовь не умирает, она становится вечной.

«**Радость**», «**счастье**», «**щедрость**», «**милосердие**». Судьбоносная встреча в винограднике с Суламифью и нежданное обретение любви приносит в жизнь царя свет и радость, делает его щедрым: *Светел и радостен был Соломон в этот день, когда сидел он на троне в зале дома Ливанского и творил суд над людьми, приходившими в нему* (с. 68). Любовь приносит царю счастье, которым хочется делиться с окружающими, наделяет милосердием: *Никого не хотел Соломон видеть в этот день несчастным. Он роздал столько награды, пенсий и подарков, сколько не раздавал иногда в целый год, и простил он Ахимааса ... и сложил вины многим, преступившим закон, и не оставил он без внимания просьбу своих подданных, кроме одной* (с. 78). Великий царь отказывает главному жрецу капища Молоха в просьбе разрешить жертвоприношение младенцев. Возможно, этот отказ может служить ещё одним свидетельством о сохранении здравого рассудка и ясного ума у царя, охваченного сильным любовным чувством.

«**Благодарность**». Тесная связь любви и благодарности проявляется в ряде контекстов, выражающих взаимное чувство признательности героев: *... я до конца*

моей жизни **буду произносить с благодарностью твоё имя, Соломон!** (с. 87); Но, касаясь губами её губ, **говорил царь с бесконечной любовью и благодарностью...** (с. 99); – **Благодарю тебя, мой царь, за всё: за твою любовь, за твою красоту, за твою мудрость, к которой ты позволил мне прильнуть устами, как к сладкому источнику** (с. 127). Это и благодарность Богу, подчёркивающая святость любви Суламифи и Соломона: – **Каждый час я благодарю бога, что он послал тебя на моём пути** (с. 98).

«Смерть». Герои готовы отдать жизнь за любимого, который составляет смысл жизни каждого из них: – **Возлюбленный мой! Царь жизни моей!** (с. 83); – ... **Попроси у меня мою жизнь – я с восторгом отдам её тебе. Я буду только жалеть, что слишком малой ценой заплатил за твою любовь** (с. 125).

Любовь и смерть в повести «Суламифь» обладают равновеликой силой: **Так же сильна, как и смерть, любовь...** (с. 124)

«Память». Влюблённые герои неоднократно выражают своё желание навсегда остаться в памяти друг друга. Их воспоминания становятся источником контрастных эмоций: это тоска и восторг, радость и страх. Смысловая связь любви и памяти сопровождает диалоги героев с многочисленными эмотивами: ... **Мы с тобою встретимся, Суламифь, и мы не узнаем друг друга, но с тоской и с восторгом будут стремиться наши сердца навстречу, потому что мы уже встречались с тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламифь, но мы не помним этого** (с. 123); – **Нет, царь, нет! Я помню. Когда ты стоял под окном моего дома и звал меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росой!» – я узнала тебя, я вспомнила тебя, и радость и страх овладели моим сердцем...** (с. 124).

Ещё один признак периферийного плана – «забота» – проявляется в стремлении влюблённых оградить друг друга от переживаний и печали: **У тебя над ночным ложе я повешу смаразд, прекрасная моя: пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утешает биение сердца и отводит чёрные мысли** (с. 93).

К перечисленным «сопутствующим» признакам примыкают концептуальные метафоры, так же информативные, но комплетивные по отношению к ведущим семантическим элементам концептосферы «Любовь».

Метафорическая концептуализация чувства любви героев

Образные характеристики любовного чувства героев повести образуют особый слой концептосферы «Любовь» в произведении. Они реализуются в следующих метафорических моделях.

Любовь-битва, любовь-война.

Соломон иносказательно признаётся Суламифи в любви как своём поражении перед нею: она победила, и **Тысяча щитов висит на башне Давида, и всё это щиты побеждённых военачальников. Вот и мой щит вешаю я на твою башню...** (с. 63); **О Суламифь, красота твоя грознее, чем полки с распущенными знаменами!** (с. 89–90)

Любовь-огонь. Метафоры огня зафиксированы как в номинациях частей тела, отражающих их сенсорное восприятие – тактильное и зрительное (... **пламень её губ** (с. 66), ... **они осушили её тёмно-огненные кудри...** (с. 89); **Твоя рука сладко жжёт меня** (с. 89); ... **я целую твою милую руку, опалённую солнцем** (с. 87)), так и в репрезентантах самого чувства любви, актуализирующих признак её страстности (– **Я помню ... ты положил свою руку сверх моей. Огонь побежал по моим жилам...** (с. 98); ... **ещё никогда... не горело моё сердце** таким неутолимимым желанием, которое будит во мне одна твоя улыбка, одно прикосновение твоих **огненных** кудрей, один изгиб твоих пурпуровых губ! (с. 87) Отметим, что в осуществлённой Л. Г. Бабенко и М. А. Романовой «инвентаризации» метафорического осмысления любви в русской языковой картине мира включены модели, репрезентирующие любовь как чувство, «которое ассоциируется с пламенем, огнём, теплом» [9, с. 25].

Любовь-вино: Ласки твои лучше вина... (с. 86); Ласки твои опьяняют меня (с. 88); – ... **Сосцы** твои – как вино! (с. 88)

Любовь-гость: Заклинаю вас, дочери иерусалимские, сернами и полевыми лилиями: не будите любви, доколе она не придёт... Но вот любовь посетила меня (с. 82); Так посетила царя Соломона – величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов – его первая и последняя любовь (с. 96).

Любовь-радость, любовь-свет: И вот радостный крик Суламифи оглушает виноградник! Царь стоит за стеной. Он с сияющим лицом протягивает ей навстречу руки (с. 86); И великая радость освещала его лицо, точно золотое солнечное сияние (с. 96); Стояли светлые, тёплые, лунные ночи – сладкие ночи любви! (с. 96)

Любовь-движение и, в частности, **любовь-поиск** (– Побегу же я по дороге, догоню, догоню моего милого, – говорит про себя Суламифь. – Пойду по городу, по улицам, по площадям, буду искать того, кого любит душа моя...(с. 84)); **любовь-полёт** (Легче птицы переносится Суламифь через ограду и без слов, со стоном счастья обвивается вокруг царя (с. 86)).

Любовь-помощник: – Нет, Суламифь, в любви помогает только любовь (с. 65).

Любовь-страдание, боль, болезнь, уязвимость: Заклинаю вас, дочери иерусалимские: если встретите возлюбленного моего, скажите ему, что я уязвлена любовью (с. 65).

Любовь-река, любовь-лодка: – Ты похожа на царскую ладью в стране Офир, о моя возлюбленная, на золотую лёгкую ладью, которая плывёт, качаясь, по священной реке, среди белых ароматных цветов (с. 95).

Заключение

Нами выявлены лексические единицы текста, которые рассматриваются в качестве репрезентантов когнитивно-семантических признаков концепта «Любовь» в повести А. И. Куприна «Суламифь».

Специфику концептосферы «Любовь» в этом произведении составляют три группы концептуальных признаков: центральная зона концептосферы включает признаки «сила, объединяющая людей, невзирая на противопоставление по ряду параметров (возрасту, статусу, опыту и т. д.), «чувственность, телесное проявление любви» и «разрушительная ревность соперницы». Два последних из перечисленных признаков занимают приядерную зону. Установлено также, что как центральные, так и периферийные элементы концептосферы почти в каждом признаке содержат парные ряды антиномий («зрелость» – «юность», «богатство» – «бедность», «царь» – «раба», «любовь» – «ненависть» и др.). Периферийная зона концептосферы включает репрезентанты метафорического слоя концептосферы, образуемого признаками «любовь – битва, огонь, свет, вино и др.», которыми передаются оценочные коннотативные смыслы, увеличивающие интенсивность художественной концептуализации чувства любви героев. Любовь в индивидуально-авторской концептосфере А. И. Куприна выступает в единстве святого и земного, вечного и мгновенного, и в этом её непобедимая даже смертью сила и смысл жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
2. Kovecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
4. Петренко Н. А., Косенко Д. В. Отражение земной любви в прозе А. И. Куприна и И. А. Бунина // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 21–22 апреля 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2021. С. 437–442.
5. Бадунова А. А. Философия любви в повести А. И. Куприна «Суламифь» // Формирование про-

- фессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы I Международной научно-практической конференции (Евпатория, 22–23 ноября 2018 г.). Евпатория: Ариал, 2018. С. 173–176.
6. Петрожицкая В. В. Взаимодействие концептов *любовь* и *смерть* в повести А. И. Куприна «Суламифь» // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1–2 (62). С. 271–275.
 7. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М.: Эдитус, 2021. 206 с.
 8. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
 9. Бабенко Л. Г., Романова М. А. Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28.
 10. Радби́ль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
 11. Горбовская С. Г. Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 280–297. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297.

REFERENCES

1. Pimenova, M. V. (2011). Conceptual Research and National Mentality. In: *Humanitarian Vector*, 4 (28), 126–132 (in Russ.).
2. Kovecses, Z. (2003). *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Krasavsky, N. A. (2001). *Emotional Concepts in German and Russian Linguacultures*. Volgograd: Peremena publ. (in Russ.).
4. Petrenko, N. A. & Kosenko, D. V. (2021). Reflection of Earthly Love in the Prose of A. I. Kuprin and I. A. Bunin. In: *Implementation of the Competence-Based Approach in the Teacher Professional Education System: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference (Yevpatoria, April 21–22, 2021)*. Simferopol: Arial publ., pp. 437–442 (in Russ.).
5. Badunova, A. A. The Philosophy of Love in A. I. Kuprin's Novella "Shulamith." In: *Formation of a Philologist's Professional Competence in a Multicultural Educational Environment: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference (Yevpatoria, November 22–23, 2018)*. Yevpatoria: Arial publ., pp. 173–176 (in Russ.).
6. Petrozhitskaya, V. V. (2025). Interaction of the Concepts of Love and Death in A. I. Kuprin's Novella "Shulamith." In: *Cognitive Studies of Language*, 1–2 (62), 271–275 (in Russ.).
7. Ogneva, E. A. & Danilenko, I. A. (2021). *Duality of the Artistic Concept as a Textual Informational Code*. Moscow: Editus publ. (in Russ.).
8. Vorkachev, S. G. (2007). *Love as a Linguocultural Concept*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
9. Babenko, L. G. & Romanova, M. A. (2024). The Feeling of Love in the Metaphorical Space of the Russian Language: Key Projections and Models. In: *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28 (in Russ.).
10. Radbil, T. B. (2017). *Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection*. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. (in Russ.).
11. Gorbovskaia, S. G. (2023). Three Foundational Elements of the Celestial Rose Image in Dante Alighieri's "Divine Comedy." In: *Scientific Dialogue*, 12 (4), 280–297. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрожицкая Виктория Викторовна (г. Киров) – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета;
ORCID: 0009-0009-3295-5390; e-mail: stud207995@vyatsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoriya V. Petrozhitskaya (Kirov) – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Vyatka State University;
ORCID: 0009-0009-3295-5390; e-mail: stud207995@vyatsu.ru

Научная статья

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-61-68

ОНТОЛОГИЯ БЕСПРЕДМЕТНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «И СКУШНО И ГРУСТНО! – И НЕКОМУ РУКУ ПОДАТЬ...»

Киселева И. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ia.kiseleva@guppros.ru

Поступила в редакцию 27.05.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности художественного мышления и миропонимания М. Ю. Лермонтова и определить смысловую наполненность поэтики беспредметности в стихотворении «И скушно и грустно! – и некому руку подать...».

Процедура и методы. Материалом исследования стал аутентичный текст стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...», который рассмотрен в контексте биографии поэта и близких по времени создания его произведений. Базовой методологической установкой является понимание поэтического текста как фиксации состояния «здесь и сейчас», которая одновременно являет собой динамически представленную картину мира.

Результаты. Установлено, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» не только передаёт авторское переживание о несоответствии представлений и действительности, но и утверждает духовно-социальную сущность человека. Потребность в диалоге является фундаментальной основой личности поэта. Через отрицание ценности земного существования, лишённого духовной встречи с Другим, поэт утверждает подлинность духовного бытия человека. Явленный в стихотворении мыслительный парадокс утверждения через отрицание реализуется посредством особой художественной стратегии, связанной с отказом от слов с конкретным значением и являющийся в особой поэтике беспредметности. Будучи частью системы, взятой в её предельной напряжённости, стихотворение даёт представление о целостной картине становления онтологических воззрений поэта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования обусловлена уточнением специфики поэтики М. Ю. Лермонтова, значимой для понимания его мироощущения и особенностей художественного мышления. Практическая значимость исследования связана с культурной трансляцией духовного смысла аутентичного текста стихотворения «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» в практику чтения и формирования духовно-нравственных ориентиров общества.

Ключевые слова: апофатика, аутентичный текст, иконический текст, поэтика беспредметности, трансцендентное

Для цитирования:

Киселева И. А. Онтология беспредметности в стихотворении М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 61–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-61-68>.

Original research article

THE ONTOLOGY OF OBJECTLESSNESS IN MIKHAIL LERMONTOV'S POEM 'I AM WEARY AND SAD, AND THERE'S NO ONE TO GIVE ME A HAND...'

I. Kiseleva

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: ia.kiseleva@guppros.ru

Received by the editorial office 27.05.2026

Accepted for publication 04.06.2026

Abstract

Aim. To reveal the distinctive features of Mikhail Lermontov's artistic vision and worldview, and to determine the semantic richness of the poetics of objectlessness in his poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand...".

Methodology. The research material comprises the authentic text of Mikhail Lermontov's poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand...", analysed within the context of the poet's biography and his other works written around the same period. The core methodological framework is based on understanding poetic text as a record of the 'here and now' state, which simultaneously manifests a dynamically presented worldview.

Results. The study establishes that Mikhail Lermontov's poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand..." not only conveys the author's experience of the disparity between ideals and reality, but also asserts the spiritual and social essence of human nature. The need for dialogue constitutes the fundamental foundation of the poet's personality. Through denying the value of an earthly existence devoid of a spiritual encounter with the Other, the poet affirms the authenticity of human spiritual being. The intellectual paradox of affirmation through negation, manifested in the poem, is realized by means of a specific artistic strategy involving the rejection of words with concrete meanings, which manifests itself in a distinctive poetics of objectlessness. As part of a system captured at its point of ultimate tension, the poem provides an insight into the holistic development of the poet's ontological views.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in clarifying the specific nature of Mikhail Lermontov's poetics, which is vital for understanding his worldview and the distinctive features of his artistic vision. The practical significance of the research relates to the cultural transmission of the spiritual meaning of the authentic text of the poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand..." into reading practices and the formation of the spiritual and moral values of society.

Keywords: apophaticism, authentic text, iconic text, poetics of objectlessness, the transcendent.

For citation:

Kiseleva, I. A. (2026). The Ontology of Objectlessness in Mikhail Lermontov's Poem "I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand..." In: *Russian Studies in Philology*, 4, 61–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-61-68>.

Введение

Предметом исследования стали онтологические аспекты поэтики стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...». Уточнение заглавия стихотворения аргументировано в нашей предыдущей статье «Поэтика аутентичного текста М. Ю. Лермонтова

«И скушно и грустно! – и некому руку подать...» (1840)» [1], где в соответствии с автографом реконструирован аутентичный текст стихотворения, а также предложен дефинитивный текст в новой орфографии. На настоящем этапе исследования склоняемся к тому, что при воспроизведении текста в новой орфографии следует придерживаться авторского написания

слова «скушно», сопровождая его примечанием. Гипотетически Лермонтов мог нарочито употреблять букву «ш», фиксируя норму московского произношения в противовес петербургскому свету, в котором «некому руку подать в минуту душевной невзгоды», тогда как московское общение (Москва – родина поэта) представляется ему теплородственным и духовно близким. Московскую норму произношения фиксирует и один из самых авторитетных редакторов советского времени Б. М. Эйхенбаум, публикуя стихотворение под заглавием «И скушно и грустно»¹ и воспроизводя этот вариант написания слова при публикации самого текста. Сохранившийся автограф стихотворения, имеющий небольшую правку, не имеет заголовка, и потому стихотворение может называться по первому стиху, являющемуся сильной позицией текста.

Несмотря на значительную историю изучения текста и его смысловую оценку литературной критикой, литературоведение до сих пор до конца не исчерпало той глубины, которую несёт в себе эта экзистенциальная элегия, которая «мгновенно излилась на бумагу сама собою, как поток слёз, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...»² Целью статьи является раскрытие духовного смысла поэтики беспредметности в стихотворении М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...». Настоящее исследование не вступает в противоречие с традицией рассмотрения стихотворения как свидетельства «внутренней опустошённости» поэта, вместе с тем утверждая, что «эта безотрадность была лишь одной его стороной» [2, с. 41], тогда как другая была связана с осознанием жизни как дара и верой в небесную родину человека. И,

может быть, именно в этом стихотворении, как в никаком другом, отразилась вся глубина тоски поэта по вечности. Базовой методологической установкой является понимание поэтического текста как фиксации состояния «здесь и сейчас», которая одновременно являет собой динамически представленную картину мира.

Духовная проблематика стихотворения «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» в контексте лирики М. Ю. Лермонтова 1840 года

«И скушно и грустно! – и некому руку подать...» – это второе известное стихотворение Лермонтова, датированное 1840 г. Первым считается стихотворение «Как часто, пёстрою толпою окружён...», написанное в связи с посещением поэтом новогоднего бала-маскарада и впервые опубликованное под названием (как указано в содержании) «1-е января»³ (в первом издании дата стоит в правом углу перед стихотворением, что, вероятно, соответствует несохранившемуся первоисточнику). Если рассматривать зафиксированный в черновом автографе поэта вариант первого стиха, то можно заменить не только изменение знаков препинания, но и изменение смысла. В издании стихотворений Лермонтова 1840 г. можно прочитать: «И скушно, и грустно, и некому руку подать // В минуту душевной невзгоды...»⁴ Здесь запятые указывают на некую последовательную фиксацию состояния поэта в аспекте перечисления, тогда как в автографе интонационные и смысловые акценты иные. Однако Лермонтов не разделяет запятой слова категории состояния («и скушно и грустно»), но ставит после них восклицательный знак, придающий высказыванию тональность вызова и, может быть, нежелания мириться с таким состоянием, а после восклицательного знака ставит тире как указание на причину этого своего

¹ Лермонтов М. Ю. И скушно и грустно («И скушно и грустно! – и некому руку подать...») // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1936. С. 60.

² Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 132–205.

³ Отечественные Записки. 1840. Т. 8. № 1. Отд. 3. С. 140.

⁴ Стихотворения М. Лермонтова. СПб.: Тип. Ильи Глазунова и К°, 1840. С. 109.

состояния: «И скушно и грустно! – и некому руку подать // Въ минуту душевной невзгоды...»¹ В советских изданиях в соответствии с автографом опускалась запятая между словами «и скушно и грустно»², тем самым редакторы пытались приблизиться к авторской пунктуации, но отсутствие тире «ломало» авторскую логику (авторская пунктуация в первом стихе сохранена только в издании под редакцией Б. М. Эйхенбаума³). В научном издании 2014 г. эта запятая восстановлена в соответствии с первой публикацией.⁴ Это восстановление представляется логичным, если не восстанавливать зафиксированные в автографе иные знаки препинания, изменённые при публикации, но оно не отвечает зафиксированному в единственном сохранившемся автографе чувству поэта. В автографе указано на причины тяжёлого душевного состояния – отсутствие рядом близкого человека, в печатных вариантах фиксируется именно состояние упадка духа [1], и глубина текста в большей мере постигается, если рассматривать «расставленные Лермонтовым знаки препинания как интонационно-смысловую систему» [3, с. 312].

В стихотворении «И скушно и грустно! – и некому руку подать...», как и в других лермонтовских шедеврах, соединяется тоска по бесконечному с тоской об явленности здесь и сейчас некоторого идеала, того, к которому он уносится мыслями в стихотворении «Как часто пёстрою толпою окружён...»:

*«И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За роцей первое сиянье».*⁵

Здесь детство и малая родина становятся местом отрады поэта, местом приближённости к идеалу, встречи с которым так жаждала его душа.

Однако не только мечтой и воспоминанием живёт поэт, в реальных встречах и событиях своей жизни он также находит источник вдохновения. С начала 1838 г. по конец апреля – начало мая 1840 г. вернувшийся с Кавказа Лермонтов оказывается близко причастным к столичной жизни. 3 января 1838 г. он был в Москве, во второй половине января в Петербурге, потом был отправлен нести службу в военные поселения Новгородской губернии, и вот уже 14 мая поэт «прибыл в лейб-гвардии Гусарский полк, расквартированный в Софии под Царским Селом»⁶, откуда часто выезжает в Санкт-Петербург. Е. А. Верещагина пишет в письме к своей замужней дочери А. М. Хюгель (урожденной – Верещагиной): «У нас очень часто веселье для молодёжи – вечера, собирается всё наше семейство. Танцы, шарady и игры. Маскарады. Миша Лермонтов»⁷ Лермонтов в этот период уже немало кому известный юноша, он переживает пик популярности в свете, с удовольствием принимает внимание дам и ухаживает за ними, пишет стихи в альбомы. И. С. Тургенев вспоминал: «У княгини Ш^{аховск}ой я, весьма редкий и непривычный посетитель светских вечеров, лишь издали, из уголка, куда я забился, наблюдал за быстро вошедшим в славу поэтом»⁸ Интенсивность светской жизни, пребывание на балах и маскарадах, в литературных салонах во многом определили и двуплановую тематику лермонтовской лирики 1840 года. С одной стороны, это красота и культура дворянского общества того времени, с другой – ощущение духовной

¹ РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинские). Оп. 1. Ед. хр. 986. Л. 66.

² Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 138.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкин. Дома, 2014. С. 311.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–425.

⁶ Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова / отв. ред. Б. П. Городецкий. М.; Л.: Наука, 1964. С. 93

⁷ Андроников И. Л. Рукописи из Фельдафинга // Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. М.: Книга, 1963. С. 26.

⁸ Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1956. С. 330–331.

пустоты, являющейся следствием как особых духовных запросов, продиктованных личным гением Лермонтова, так и присутствия фальши и лицемерия в тотально цивилизованном обществе, где естественные чувства и их выражения корректируются условностями. Поэтические размышления о бездушности света, о губительности светской жизни для живой жизни души, конечно, были присущи поэту и раньше, кроме того, отвечали романтическому мироощущению, которое ещё было достаточно сильно, но именно к 1840 г. они становятся особенно напряжёнными. Совсем с небольшими промежутками поэт создаёт оценочно противоположные тексты. Одни наполнены жизнеутверждающим пафосом любования красотой и пониманием её, другие полны крайней степени разочарования. С одной стороны, посвящения прекрасным светским дамам – это прежде всего стихотворение «На светские цепи...», предположительно адресованное М. А. Щербатовой, и стихотворение «К портрету», связанное с экфрасисом гравюры Анри Греведона, изображающей графиню А. К. Воронцову-Дашкову. Эти стихотворения держатся на естественной для изящной словесности иконичности (от греч. εἰκών – образ, изображение, подобие). Духовная встреча поэта с объектом своего изображения в дискурсе художественного произведения актуализирует смысл бытия. И эта явленность личностного идеала была чрезвычайно важна для Лермонтова, ищущего в земном отблески вечности. В этих стихотворениях «оформляется сама идея о человеке как творении Бога, как феномене, соединяющем трансцендентный, явленный через Слово мир с миром тварно-чувственным» [4, с. 45]. Если в них Лермонтов воссоздаёт образы живые, многосторонние, пребывающие одновременно в мире светском и в мире духовном, то стихотворение «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» является вызовом существованию без родного человека рядом, способного разделить чувства и переживания и, как верно отметил В. Г. Белинский, фиксирует факт «мо-

ментального состояния».¹ Переживание подобного состояния было нередко для поэта.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...»: поэтика беспредметности

Наиболее показательным в аспекте поэтики является сравнение стихотворений М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» и «Как часто, пёстрою толпою окружён...». Их тематика и отдельные детали перекликаются, но при этом они содержат принципиальные различия в художественной образности, которые прежде всего связаны с отсутствием образности как таковой в элегии «И скушно и грустно! – и некому руку подать...». Если стихотворение «Как часто, пёстрою толпою окружён...» наполнено яркими образными деталями («давно бесшумные руки», «высокий барский дом», «сад с разрушенной теплицей», «спящий пруд», «жёлтые листья» и др.²), то в рассматриваемой элегии всякая предметность размывается. А. Н. Соколов отмечал, что у Лермонтова «при передаче душевных переживаний задачей словесных образов не является создание наглядных, чувственно воспринимаемых или воображаемых образов и картин» [5, с. 179]. В тексте стихотворения доминируют отвлечённые существительные – «невзгоды», «желанья», «радость», «муки», «труд», «прошлое», «страсти», «недуг», «рассудок»³, обозначающие качества, свойства, действия, но не имеющие оплотнённого вещественного содержания.

Объектом осмысления и формой существования материи в стихотворении предстаёт выполняющее роль подлежащего существительное «жизнь», но и его кон-

¹ Белинский В. Г. Письмо Боткину В. П., 9 февраля 1840 г. Петербург: [Отрывок] // Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 232.

² Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 136–137.

³ Там же. С. 138.

кретность снимается за счёт относящегося к нему приложения «шутка», снабжённого дополняющими её призрачность эпитетами «пустая и глупая». Конкретным словом является существительное «рука», но и оно, включённое в состав выражения с идиоматическим потенциалом – «некому руку подать», соотносимо, прежде всего, с понятием «одиночества». Ещё одно конкретное существительное «след» здесь также используется в его метафорическом смысле, составляя семантическое единство со словом «прошлое»: «прошлого нет и следа». Слова с обозначением времени «минута», «годы» акцентируют пребывания человека в земном мире, но в тексте стихотворения семантическая конкретность темпоральных существительных снижается, подчиняясь семантике их восприятия: ощущения быстротечности и конечности («а годы проходят, все лучшие годы»), фиксации внутреннего состояния («в минуту душевной невзгоды»); в данном случае темпоральные существительные входят в состав фразеологических сочетаний. Размывание границ физического мира акцентирует именно факт сознания лирического героя. И если вначале поэт ещё отталкивается от факта пребывания человека в мире земном, находя причину своего состояния («и скушно и грустно») в отсутствии друга («и некому руку подать»), то затем эта предметность, рассеянная уже в указанной идиоме, уходит совсем, лирический герой ставит перед собой вопросы и отвечает на них с помощью перцептивной аргументации, совокупность которой приводит его к абсурдистскому выводу о том, что жизнь «такая пустая и глупая шутка». Понимать ли указанный вывод выражением ценностной позиции Лермонтова и константой его мировоззрения, или это есть передача экзистенциального кризиса поэта в определённый момент времени? Вероятно, что все заключения могут иметь право быть, и их список может быть расширен в рамках «границы спектра адекватности» [6, с. 10] толкований текста, но при этом особое внимание должно быть уделено не только контексту

творчества Лермонтова, но и дефинитивности рассматриваемого текста, точности понимания расстановки автором смысловых интонаций, напрямую связанных с его структурой и интонационной палитрой.

Доминирование абстрактных слов в стихотворении «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» является маркёром особого типа поэзии, относящийся к той, что В. Г. Белинский обозначил как «поэзию мысли».¹ Можно и уточнить термин: так, А. И. Журавлева предлагает по отношению к Лермонтову термин «поэзия мышления», который в отличие от термина «поэзия мысли» акцентирует личностную составляющую и представляет собой «синоним поэтической духовной биографии» [7, с. 9]. Конечно, этот тип поэзии не исключает предметности, но именно стихотворение Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» особенно ярко иллюстрирует понятийное поэтическое мышление, по сути парадоксальное для поэзии, которое как всякое искусство жаждет явления образа, конкретики, наконец, даже визуализации. Образ поэтический, образ в искусстве – это икона. Иконичность – норма искусства, тогда как «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» – это уникальный пример аконического стихотворения, и именно его выделяет А. Ф. Лосев, размышляя о феномене аконической поэзии и полагая, что здесь «нет ровно никакой образности и уж тем более нет никакой живописной образности» [8, с. 417]. Эта аконичность, безобразность не является для Лермонтова тотальной, почти одновременно он создаёт стихотворения с яркой образной составляющей: и «Пленного рыцаря», и «Тучи», и др., где зрительность, аллегоризм, символизм деталей и образов особенно значимы.

В чём же состоит телеологичность этой аконичности и почему именно через аконический текст Лермонтов передаёт своё душевное состояние? Определение самого этого состояния остаётся под вопросом, хотя какое это состояние – тоже вопрос, на

¹ Белинский В. Г. Параша // Отечественные записки. 1843. Т. XXVIII. № 5. Отд. VI. С. 1.

который не так просто ответить, а ответы зачастую не подразумевают согласия. Это и есть проблема абстрактных слов: с одной стороны, они являются по своему существу выражением некоей идеи, а с другой – передача этой идеи являет вопрос сложный и зачастую дискуссионный. Об аналоге таких слов говорил блаженный Августин: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, я не знаю».¹ Сфера значения абстрактных слов обладает некоей размытостью контура смысла, обретающего рельефность в конкретной ситуации; полно объяснить относящееся в сфере трансцендентного достаточно сложно, как сложно объяснить содержание лермонтовского текста, и в таком случае особенно важным представляется эмоционально-ценностная интенция текста, которая в рассматриваемом стихотворении связана с неудовлетворённостью несовершенством человеческих отношений в падшем мире. Стихотворение Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...», при всей сложности своего понимания, заставляет читателя вместе с поэтом затосковать о вечности, в которой «Дружба дружбы не обманет, // Любовь любви не изменит».² Стихотворение «содержит в себе неведомые и даже “тёмные” для земного рутинного сознания духовные откровения» [9, с. 22].

Заключение

Иконические и аконические стихотворения Лермонтова с разных сторон

раскрывают жизнь души поэта, своей со-явленностью объёмно представляя особенности его мироощущения. Г. Д. Гачев, показывая своеобразие Лермонтова по отношению к Пушкину, писал, что второй «обязательно набросит пластический покров на внутренний мир своей души, который будет везде просвечивать и проступать, но не сам по себе, а в ритме складок, изменений форм чувственно-предметного мира» [10, с. 268]. Лермонтов же показывает «боренья внутреннего бытия», которые ещё не обрели живописной плотности, но именно поэтому «он всемогущ в той точке, сфере, где таится потенциал жизни» [10, с. 268]. Поэт не просто ставит проблему «существования человека как субъекта бытия, ценностного и духовного» [11, с. 5], остро переживает несоответствие представлений и действительности, но и утверждает духовную сущность человека, раскрывающуюся в факте встречи с Другим, в значимости дружеского общения, в явленности красоты в мире, уже своим фактом свидетельствующую о ценности жизни. Явленный в стихотворении мыслительный парадокс утверждения через отрицание реализуется посредством особой художественной стратегии, связанной с отказом от слов с конкретным значением и являющейся в особой поэтике беспредметности. Будучи частью системы, взятой в её предельной напряжённости, стихотворение даёт представление о целостной картине становления онтологических воззрений поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселева И. А. Поэтика аутентичного текста М. Ю. Лермонтова «И скушно и грустно! – и некому руку подать...» (1840) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 4. С. 133–157. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442.
2. Фохт У. Р. Лермонтов: логика творчества. М.: Наука, 1975. 189 с.
3. Киселева И. А., Поташова К. А. Аутентичная интонация стихотворения Лермонтова «Журналист, Читатель и Писатель» (1840) как ключ к пониманию авторского замысла // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 8. С. 296–316. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-296-316.
4. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463.

¹ Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Renaissance, 1991. С. 292.

² Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 13.

5. Соколов А. Н. Художественный образ в лирике Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М.: Наука, 1964. С. 172–201.
6. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н. В. Гоголя. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. 100 с.
7. Журавлева А. И. Русская литература XIX века // Русская драма и литературный процесс: к 75-летию А. И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С. 5–41.
8. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: Московский университет, 1982. 479 с.
9. Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35.
10. Гачев Г. Д. Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: образ, метод, характер: в 3 кн. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 186–311.
11. Москвин Г. В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2024. № 8. С. 2–8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312.

REFERENCES

1. Kiseleva, I. A. (2025). Poetics of the Authentic Text of M. Yu. Lermontov's "“I am Weary and Sad, and There's No One to Give Me a Hand...” (1840). In: *Problems of Historical Poetics*, 23 (4), 133–157. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15442 (in Russ.).
2. Fokht, U. R. (1975). *Lermontov: The Logic of Creativity*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
3. Kiseleva, I. A. & Potashova, K. A. (2025). Authentic Intonation of Lermontov's Poem "Journalist, Reader, and Writer" (1840) as a Key to Understanding the Author's Intention. In: *Scientific Dialogue*, 14 (8), 296–316. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-296-316 (in Russ.).
4. Kiseleva, I. A. & Potashova, K. A. (2024). M. Yu. Lermontov's Poem "To a Portrait" (1840): Poetics of Text and Image. In: *Problems of Historical Poetics*, 22 (2), 25–49. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13463 (in Russ.).
5. Sokolov, A. N. (1964). The Artistic Image in Lermontov's Lyric Poetry. In: *The Creative Work of M. Yu. Lermontov: 150th Anniversary of His Birth, 1814–1964*. Moscow: Nauka publ., pp. 172–201 (in Russ.).
6. Esauslov, I. A. (1995). *The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work: N. V. Gogol's "Mirgorod"*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (in Russ.).
7. Zhuravleva, A. I. (2013). Russian Literature of the 19th Century. In: *Russian Drama and the Literary Process: On the 75th Anniversary of A. I. Zhuravleva*. Moscow: Sovpadenie publ., pp. 5–41 (in Russ.).
8. Losev, A. F. (1982). *Sign. Symbol. Myth: Works on Linguistics*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
9. Gulín, A. V. (2023). Mikhail Lermontov's Celestial Angel (Spiritual Experience as a Creative Category). In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 5 (1), 6–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35 (in Russ.).
10. Gachev, G. D. (1962). The Development of Figurative Consciousness in Literature. In: *Theory of Literature: Basic Problems in Historical Perspective: Image, Method, Character. Bk. 1*. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., pp. 186–311 (in Russ.).
11. Moskvín, G. V. (2024). On the Question of the Origins of M. Yu. Lermontov's Existential Prose. In: *Litera*, 8, 2–8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ирина Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0002-9629-0035; e-mail: ia.kiseleva@guppros.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Kiseleva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0002-9629-0035; e-mail: ia.kiseleva@eduprosvet.ru

Научная статья

УДК 821.161.1-3.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-69-79

ЧЕЛОВЕК ПРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «ХУДАЯ ТРАВА» И В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»

Колчина Ю. М.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail : KolchinaYulu@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2025

После доработки 02.03.2026

Принята к публикации 11.03.2026

Аннотация

Цель. Определить суть влияния творческого метода И. А. Бунина в рассказе «Худая трава» на повесть В. Г. Распутина «Последний срок» при выявлении духовных основ русского национального характера.

Процедура и методы. В статье применены сравнительно-сопоставительный и историко-литературный методы. В данных произведениях сопоставляются образы русских крестьян на пороге смерти, их мировосприятие, исследованы формы и возможности художественного времени как ключевого способа реализации авторской идеи. При написании статьи автор опирался на труды В. Я. Ивановой, А. А. Газизовой, И. Н. Коржовой.

Результаты. Человек перед лицом смерти – основная философская тема, которая объединяет исследуемые произведения. Обоих авторов волнуют схожие проблемы: духовного наследия, проявления национального характера в драматичные моменты бытия. Рассказ Бунина почти лишён социальных мотивов и представляет глубокий анализ сознания личности. Повесть Распутина отличает социальный подтекст, который определяет образ героини.

Теоретическая и/или практическая значимость. В исследовании впервые проведена попытка соотнесения различных и общих черт при создании образов русских крестьян в прозе обоих писателей. Статья может быть востребована при выявлении преемственных связей в творчестве писателей-реалистов, давая возможность уточнить своеобразие творческого метода, отражение философско-религиозной позиции.

Ключевые слова: вечность, личность, преемственность, традиция, художественное время

Для цитирования:

Колчина Ю. М. Человек пред лицом вечности в рассказе И. А. Бунина «Худая трава» и в повести В. Г. Распутина «последний срок» // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 69–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-69-79>.

Original research article

MAN IN THE FACE OF ETERNITY IN I. A. BUNIN'S STORY "THE THIN GRASS" AND V. G. RASPUTIN'S NOVEL "THE LAST DUE DATE"

Yu. Kolchina

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: KolchinaYulu@yandex.ru

Received by the editorial office 01.09.2025

Revised by the author 02.03.2026

Accepted for publication 11.03.2026

Abstract

Aim. To examine how I. A. Bunin's "Thin Grass" may have influenced Rasputin's "The Last Term" in their portrayals of the spiritual foundations of the Russian national character.

Methodology. The article uses comparative and historical-literary methods. The images of Russian peasants on the verge of death and their worldview are described, and artistic time as a keyway to realise the author's idea is explored. When writing the article, the author relied on the works of V. Ya. Ivanova, A. A. Gazizova, I. N. Korzhova.

Results. The theme of man in the face of death is the main philosophical theme that unites the works analysed. Both authors are concerned about similar problems: spiritual heritage, manifestations of national character in dramatic moments of life. Bunin's story is almost devoid of social motives and presents a deep analysis of personality consciousness. Rasputin's story is distinguished by a social subtext that defines the image of the heroine.

Research implications. The study is the first attempt to correlate different and common features in creating images of Russian peasants in the prose of both writers. The article may be in demand when identifying the continuity in the work of realist writers, making it possible to clarify the originality of the creative method, reflecting the philosophical and religious position.

Keywords: eternity, personality, continuity, tradition, artistic time

For citation:

Kolchina, Yu. M. (2026). Man in the Face of Eternity in I. A. Bunin's Story "The Thin Grass" and V. G. Rasputin's Novel "The Last due Date". In: *Russian Studies in Philology*, 4, 69–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-69-79>.

Введение

Всякое неспокойное время рождает своего гениального художника, пронизательного и чуткого, страстно отыскивающего пути исцеления для Родины и сограждан. Именно таким писателем становится для предреволюционной России И. А. Бунин. Мучась противоречиями и сомнениями в своих многолетних раздумьях о судьбе Отечества, Бунин всё чаще и чаще говорил о жизни деревни и душе русского народа, памяти предков и неиссякаемой духовной глубине национального характера, его «неподвижных» приметах. При подготовке к публикации своих «тузовых», по выражению А. М. Горького, рассказов начала XX в., Бунин пишет издателю Н. С. Клевову: «...мужик будет опять на первом месте, – или, вернее, не мужик, а душа мужицкая – русская, славянская».¹ Вобрать в себя мудрость веков, проявить умение смириться,

но не покориться и не отчаяться, простить и принять, что суждено, собраться и выстоять, одарить неиссякаемой душевной щедростью – вот всё то, что свойственно герою-мужику из рассказов И. А. Бунина 1900 гг. Думается, что именно этим настойчивым желанием так глубоко проникнуть во внутренний мир русского крестьянина и увидеть в нём нравственную основу нации творческое наследие И. А. Бунина стало близко В. Г. Распутину. «Моя проза – традиционная, основное питание она получает от Достоевского и Бунина. Я вышел из них. У Бунина восхищаюсь живописью словом, удивительным деревенским языком» [1, с. 96], – такое признание, сделанное Валентином Распутиным в одном из последних интервью, ещё раз подтверждает мнение многих исследователей о том, что творчество писателя, освещаая злободневные проблемы жизни села послевоенного периода, по многоаспектности и мощи психологического анализа, по ёмкости и неоднозначности многостороннего осмысления изображаемых событий

¹ Бунин И. А. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1984. С. 7.

выходит далеко за рамки общепринятого представления о «деревенской прозе», наследуя и развивая традиции И. А. Бунина как представителя русской классической школы.

Буквально в каждом своём произведении Распутин уделяет основное внимание не столько описываемым событиям, сколько тому отклику, который вызывают они в душе у героев, и в этом смысле любое его произведение – приглашение к беседе об извечных философских вопросах, удивительным образом произрастающих из повседневности, заставляющих видеть великое в обыденном, непостижимо соединяя быт и бытие. Так, В. Распутин, наследуя основные приёмы представителей традиционного (критического) и «нового» (созерцательного) реализма, открывает иные возможности прозаического жанра, вбирающего в себя элементы реализма и модернизма, где главенствующую роль занимает образ-символ.

Сегодня, когда вопрос о возрождении духовно-нравственных ценностей и определении сущностных черт национального характера стоит особенно остро, сопоставим произведения писателей-мыслителей, которые определяют этот характер, с целью прояснить нерушимую духовную связь, что тянется через годы и революции, реформы и войны и позволяет людям оставаться русскими. В произведениях Распутина и Бунина звучит мотив потери «угасающего» родного, умирающего родного» [2, с. 224].

Человек на пороге вечности – вот центральная тема, ввиду которой есть возможность провести аналогии между произведениями, вынесенными в заголовок статьи.

Смысл названий и идейная основа произведений

Рассказ И. А. Бунина «Худая трава» написан в 1913 г., накануне первой мировой войны, в период, когда писателя интересовала преимущественно судьба русского крестьянства. В сравнении с предыдущими

произведениями автора о судьбе жителей деревни рассказ почти лишён социальных мотивов (разве что главный герой, отработавший на чужой стороне без малого тридцать лет батрак Аверкий, явно из бедных крестьян). Автора интересуют в первую очередь внутренние переживания героя. Мы наблюдаем его в одну из самых значимых по своей драматичности жизненных вех – незадолго до смерти, которую он предчувствует, – время подведения важнейших итогов, осмысления пройденного земного пути. От самой метафоры, вынесенной в название, которому вторит эпитафия, веет чем-то древним, уходящим в дохристианскую языческую Русь, жутковатым в своей неотвратимости. Представление о времени обретает здесь символическое значение: «худая» трава неизбежно умрёт в назначенный срок, как суждено умереть всему живущему на земле. Помимо этого, в начале рассказа в повествовательную канву сразу вплетаются религиозные, обрядовые мотивы: так, уже в первом предложении мы читаем: «Аверкий слёг, разговевшись на Петров день»¹, – такое указание на большой христианский праздник окончания летнего поста, безусловно, должно быть реализовано в образе, указывая на избранность героя, его праведную жизнь. Сразу и одновременно в повествовании прослеживаются фольклорное и религиозное начала, создавая особый колорит рассказа, обогащая возможности реализации художественного времени.

Название повести В. Распутина «Последний срок», завершённой в 1970 г., являет собой уже не метафору, а образ-символ и относится не только к судьбе главной героини повести Анны, которая, подобно Аверкию, предстаёт перед читателем «то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти» (за этим стоит понимание единства, неделимости времени)²,

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 425. Здесь и далее цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

² Распутин В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Молодая гвардия: Вече-АСТ, 1994. С. 10. Здесь и далее цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

но и к каждому из её детей и близких, оказавшихся рядом с ней в эти светлые и скорбные дни, которые призваны раскрыть суть героев, а вместе с ними и эпохи, вливающей на их формирование.

Символическая и в христианстве, и в фольклорных традициях цифра «три» (три года, в течение которых слабеет Анна и всё ждёт своего последнего часа) говорит о долгом пути старой крестьянки и матери к той последней черте, за которой скрывается вечность, приближение к неминуемой смерти, «время для которой вроде пришло» (с. 7).

Подобно И. Бунину, дважды акцентирующему внимание на просторечном (в данном контексте) словосочетании «худая трава», Распутин использует просторечное слово «припело», желая указать на время принятия, духовной и душевной зрелости героини. Вместе с тем в данном слове отражено и созвучие жизни человека всему живущему на земле (время как своеобразный природный цикл), воплощена неизбежная закономерность окончания отмеренного срока.

Образы главных героев в рассказе И. А. Бунина «Худая трава» и повести В. Г. Распутина «Последний срок»

Заметим, что образы главных героев у Бунина и Распутина являют собой характерные типы представителей русского крестьянства, вобравших в себя духовное богатство предшествующих поколений и таким образом соединивших в себе многие вневременные нравственные сущности: честность, скромность, искреннее внимание, милосердие и снисходительность к ближнему, необыкновенное трудолюбие, любовь к детям, вдумчивое осмысление и смиренное принятие своей судьбы, память сердца и умение прощать – это те качества, которые выявлены в связи с характером праведника в русской литературе. Сюжетное время и в рассказе Бунина, и в повести Распутина весьма непродолжительно, и только сознание и подсознание героев раздвигает границы времени до неизмеримых пределов.

Следуя представлению философа А. Ф. Лосева о том, что имя есть соединение факта и символа и является «пределом самовыявления вообще» [3, с. 847], обратимся к значению имён главных героев.

По одной из версий имя «Аверкий» означает спокойствие и уравновешенность, гармонию: «с полевой нескладностью, с лаптями и полушубком, никогда не сходившим с плеч, странно сочеталось благообразие» (с. 425). Благостный образ «хорошего, смиренного» (с. 425) мужика проявляется в самых важных для крестьянина вещах: в трапезе («ел он неспешно ... , с детства привыкнув совершать трапезу, как молитву» (с. 425)), в заботе о душе («Если Бог поднимет, пойду в Киев, в Задонск, в Оптину... Вот дело настоящее, чистое, лёгкое» (с. 427)), в отношении к труду. Вместе с тем он всегда как будто обособлен, отстранён от всего происходящего, привыкнув «думать что-то иное, своё» (с. 427). Неслучайно другое толкование имени – «отворачивающийся» и «притягивающий» одновременно, так в образ вплетается мотив отшельничества, *вечного странника, гостя на земле*.

Не менее значимо имя героини в повести Распутина «Последний срок». В нём даёт о себе знать имя матери Девы Марии, воплощение идеи материнства как таковой. Согласно христианской символической традиции, женщина спасается деторождением, и Анна, чьё имя означает «Божья благодать», щедро наделена даром материнства как возможностью своего продолжения в будущем. Кроме того, она, подобно всем праведникам, не страшится смерти: «Старуха хорошо знала, как она умрёт, так хорошо, словно ей приходилось испытывать смерть не один раз. Но в том-то и дело, что не приходилось, а всё-таки почему-то знала» (с. 142). Это особое знание, возникающее в героине словно из недр прапамяти, от зарождения духа, в чём читатель склонен видеть необыкновенные силы подсознания. Автору важно, чтобы было заметно своеобразное духовное превосходство Анны почти над всеми рождёнными ею детьми, что определяет осно-

ву зарождающегося конфликта: «Вот так они сидели и разговаривали за длинным деревянным столом, сколоченным их покойником-отцом лет пятьдесят назад. Все они, пожив отдельно, теперь мало походили друг на друга» (с. 11).

Писатель неоднократно подчёркивает значимость семейного события, его связь с многовековыми духовными традициями и понимание этого всеми детьми: «...каждый из них по-своему чувствовал новое, не бывавшее прежде в нём горькое удовлетворение собой оттого, что он здесь, при матери в её последний час, как и положено сыну или дочери, и тем самым заслужил её прощение – какое-то другое, не человеческое прощение» (с. 31). Но по мере того, как состояние Анны, «воскресшей» для того, чтобы увидеть детей, всё чаще будет представляться им сносным, возникшая вдруг духовная общность постепенно начнёт ослабевать: слишком тяжело, непосильно для них страшное душевное напряжение, зовут к себе повседневные житейские дела. И вот уже каждому из детей проще и легче обмануться, уверив себя в том, что с матерью всё хорошо.

Время как духовно-нравственная категория и проблема связи поколений

Можно предположить, что ближе всех к матери должна быть её старшая дочь Варвара: она и живёт неподалёку, и по-простонародному называет мать матушкой, призывая всех к почитанию и уважению, и в любой момент готова традиционно «заголосить». Но вот беда – её чувства мелки, они всегда будто бы на показ. Варвара не созрела душой. Кроме того, «как никто в родове, была толстой и небыстрой» (с. 11). Е. Н. Кузнецова в своей статье пишет, что «в образе Варвары, действительно, прослеживается культурная и духовная деградация» [4, с.177]. Единственное, что её сближает с матерью, – это способность к деторождению, но удовлетворения от этого, как Анне, которая «воскресает», чтоб только ещё раз посмотреть на детей, ей не дано: «Радости

в своих ребятах Варвара видела мало: она мучилась и скандалила с ними, пока они росли, мучится и скандалит сейчас, когда выросли» (с. 11). Заметим, что ни один из «выросших» детей Варвары не приезжает проститься с бабушкой: духовная и родовая связь уже нарушена.

Особенно непросто сложились отношения Анны со второй дочерью Люсей: «она городская вся, с ног до головы, она и родилась-то от старухи, а не от какой-нибудь городской, наверное, по ошибке, но потом всё равно своё нашла» (с. 33). Люся из разряда людей необыкновенно правильных, всегда знающих, как надо; она живёт словно не по совести, а по правилам, не стесняется поучать других и искренне верит в свою правоту. Ей, городской, так и не удалось вырасти, хотя она не осознаёт этого и ко всем, даже к матери, относится с оттенком снисходительности и строгости взрослого к ребёнку. Вместе с тем именно ей, возможно, в чём-то тяжелее других: «Родня, близкая родня, с которой надо вести себя как-то по-другому, чем с остальными людьми, а она вовсе не чувствовала кровной близости между собою и ею, только знала о ней умом, и это вызывало в ней раздражение и против себя, ... и против них, и против матери, из-за которой ей пришлось приехать – именно потому, что напрасно» (с. 74). Анна же, наделённая необычайной материнской чуткостью и чувством ответственности за каждый свой поступок, в такой отстранённости дочери винит именно себя. Когда-то, чтоб подкормить голодных детей, она тайком ото всех додаивала собственную корову, которую пришлось отдать в колхоз и за которой там как надо никто не смотрел. За этим «воровством» и застала мать Люся: «Я ить девка, после этого извиноватила себя, – признаётся Анна подруге Миронихе. –... Моить, оттого и не стала со мной (Люся) жить, что мать такая» (с. 104). Люсе же, которой «Бог не дал» ребятишек, никогда не понять этих душевных терзаний матери. С точки зрения автора, эта обернувшаяся городской вторая дочь не живёт полной жизнью, ведь в погоне за самореализацией

и профессиональным ростом она утратила самое дорогое – память о своих истоках: «Казалось, жизнь вернулась назад, потому что она, Люся, здесь что-то забыла, потеряла что-то очень ценное и необходимое для неё, без чего нельзя...» (с. 91)

Исследователи Д. М. Нажмутдинова и Ш. А. Мазанаев считают, что «героиня повести “Последний срок” Люся – образованная ... женщина, которую автор проводит через испытание памятью» [5, с. 69]. Родовая память заставила повернуть время вспять (особая для автора форма ретроспекции), чтоб пробудилась душа отстранённо-правильной Люси, однако чуда возрождения не происходит. Так, с «решительным и взволнованным» (с. 165) видом она сообщает вовсе не о смерти матери (чего так боится и постоянно ожидает её младший брат Михаил), а о том, что следующий пароход будет только через три дня и оставаться здесь ей никак нельзя. Время, отведённое ей для прощания с матерью, окончилось. И решительная Люся никого не щадит: ни беспомощной матери («Не, не, – простонала старуха» (с. 166)), ни всё понимающего и по-своему ответственного за всё происходящее по-деревенски нескладного Михаила.

Исследователи Б. М. Магомедова и Ш. А. Мазанаев отмечают: «Из всех детей Анны наименее подвержен влиянию общества и времени Михаил. Михаил заметно отличается от своих братьев и сестёр. Он не поддаётся влиянию общества и времени, оставаясь верен своим принципам и ценностям» [6, с. 73].

Совершенно по-другому ведёт себя в непростой для всех ситуации средний брат Илья. Он весь какой-то «неправдашный» (с. 33). Значительное в христианстве имя героя (Илья – пророк, крепость Господня) коренным образом противоречит его натуре. В повести к имени Ильи добавляется эпитет «короткий», чтобы подчеркнуть мелкость его души и показать его истинное лицо. Как тонко подмечено литературоведом Е. Н. Кузнецовой, «Илья не сумел преодолеть влияния этого дополнения к

имени, он так и остался “коротким”, “мелким”» [4, с. 177].

В отличие от Михаила, наделённого при внешней кажущейся грубоватости даром особого понимания и предчувствия, Илья с живой радостью и гордостью хватается за всё, в чём сказывается улучшение состояния матери, мгновенно и напроць, совсем как маленький ребёнок, отмечает мысль о её возможной скорой смерти: «Слышал, мать-то у нас уж на ноги встала? ...Плясать скоро будет...» (с. 164) Фальшивое бодрячество старшего сына Анна чувствует сердцем. В этом пожившем немалое время где-то на Севере уже совсем взрослом человеке мать никак не может отыскать сына: «Она искала в нём своего Илью, которого родила, выходила и держала в памяти, и то находила его в теперешнем, то опять теряла...Он был, но далеко» (с. 33). Так же легко, как поверил в полное выздоровление матери, Илья соглашается уехать с Люсей. Он даже уже не смешон, а почти циничен в своём бездумном благодушии: «Приезжай, мать (в гости). В цирк ходим» (с. 167). Эти когда-то такие близкие друг другу и такие непохожие сейчас брат и сестра едины в своих нежелании встретить очевидное и невольной (неявной для них самих) жестокости по отношению к матери. Ни родной дом, ни возможная кончина матери уже не в силах их удержать.

После свидания с детьми старуха-мать остаётся почти что обманутая в своей последней радости. Единственная по-настоящему близкая меньшая дочь, та, которую постоянно и напряжённо «несмирившимся умом» (с. 118) призывает мать, «мягкая и радостная» (с. 124) Таньчора так и не приезжает повидать старуху: «Ещё и потому ей надо было перед смертью взглянуть на Таньчору, чтобы снять со своей души грех за то, что она её долго не видела, очиститься перед Богом и спокойно, радостно и светло предстать перед Его судом... Но сегодня был последний срок...» (с. 127). Именем младшей дочери окрашены самые драматические страницы повествования, она определяет собой *время-ощущение*: «Этот отсчёт времени она

(Анна) вела не по годам, а по своему материнскому чувству – и три, и пять, и десять лет для неё не имели разницы и значили одно и то же: давно, дольше всех, не была дома Таньчора» (с. 120). **Время-ожидание**, напряжённый мотив ожидания довлеет над всеми другими чувствами героев, чаще других определяя характер их поступков: «Чем больше времени проходило в этом тяжёлом, пустом ожидании, тем меньше его для ожидания оставалось» (с. 118). Обратим особое внимание на то, что вынесенное Распутиным в название повести, сакральное в своём определении времени сочетание слов «последний срок» неоднократно употребляется автором в связи с размышлениями старухи Анны о судьбе младшей дочери, которая, однажды вылетев из родного гнезда, так и сгинула где-то в далёком Киеве, именно та, что нужна больше других, что «больше всех маяла материнское сердце» (с. 126), но отчего-то не явилась для последнего прощания-прощения. Пожалуй, это редчайший в литературе случай, когда заявленный и один из самых важных в идейном значении образ так и остаётся «засценичной» загадкой, символом, несбывшейся надеждой матери пролить вместе с ней последние благословенные слёзы. И. Н. Коржова подтверждает эту идею: «Ни мать, ни читатель так и не узнают, что явилось причиной молчания дочери. Разумеется, тема одинокой старости у Распутина шире: приехавшие дети так же далеки от матери, как и Татьяна» [7, с. 130]. С горьким и смиренным пониманием, что Таньчору уже не дожидаться, к Анне приходит осознание того, что на земле её уже совсем ничто не держит.

Если старухе Анне в повести Распутина изначально дано немалое утешение всю жизнь прожить в своей избе, которая и старела вместе с нею, то для вечного труженика и скитальца Аверкия в рассказе Бунина возвращение домой уже само по себе становится великим благом, герой словно не помнит о том, какую страшную плату он должен за это недолгое счастье: «И он всё радовался первое время: вот он и дома, отслужился!» (с. 431) В отличие

от повести Распутина, в рассказе Бунина почти не звучат напряжённые и скорбные ноты, повествование окрашено какими-то светлыми и нежными элегическими тонами, освещено «слабой» (с. 431) улыбкой старика, который, «вспоминая свою теперешнюю свободу от всех забот и горестей, благодарно крестился на небо» (с. 433). Это недолгое время перед скорой смертью, что довелось прожить Аверкию в родной избе, – не время-ожидание, а **время-обретение**, обретение полной, непонятной даже для любящей его старухи-жены гармонии и успокоения, полной и окончательной отрешённости ото всех «земных дел» (с. 433).

Видно, по разумению его скитальческого положения Бог даёт Аверкию всего одну дочь. Занятая нескончаемыми крестьянскими делами, выданная *по нужде* в дальнее село дочь приезжает лишь ко второму Спасу, что совпадает с праздником Преображения Господня. Бунин словно намеренно приурочивает все основные жизненные события в недолгой жизни старика к значимым для крестьянства религиозным праздникам – радость встречи с дочерью озарена тихим сиянием августовского дня и великого праздника. В то время как при описании внешности героев писатель часто указывает лишь на отдельные черты, Бунин даёт полную развёрнутую характеристику образа дочери: «Дочь, которую Аверкий всегда считал красавицей, и на этот раз удивила его своей красотой, скромностью, соединённой с достоинством...» (с. 434) Любуясь дочерью, старик постоянно сравнивает её с женой, видя в ней повторение и продолжение, однако с невольной грустью отмечая особенную «душевность» жены: «И дочь была хороша и скромна, как мать в молодости, но у дочери было больше спокойствия, сдержанности. Дочь трогала его своей красотой, ресницами, блеском стеклянных капель в гребешке, а старуха – лаптями, дряблостью кожи, искренностью» (с. 434) Обе они, самые близкие для старика женщины, разделённые во времени, но почти повторённые в двух звеньях бытия, дарят Аверкию, уже

примирившемся со смертью, невольное ощущение радости: «Их противоположность взволновала его, и опять почувствовал он на мгновение: сладка жизнь!» (с. 434).

Внутренняя жизнь Аверкия противопоставлена в рассказе жизни чужой, повседневной, внешней, которая, «не замечая его» (с. 434), идёт за воротами у дома старика. И основное назначение этой жизни, как свойственно творчеству Бунина, – это любовь, любовь земная, но, по существу, великий божественный дар: «Ах, хороша любовь на свете живёт!» (с. 436) Упоение чужою радостью, смирение пред законами жизни, грубое равнодушие зятя, «грусть, умиление одиночества» – все эти противоречивые чувства больно напоминают Аверкию о его скором конце и заставляют воскликнуть: «Худая трава из поля вон. ... чую – конец. Чую – она» (с. 436).

Время-пора, время-срок воплощено Буниным в соединении реального времени и внутренних ощущений героя: в предпоследний месяц, когда жизнь всё более отдаляется от старика, а «с людьми он мысленно уже простился», «всё время он чувствовал себя гостем, заезжим в какой-то край, где он жил когда-то...» (с. 437) Аверкий не обладает даром столь глубокого осмысления жизни, который свойственен Анне, что, увы, не даёт возможности прожитому им времени воплотиться в образах, всплывающих в памяти: «Жил. Жил, а ничего не помню» (с. 439). Лишь одно яркое и ясное, окрашенное «мягким сумраком» (с. 430) и розовым отсветом вечерней зари живёт в нём воспоминание, что переносит Аверкия в счастливую пору молодости и встречи с той единственной, что «весь свой век» (с. 431) ждала его и сумела остаться самым близким человеком до последнего часа. Думается, счастливое супружество – именно то, что постоянно поддерживает и успокаивает старика, смягчает представление о неизбежном: верная долгу и чувству жена традиционно остаётся его духовной опорой и в горе, и в радости. На глубокое духовное родство между супругами указывает и В. Н. Климчукова: «Она вошла в его жизнь,

чтобы стать самой трепетной частичкою души ... В любви Аверкия и его жены гармонично слились подсознательное и осознанное начала. Это и становится свидетельством высоты взаимного чувства» [8, с. 63].

Примечательно, что мужу героини Распутина Анны, которая, в отличие от Аверкия, неприкаянна и одинока в своей замужней жизни, «...побывавшему где-то возле самой войны..., удалось воротиться домой и в тишине и покое принять собственную смерть» (с. 141). Верная судьбе Анна «нашла в этом для себя тайный знак и сразу примирилась со стариком» (с. 141). Так идея возвращения в родной дом, к своим истокам на этапе обретения вечной жизни одинаково важна и для Бунина, и для Распутина, родной дом сближает, объединяет супругов.

И всё-таки в самом светлом своём воспоминании, также обращённом у Распутина ко времени молодости героини, Анна одна, «и до того хорошо, счастливо ей жить в эту минуту на свете, ..., находиться среди бурного и радостного действия вечной жизни, что у неё кружится голова и сладко, взволнованно ноет в груди» (с. 149). Такое ощущение сопричастности к жизни всего сущего на земле примиряет её с неизбежностью ухода и на какое-то время даже отвлекает от мысли о детях.

Расширяя границы сюжетного времени, и Бунин, и Распутин используют символику сна. В повести Распутина сон снится Варваре, и боязливое заявление Варвары о том, что во сне в пельмени (на поминки?) вместо начинки кладут землю, не пугает старуху. В другом эпизоде она вспоминает, как ещё маленькая Варвара предлагала ей рыть землю, и «теперь, через много лет, к старухе пришло неожиданное желание сесть где-нибудь в поле на корточки и рыть по Варькиному примеру землю, со вниманием и волнением рассматривая, какая она есть, отыскивая то, что ещё никто в ней не знает» (с. 163). Так Распутин выражает мысль о безусловной ценности каждого человека, его уникальной предназначенности.

В повествовании Бунина с наступлением холодной и злой осени и смертью всего

живого благостное настроение героя меняется. В тяжёлом и тревожном сне Аверкия он едет на пегой (как и он сам?) кобылёнке, увязающей в сырой земле, для последнего прощания с дочерью, к которому он может уже не успеть. И, проснувшись в слезах и ужасе, герой не понимает, «сон ли это был, или сама земная жизнь его, слившаяся в тоску...» (с. 441). Наступление осени и предвстие близкой зимы означает для старика переход с «гумнишка» (с. 431), где он всё это время лежал на воле, в избу, что прочно связано в сознании героя с неминуемой близкой смертью. Снова приезжает в родительский дом единственная и нежно любимая дочь, однако старик, уверяя себя, что приехала она ради него, осознаёт, как они по-новому далеки во времени и душе: «А в сенцах избы стояла дочь, весёлая и красивая. Теперь ей совсем не жалко было отца, – ведь всё равно ему не встать» (с. 441). Уже не годы разделяют отца и дочь, а осознание неизбежной смерти у одного и отстранённое желание свободно и вольно жить у другой.

Время наступления зимы (календарное время) и время «принести ... горький и сладкий оброк Богу» (с. 440) (эсхатологическое время) сливается в повествовании воедино. Последние часы Аверкия на земле снова то ли сон, то ли шаг в небытие: «Представился ему летний день, летний вечер в зелёных полях, косогор за селом и на нём – его могила» (с. 444). Господь дарует уходящему в вечность Аверкию желанную радость – слышатся над могилой горячие причитания той, что останется после него жить на земле: «Ах, это дочь!», – подумал Аверкий с радостью, с нежностью, с затрепетавшей в груди сладкой надеждой на что-то» (с. 444). Вероятно, что жил он не напрасно, любовь остаётся в дочери, а его душа неслышно по первому снегу уходит, чтоб предстать пред Создателем. И та, что когда-то стала его единственной спутницей, дунет на свечу, принятую из рук старика.

В повести Распутина младший сын Михаил, оставшийся по извечной традиции жить в родном доме с матерью

(«...первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание. Богу и царю она отдала больше. ... И старуха с полным правом могла сказать, что родила его для себя» (с. 34)), – единственный из детей, кто остаётся с Анной в родном доме до последнего её вздоха. Не случайно и «помнила она его лучше себя» (с. 34). Он вытерпит несправедливые упрёки родственников, возьмёт на себя бремя «лжи во спасение», его дочь и внучка старухи Нинка наивно постараются успокоить скорбную боль бабушки конфеткой.

Исследователь В. Я. Иванова полагает, что писатель «хранил надежду, что народ сможет вернуть чувство единения, ощущение себя одним целым, семьёй, вернуться в родной дом» [9, с. 580]. Распутин оставляет тайное упование для своей героини в лице младшего сына.

Последние слова сыновнего утешения, обращённые к матери, обретают в повести символическое звучание: «Ничего мать. Переживём. Как жили, так и жить будем» (с. 168). Когда-то давно, ещё при рождении своего первенца, сына Володьки, именно Михаил говорил матери: «Смотри, мать: я от тебя, он от меня, а от него ещё кто-нибудь» (с. 145). Утверждением о нескончаемой жизни, вопреки множественности потерь, звучит повесть Распутина «Последний срок»: «И своя жизнь вдруг показалась ей доброй. Послушной, удачной. Удачной, как ни у кого. Надо ли жаловаться, что она всю её отдала ребятам, если для того и приходит в мир человек, чтобы мир никогда не скудел без людей и не старел без детей» (с. 145).

Заключение

Итак, и в рассказе И. Бунина, и в повести В. Распутина речь идёт о человеке пред лицом вечности, потому что именно в эти моменты своего пребывания на земле, накануне Божьего суда, человек становится неким судьёй и оправданием для себя самого. Он обращается в первую очередь к своей памяти, к своим истокам, пытается переосмыслить все основные этапы своего

пребывания на земле, дать оценку пройденному пути и высветить то, что для него в итоге оказалось самым важным.

Поскольку и в том, и в другом произведении самым главным для героев остаются духовная память, верность традициям, родной дом и дети, то именно здесь и сконцентрировано авторское внимание. Для Аверкия этот момент растягивается на несколько месяцев, сюжетное время сжато, мы не наблюдаем событий каждого дня, а видим только те, что значимы для Аверкия в период перехода от жизни земной к жизни вечной, выделившиеся духовными метами.

Для старухи Анны этот период длится в течение нескольких дней, которые растягиваются до громадных объёмов за счёт ретроспекции. Приходят главные персонажи двух писателей к родственному итогу: самая большая радость – воплотиться на земле в своих детях и тогда утешиться мыслью о том, что жизнь прошла не напрасно. Потому неслучайно Аверкий в своём полусознании, полусне, полупереходе в иной мир слышит, как рыдает над ним его дочь, и именно от этого ему «сладостно». С Анной же, несмотря на её скорбь отто-

го, что уезжают дети и так и не появилась Танчора, остаётся Михаил, внучка – дочка Михаила Нинка. Произнесённые младшим сыном слова «будем жить» говорят не только о повседневной, бытовой жизни, но и о прочных основаниях вечного бытия, того, на чём стоит жизнь.

И в рассказе И. А. Бунина, и в повести В. Г. Распутина повествование идёт от третьего лица, что одновременно делает его максимально достоверным и даёт большой простор автору. Всепроникающий психологизм, обращение к сознанию и подсознанию героев, видения и сны, многоуровневая символика, сложная система времён, возможность философского осмысления жизни простыми крестьянами – вот то, что сближает данные произведения Бунина и Распутина. Наряду с освещением морально-нравственных вопросов повесть В. Г. Распутина имеет глубокий социальный подтекст, и изменения в сознании героини напрямую связаны с идеей разобщения внутри семьи, которое в свою очередь отражает свойственную эпохе проблему разрушения деревни как носительницы традиционных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газизова А. А. Три высказывания о прозе В. Г. Распутина // Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи. М.: Прометей, 2012. С. 80–105.
2. Сальникова А. Р. «Выгорание» гнезда в повестях И. А. Бунина «Суходол» (1911) и В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976) // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых учёных. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. С. 224–227.
3. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 985 с.
4. Кузнецова Е. Н. Влияние ономапоэтики на формирование художественных образов в повести В. Г. Распутина «Последний срок» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 176–180.
5. Нажмутдинова Д. М., Мазанаев Ш. А. «Последний срок» В. Распутина: время и пространство и различные формы их воплощения в повести // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 3. С. 65–72. DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-65-72.
6. Магомедова Б. М., Мазанаев Ш. А. Конфликт поколений в повести В. Г. Распутина «Последний срок» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. № 4. С. 71–74. DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-4-71-74.
7. Коржова И. Н. Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136. DOI: 10.17223/18137083/77/10.
8. Климчукова В. Н. Проявления любовного чувства в бессознательной сфере «природного» человека И. А. Бунина («При дороге», «Худая трава») // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 60–65.

9. Иванова В. Я. Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 571–581. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581.

REFERENCES

1. Gazizova, A. A. (2012). Three Statements on the Prose of V. G. Rasputin. In: *V. G. Rasputin's Works in the Sociocultural and Aesthetic Context of the Era*. Moscow: Prometheus publ., pp. 80–105 (in Russ.).
2. Salnikova, A. R. (2019). "The Burnout" of the Ancestral Place in I. A. Bunin's Stories "Sukhodol" (1911) and V. G. Rasputin's "Farewell to Matera" (1976). In: *INITIUM. Fiction: An Experience of Contemporary Reading: Collection of Articles by Young Scholars*. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin publ., pp. 224–227 (in Russ.).
3. Losev, A. F. (1993). *Being. Name. Space*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
4. Kuznetsova, E. N. (2014). The Influence of Onomapoetics on the Formation of Artistic Images in V. G. Rasputin's Story "The Last Term." In: *Vector of Science of Togliatti State University*, 3 (29), 176–180 (in Russ.).
5. Nazhmudinova, D. M. & Mazanaev, Sh. A. (2022). "The Last Term" by V. Rasputin: Time, Space, and Various Forms of Their Embodiment in the Story. In: *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 37 (3), 65–72. DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-65-72 (in Russ.).
6. Magomedova, B. M. & Mazanaev, Sh. A. (2024). Conflict of Generations in V. G. Rasputin's Story "The Last Term." In: *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 39 (4), 71–74. DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-4-71-74 (in Russ.).
7. Korzhova, I. N. (2021). The Plot of "Discovering a Parent's Imminent Death" in Russian Literature of the Twentieth Century. In: *Siberian Journal of Philology*, 4, 124–136. DOI: 10.17223/18137083/77/10 (in Russ.).
8. Klimchukova, V. N. (2021). Love Manifestations in the Unconscious Sphere of the "Natural" Man in I. A. Bunin's Works ("By the Road", "Thin Grass"). In: *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 1, 60–65 (in Russ.).
9. Ivanova, V. Ya. (2022). The Motif of Returning to Home in the Prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin. In: *Neophilology*, 8 (3), 571–581. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колчина Юлия Михайловна (г. Москва) – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: KolchinaYulu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia M. Kolchina (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: KolchinaYulu@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-80-90

ФАНТАСТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО: СПЕЦИФИКА, КЛАССИФИКАЦИИ, КОНТЕКСТ

Сытина Ю. Н.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Аннотация

Цель. Сформулировать концепцию фантастического у В. Ф. Одоевского с учётом культурно-исторического контекста, теоретических подходов к категории фантастического и существующих классификаций художественной фантастики.

Процедура и методы. Исследование базируется на культурно-историческом, сравнительно-типологическом, структурно-семиотическом методах и аксиологическом подходе. Представлен анализ взглядов исследователей на фантастическое как категорию поэтики, изучен корпус текстов Одоевского с точки зрения проявления в них фантастического.

Результаты. Сделаны выводы о соотношении эпохального и индивидуального в фантастических произведениях Одоевского, рассмотрены классификации фантастического в литературе, их продуктивность при описании художественного мира русского писателя, предложены альтернативные классификации фантастического у Одоевского.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования обусловлена сделанным уточнением специфики фантастического в художественном мире Одоевского, важным для понимания как творчества писателя, так и бытования фантастического в русской литературе.

Ключевые слова: классификации, культурно-исторический контекст, мистическое, романтизм, фантастическое

Благодарности и источники финансирования: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-01969, <https://rscf.ru/project/25-28-01969>.

Для цитирования:

Сытина Ю. Н. Фантастика в художественном мире В. Ф. Одоевского: специфика, классификации, контекст // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 80–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-80-90>.

Original research article

SCIENCE FICTION AND FANTASY IN THE ARTISTIC WORLD OF V. F. ODOEVSKY: SPECIFICITY, CLASSIFICATIONS, AND CONTEXT

Yu. Sytina

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Received by the editorial office 19.02.2026

Accepted for publication 26.02.2026

Abstract

Aim. To formulate V. F. Odoevsky's concept of the fantastic, considering the cultural and historical context, theoretical approaches to the category of fantastic and existing classifications of fiction.

Methodology. The study is based on cultural-historical, comparative-typological, and structural-semiotic methods, alongside an axiological approach. It presents an analysis of scholarly perspectives on the fantastic as a category of poetics, and examines V. F. Odoevsky's corpus of texts to determine how the fantastic manifests within them.

Results. Conclusions are drawn about the relationship between the epochal and the individual in Odoevsky's fantastic works, the classifications of the fantastic in literature are considered, their productivity in describing the artistic world of the Russian writer, alternative classifications of the fantastic in Odoevsky are proposed.

Research implications. The theoretical significance of the research consists in clarification of the specifics of the fantastic in Odoevsky's artistic world, which is important for understanding both the writer's work and the existence of the fantastic in Russian literature.

Keywords: classifications, cultural-historical context, the mystical, Romanticism, the fantastic

Acknowledgments: This study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 25-28-01969, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01969>.

For citation:

Sytina, Yu. N. (2026). Science Fiction and Fantasy in the Artistic World of V. F. Odoevsky: Specificity, Classifications, and Context. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 80–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-80-90>.

Введение

Князь Владимир Фёдорович Одоевский жил и творил в эпоху романтизма, человек которой имел «особую склонность ко всему чудесному, ко всему, выходящему из обыкновенного порядка».¹ В то же время широко распространена точка зрения, согласно которой Одоевский – «просветитель, в главном сохранивший верность традициям русской дидактической сатиры, обличающей и поучающей» [1, с. 18]. Вследствие чего делается вывод: «Фантастика для Одоевского всего лишь форма сатирического иносказания, лишь средство, с помощью которого он осуждает и высмеивает некоторые стороны современной ему общественной жизни. ... Игре с фантастическими образами положен отчётливый предел ... Подлинная действительность трезво мыслится при этом как нефантастическая по своей сути» [1, с. 18–19]. Как полагает В. Б. Муравьев, «Одоевский не мог в своём творчестве обойти фантастику, она играла слишком

значительную роль в духовной жизни современного общества» [2, с. 35], но у него она сугубо функциональна и служит, во-первых, для развенчания «искажённой, выдуманной, сфантазированной» [2, с. 36] светской жизни, а во-вторых, для познания мира. Есть и противоположная тенденция – стремление увидеть в Одоевском подлинного мистика, связанного, в частности, с масонской традицией, алхимией, спиритизмом [3], и интерпретировать фантастику некоторых его произведений как онтологическую реальность в картине мира писателя. Оба эти понимания фантастики Одоевского были уже в обширном труде П. Н. Сакулина [4], где много говорится и о «мистическом идеализме» писателя, и о назидательности его произведений.

Определение специфики фантастического мира Одоевского – актуальная задача современного литературоведения. Её решение требует учёта культурно-исторического контекста, в который жил и творил писатель, его рефлексии по поводу специфики фантастического в искусстве и в соб-

¹ Погорельский А. Двойник, или Мои вечера в Малороссии. М.: ГИХЛ, 1960. С. 30.

ственных произведениях. Важным аспектом проблемы оказывается дефиниция *фантастического* как такового, привлечение существующих классификаций фантастических произведений и разработка на их основе возможных классификаций, основанных на творчестве Одоевского.

Культурно-исторический контекст: романтизм в России

О повышенном интересе к фантастическому в 1820–1830-е гг. высоко ценимый Одоевским учёный и философ И. М. Ястребцев в статье «Необходимость веры» размышлял так: «Человек любит изумляться. Самые невероятные вещи, чудовищные, ничтожные, смешные, жалкие, ужасные, для него привлекательны, как скоро кажутся чудесными. ... Всё, от детской игрушки до судьбы Наполеоновой».¹ Схожие мысли высказывает и Гомозейка Одоевского, объясняя интерес к привидениям тем, что «наш ум, изнурённый прозою жизни, невольно привлекается этими таинственными происшествиями, которые составляя ходячую поэзию нашего общества».² Ястребцев далее задаёт вопрос, подспудно звучащий и во многих произведениях Одоевского: «Почему же так мало мы удивляемся собственной душе нашей, нашей вечности, существованию? Это самые ближайшие к нам чудеса, и они нас не трогают».³

Именно тайна души человеческой была в центре внимания романтиков. Зачастую фантастика не являлась самоцелью их произведений, в ней писатели видели средство для создания психологизма, размышлений о Боге и о тех силах и духовных законах, которые управляют человеческой жизнью. О важности подобных интенций именно в русской литературе романтизма пишет Ст. Алоэ: «... один из первых в русской литературе Кюхельбекер полемизирует с

западной фантастикой, считая её слишком невероятной и пустой; если западная фантастика заменяет во многом религиозную и магическую сферу, для Кюхельбекера фантастика должна служить именно как средство философских и религиозных размышлений, ... орудием для узнавания глубокой, душевной основы реальности (подобные претензии заметны и у Погорельского, и у Одоевского)» [5, с. 275–276].

Мистическое мироощущение разлито в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского... Несомненные метафизические истоки поэзии М. Ю. Лермонтова, для которого первостепенны «глубинные сверхчувственные причины явлений бытия» [6, с. 69]. Лучшим подтверждением глубины и осмысленности фантастических произведений может служить резкое высказывание Н. А. Полевого, протестующего против грусти, которую «наводят немецкие повести, показывая человека в таком странном отношении, что слабость его или зыбкость ума и нетвёрдость горделивого самопознания раскрываются слишком явно. Есть стороны в душе человека и общества, которых не должно трогать».⁴ Однако сам же Н. А. Полевой живописует эти стороны в повести «Блаженство безумия», сюжет которой прямо вырастает из чтения сочинений Гофмана.

Фантастическая проза поражает разнообразием форм, сюжетов и мотивов. Как отмечает Ю. В. Манн, романтики «разработали до совершенства, до изощрённости поэтику фантастического» [7, с. 54] (см. также: [4; 5; 8; 9]). Это и произведения, заключающие в себе необычайные, сверхъестественные события, окутанные таинственным флёром. Другой популярный тип фантастики – сказки, основанные на народных поверьях и преданьях, наполненные яркими фольклорными образами. Распространены были и произведения, в которых необычайные события получают в конце рациональное объяснение,

¹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». СПб., 1837. № 25. С. 241.

² Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 307.

³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». СПб., 1837. № 25. С. 241.

⁴ Московский телеграф. 1828. Ч. XX. № 7. С. 362.

т. к. приписываются грёзам расстроенного сознания, необычайным совпадениям или сознательной мистификации. Таковы повести из «Вечеров на Хопре» Н. М. Загоскина, «Двойника, или моих вечеров в Малороссии» А. Погорельского, «Страшное гаданье» А. А. Бестужева-Марлинского, «Вещий сон» Мельгунова и многие другие. Однако возможность рационального объяснения вовсе не отрицает важности изложенных событий, их влияния на душу героя. Так, рассказчик «Страшного гаданья» А. А. Бестужева-Марлинского восклицает в конце повести: «Мало-помалу я уверился, что всё виденное мною был только сон, страшный, зловещий сон! “Так это сон?” – говорите вы почти с неудовольствием. ... Благодарите лучше Бога, как возблагодарил Его я, за сохранение меня от преступления. ... Всё это для меня существовало, страшно существовало, как наяву, как на деле»¹.

Самые разнообразные «мистические» издания были популярны у широкой публики того времени (ср. характеристику Пушкиным сонника Мартына Задеки в пятой главе «Евгения Онегина»). Представление о разнообразии такого рода изданий могут дать библиографические обзоры, публиковавшиеся в периодике той поры. Так, в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», с которыми тесно сотрудничал Одоевский, в разделе «Критика и библиография» появлялись сообщения о выходе изданий, спекулирующих на суеверии людей, например, «Новый Оракул, или Предсказания Будущего», «Новый полный гадательный оракул, или Чудесное таинство предсказаний, колдовства и чародейства», «Сновидения в картинках», «Самовернейший астрономический телескоп, или Всеобщий астрономический, физический, политический и экономический календарь на 336 лет», «Волхв или полное собрание гаданий». Такие новинки зачастую сопровождалась ироническим комментарием или «грустным» сетованием на то, что «подобные

книжонки появляются и в наше время и, давая деньги спекулянтам, поощряют их на дальнейшие интриги против кармана простодушных читателей-покупателей».² Газета освещала такие издания в свете рационального знания, ратовала не за «поэзию воображения», а за «поэзию мысли».³ Шарлатанство и чернокнижие, по мнению «Литературных прибавлений...», могут быть интересны *только* с точки зрения познания русского народа, его поверий и суеверий – и ни с какой иной. Однако и в самих «Литературных прибавлениях...» безо всякого комментария порою размещались сообщения весьма загадочного характера. Например, в разделе «Смесь»: «Недавно уголовный Гернзейский суд приговорил одного продавца лошадей за *волшебство* к шестилетней ссылке и сверх того к публичной выставке в деревянной клетке».⁴

Проблемы дефиниции фантастического в искусстве

Перед тем, как обратиться к рассмотрению фантастических повестей Одоевского, необходимо определиться с пониманием категории *фантастического*. Здесь мы подходим к одной из сложнейших проблем теории литературы: если на первый взгляд определение *фантастического* может показаться очевидным, то при более глубоком рассмотрении в нём выявляется немало противоречий.

Согласно Цв. Тодорову, суть фантастического – «колебание»: «Фантастическое существует, пока сохраняется эта неуверенность; как только мы выбираем тот или иной ответ, мы покидаем сферу фантастического и вступаем в пределы соседнего жанра – жанра необычного или жанра чудесного» [10, с. 25].

Н. Корнуэлл, развивая суждения Тодорова о дихотомии фантастического, обратил внимание на то, что похожим об-

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1958. С. 341–342.

² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 50. С. 494.

³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 3. С. 23.

⁴ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 15. С. 146.

разом предлагал понимать фантастическое и Одоевский [11, р. 13–14], когда писал о творчестве Гофмана: «... его чудесное всегда имеет две стороны: одну чисто фантастическую, другую – действительную; так что гордый читатель XIX века нисколько не приглашается верить безусловно в чудесное происшествие, ему рассказываемое; в обстановке рассказа представляется всё то, чем это самое происшествие может быть объяснено весьма просто».¹

Ёмкое определение *фантастического* предлагает В. И. Корвин (во многом резюмируя наиболее распространённый подход к определению фантастики), согласно которому *фантастическое* – это «ясно ощущаемое нарушение художником присущих природе причинных связей и закономерностей» [12, с. 5], при этом «художественная фантастика предполагает существование двух миров – естественного и сверхъестественного, причём чудесное, вторгаясь в реальную сферу, обязательно нарушает сложившиеся в ней причинные связи и деформирует их» [12, с. 5]. Но такое определение предполагает наличие у писателя рационального взгляда на жизнь, при котором всё *чудесное*, выходящее за рамки *здорового смысла*, будет восприниматься как нечто фантастическое, недолжное, деформирующее. Большинство же писателей эпохи романтизма (и, конечно, не только её) смотрели на жизнь с иных мировоззренческих позиций, так или иначе соприкасаясь с «реализмом в высшем смысле» (Ф. М. Достоевский), в свете которого границы «реальной сферы» определить трудно – каждый раз они зависят от мировоззрения конкретного писателя и уводят исследователя в сферу интерпретаций. Рассуждая над *чудесным* в русской литературе, И. А. Есаулов пишет, что в ней «многие события, кажущиеся на поверхностный взгляд неправдоподобными либо фантастическими в художественном мире, могут быть охарактеризованы как проявления христианского реализма» [13, с. 200]. В таком случае «мы можем сделать вывод

о чудесном вмешательстве, но реальность подобного чуда укоренена в самом христианском типе культуры» [13, с. 201], и тогда перед читателем не собственно *фантастическое*, а *чудесное*, но такое *чудесное*, которое вполне *реально* с точки зрения верующего сознания.

Справедливо отмечая противоречивость существующих определений фантастического, В. Н. Захаров в собственных размышлениях об этой категории отталкивается от «Поэтики» Аристотеля и отмечает: «Собственно “возможное по необходимости”, которое выходит за пределы “возможного по вероятности”, и есть то, что мы можем назвать фантастикой» [14, с. 10]. Современный учёный выделяет «условную» и «неусловную» фантастику. В первой «всё реально – и возможное, и невозможное ... принцип условной фантастики: фантастическое реально» (видимо, эту категорию можно соотнести с «чудесным в чистом виде» в классификации Цв. Тодорова). Неусловная фантастика «требует от автора разграничения реального и фантастического» [14, с. 15], т. е. должна быть мотивирована сном, безумием, случайными совпадениями, розыгрышем и др. (ср. с «фантастически-чудесным» и «фантастически-необычным» у Цв. Тодорова).

Для В. Н. Захарова принципиально важно, что речь идёт о *художественной* реальности, которую нельзя воспринимать так же, как окружающую читателя и писателя жизнь по эту сторону книги. И потому в *художественном* произведении «неусловная фантастика – такая же реальность, как и условная фантастика, как нефантастическая условность, как любой эпизод в произведении автора» [14, с. 18].

О «презумпции фантастичности» фантастического произведения авторитетно размышляет Е. М. Неелов: «традиционно считается, что фантастика, особенно научная, служит прежде всего выражению тех или иных, важных автору идей» [15, с. 72]. Учёный полемизирует с таким подходом к фантастическим произведениям и доказывает, что при их восприятии «надо

¹ Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. С. 112.

исходить, так сказать, из “презумпции фантастичности” фантастического текста (и фольклорного, и литературного), не смешивая при этом разные грани “двойного бытия” фантастики (в жизни и в искусстве)» [15, с. 80]. «Презумпция фантастичности» необходима и при рассмотрении произведений Одоевского, который писал их именно как *художественные* тексты, а не философско-аллегорические трактаты.

Место и значение фантастического в литературе: взгляд Одоевского

Одоевский признавался, что первичны для него некие мысли и идеи, которые, «разрастаясь беспрестанно в материальную форму»¹, превращаются в художественные образы. Фантастика помогала писателю проигрывать необходимые сюжетные ходы, заострять проблемы, гротескно подчёркивать суть тех или иных явлений, ставить психологические эксперименты. В этом творчество Одоевского в корне отличается от фантастики того же Гофмана, с которым его часто сравнивали современники, называя Hoffman II (необоснованность такого прозвища доказал ещё П. Н. Сакулин). В то же время было бы в корне неверно вовсе сбрасывать со счетов эстетические достоинства фантастики Одоевского, ведь прекрасное для него – одна из важнейших категорий художественности, а определённая мистичность и христианский взгляд на жизнь – неизменные черты его мирозерцания, отражающиеся и в произведениях (см.: [16; 17]). Размышляя о фантастическом роде литературы, Одоевский отмечал, что он «может быть больше, чем все другие роды, должен изменяться по национальному характеру, долженствующий соединять в себе народные поверья с девственной мечтою младенчества».² Последнее – «девственная мечта младенчества» – лёгкость фантазии, непосредственность восприятия жизни и вплетения в неё (или же выявления в ней?)

фантастического, безусловно, было одной из задач Одоевского-писателя.

Это тонко почувствовал и сформулировал Н. Корнуолл: «Склонность Одоевского ... к открытым, неоднозначным или альтернативным концовкам демонстрирует его природную устремлённость к чистой фантастике: не только в использовании готических деталей и тематического содержания, но и в классических тодоровских и романтических установках на двусмысленность и неоднозначность, представлении (и, как правило, согласовании) противоположностей и убеждённости в неадекватности языка для выражения более глубокого слоя реальности» [11, р. 153] (перевод наш. – Ю. С.).³

Характеризуя творческую манеру Н. В. Гоголя, В. М. Маркович отмечает, что в «петербургских повестях уже сформировался метод изображения, пересоздающий изображаемую действительность ради приближения к её скрытой сущности, т. е. к истине, к освобождению от ослепляющих иллюзий (и, значит, в перспективе – от власти зла)» [1, с. 202]. «Пересоздать» действительность и тем приблизиться к её «скрытой сущности» стремился и Одоевский, в творчестве которого помимо назидательности (зачастую весьма поверхностной) есть и мистика, и христианское представление о неисчерпаемости человеческой души, и стремление преодолеть косность повседневного бытия в эстетической действительности произведения.

К «назидательности» и «дидактизму» Одоевского, разумеется, с некоторыми оговорками, вполне могут быть отнесены размышления А. А. Григорьева об А. Н. Островском, сетующего в «письме» Тургеневу, что под пером критиков автор «Грозы» «превратился из народного драматурга в чистого сатирика, обличителя

¹ Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. С. 104.

² Там же. С. 44

³ В оригинале: “Odoevsky’s propensity ... for open, multiple, or alternative endings shows his natural instinct for the pure fantastic: not just in the use of Gothic detail and thematic content, but in classic Todorovian and romantic terms of ambiguity and hesitation, the representation (and frequently the reconciliation) of opposites and the inadequacies of language to express a deeper reality.”

самодурства»: «Что за нужда, что, прилагая одну эту мерку, вы урезываете в писателе его самые новые, самые существенные свойства, ... заставляете художника идти в его творчестве не от типов и их отношений, а от вопросов общественных и юридических (в случае с Одоевским можно сказать: от морали и рациональных суждений – Ю. С.). ... на место образов являются фигуры с ярлыками на лбу, самодурство, забитая личность и т. д. Зато Островский становится понятен». ¹ Так и Одоевский становится «понятен», если смотреть на фантастику в его произведениях только с «дидактической» точки зрения, однако понятен с неизбежной редукцией.

Фантастика Одоевского: возможные классификации

Существует немало классификаций фантастического вообще и русских романтических повестей в частности, нас они интересуют постольку, поскольку помогают описать художественный мир Одоевского, охватить разнообразие проявлений фантастического в его творчестве.

Обозревая фантастические произведения Одоевского, П. Н. Сакулин выделяет «четыре главных разновидности»: «фантастика как *внешняя* форма, как игра воображения», «*сказочная* фантастика», «*лирическая* фантастика типа *утопий*», «*органическая* (психологическая) фантастика» [4, с. 290]. К первому типу он относит «Реторту» («плод досужей и холодной фантазии» [4, с. 291]) и сказку «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко». Чудесное в произведениях этого типа «навеяно преимущественно средневековой фантастикой каббалистических книг; у Одоевского она носит рассудочный характер: в авторе не чувствуешь человека, который действительно находился бы во власти возбуждённой фантазии и мыслил бы иррациональными образами» [4, с. 291]. Произведения второго типа находятся «в

родстве со сказочной фантастикой» и являются собой пересказ народных легенд, преданий, сказок (таковы апологи Одоевского, «Игоша», «Необойдённый дом», сказки для детей). В произведениях третьего типа воображение писателя «сознательно» уносится за границы конкретного мира, но так, что в сущности на основании логических соображений протягивает в бесконечную даль линии реальной действительности» («4338-й год», антиутопии из «Русских ночей»). Выше других оценивал П. Н. Сакулин произведения четвёртого типа: фантастика в них наиболее «*органична*», т. к. объясняется психикой героев. Таковы «Живой мертвец», «Сказка о мёртвом теле, неизвестно кому принадлежащем», «Сильфида» и др. Но и в таких произведениях, по мнению исследователя, фантастика для Одоевского «более литературный приём, чем особая форма его мироощущения». «Тяга к земному и реальному всегда была в нём слишком сильна, чтобы он долго мог оставаться в верхних слоях надземной атмосферы» [4, с. 295–296], – резюмирует свои наблюдения Сакулин и предлагает рассматривать фантастику Одоевского «в плоскости реализма» [4, с. 297]. При этом учёный мало соотносит произведения Одоевского с теми мистическими течениями, которые сам же подробно описывает, сосредотачиваясь на пересказе сюжетов, воспроизведении архивных материалов и самых общих комментариев.

Принципиально иначе оценивает мировоззрение Одоевского В. М. Лобыцына, тесно связывая его творчество с масонской традицией и подчёркивая существенную важность для него фантастического. Исследователь выделяет поэтическую, сатирико-обличительную, дидактическую и научную функции фантастики в произведениях Одоевского [3, с. 9] и предлагает следующую их классификацию:

1) «повести, изображающие “биографию таланта” (“Импровизатор”, “Последний квартет Бетховена”, “Себастьян Бах”, “Труды кавалера...”)), для которых “характерно смешение конкретно-исторического плана повествования с фантастическим» [3, с. 7];

¹ Григорьев А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 214.

2) «фантастические повести, тяготеющие к символическим картинам (“Бригадир”, “Бал”, “Насмешка мертвеца”))» [3, с. 7];

3) «аллегорические сказки, близкие к притче (“Пёстрые сказки”))» [3, с. 7];

4) «ряд утопий и антиутопий, в которых наиболее ярко воплотились принципы научной фантастики В. Ф. Одоевского (“4338 год”, антиутопии)» [3, с. 7];

5) «мистические новеллы (“Саламандра”, “Сильфида”, “Косморама”))» [3, с. 7].

При всех безусловных достоинствах классификаций П. Н. Сакулина и В. М. Лобыцыной, позволяющих очертить контуры фантастического мира Одоевского и внести в него некоторую упорядоченность, обе они не универсальны и не включают целый ряд произведений писателя.

Творчество Одоевского не исчерпывают и другие классификации фантастических произведений, в частности, не утратившая актуальности, хотя и много раз подвергавшаяся аргументированной критике типология Цв. Тодорова. Учёный разрабатывал её на основе произведений XIX в., и если для современной литературы (в сущности, уже начиная с Ф. Кафки) она подходит мало, то для русских романтических повестей представляется продуктивной, хотя и не лишённой противоречий. Приведём её, сразу же указав произведения Одоевского, которые могут быть отнесены к тому или иному типу:

– *необычное в чистом виде* (в конце или по ходу повествования все «фантастические» события объясняются рационально, но от этого они не перестают быть ошеломляющими, странными и тревожными; таковы, согласно Цв. Тодорову, произведения Ф. М. Достоевского или Э. По; у Одоевского к этому типу можно отнести повесть «Чёрная перчатка» и драму «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение, отопление»);

– *фантастическое-необычное* (фантастические события в конце получают рациональное объяснение (хотя зачастую оно кажется необычнее самой фантасти-

ки): случайное совпадение, сон, опьянение (наркотики), розыгрыш, обман чувств, безумие; у Одоевского таковы «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi», «Пётр Пустынник», «Насмешка мертвеца», «Сильфида», «Живой мертвец», «Привидение» (хотя в последнем случае концовка не однозначна), сказки о чиновниках из «Пёстрых сказок»);

– *фантастическое-чудесное* (в конце все события объясняются сверхъестественными причинами; у Одоевского это: «Саламандра», «Косморама», «Орлахская крестьянка»);

– *чудесное в чистом виде* (произведения, художественный мир которых изначально носит сказочный характер: волшебные сказки, где чудеса никого не удивляют и воспринимаются как «естественные» события для данной реальности (литературный пример – «Королевская невеста» Гофмана); у Одоевского: «Импровизатор», «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия», «Необойдённый дом», большинство «Пёстрых сказок» (если не рассматривать их как аллегории)).

Цв. Тодоров признаёт, что эти категории иногда бывает сложно разграничить. Не вполне понятно, к какому типу относить научную фантастику, сам Тодоров определяет её как «чудесное в чистом виде», однако если в ней появляется «орудийное чудесное» [10, с. 50], т. е. приспособления, которые будут изобретены впоследствии, её стоит отнести к «фантастически-чудесному», поэтому место «4338-го года» Одоевского остаётся неопределённым.

В большинстве своём фантастические произведения Одоевского соответствуют уже отмеченному выше главному требованию Цв. Тодорова (как и самого Одоевского) к фантастической литературе: они неоднозначны и могут быть истолкованы по-разному в зависимости от аксиологических установок и мировоззрения реципиента. Следует подчеркнуть, что аллегории и поэзия, согласно Тодорову, не являются фантастикой. Всецело соглашаясь с учёным в этом, мы не рассматриваем в настоящей статье апологи Одоевского.

Применимы к произведениям Одоевского и другие классификации фантастических произведений. В частности, И. В. Семибратова выделяет в русской литературе 1830-40-х годов три типа фантастики: «фантастика как сказочная реальность» [18, с. 11], «фантастика как психологическая фикция» и «фантастика как литературная условность» [18, с. 14], во всех случаях указывая в числе примеров и произведения Одоевского.

Произведения Одоевского наглядно показывают условность как «универсальных» классификаций фантастического, так и типологий, основанных непосредственно на его творчестве. Вместе с тем, это не отменяет важности таких классификаций, поскольку они позволяют обозначить те или иные особенности художественного мира писателя, подчёркивают многообразие художественных приёмов, к которым он прибегал, и ту «иррациональность», которая присуща только подлинному искусству, как его понимал Одоевский.

Продолжая размышления исследователей над типологией фантастических произведений Одоевского, предложим две классификации, основанные на разных принципах, и, разумеется, не свободные от недостатков, присущих большинству подобных опытов.

В зависимости от **цели** писателя можно выделить следующие типы фантастики (при такой постановке проблемы она понимается в функциональном ключе, что, однако, не отменяет её художественности):

– *экспериментальная фантастика*, которая позволяет провести некоторый «опыт», проиграть определённые ситуации: «Импровизатор», антиутопии, «4338-й год», «Живой мертвец», «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия»;

– *«реальная» фантастика или мистика*, вытекающая из размышлений писателя над жизнью, божественным промыслом, тайнами человеческой души и «иной», духовной реальностью: «Сильфида», «Косморама», «Орлахская крестьянка», «Необойдённый дом»;

– *фантастика, служащая для выявления абсурдности жизни или же поэтической её подоплёки*, причём зачастую абсурдность и поэзия идут у Одоевского рука об руку: «Бригадир», «Бал», «Насмешка мертвеца», сказки о чиновниках из «Пёстрых сказок».

В зависимости от понимания рецепиентом степени мистичности Одоевского (и от собственных мировоззренческих установок читателя), по-разному можно понимать такие его произведения, как «Привидение» или «Саламандра», относя их к первому, второму или даже третьему типу.

Другой возможный подход к классификации произведений Одоевского основывается на понимании **природы** самого фантастического:

– *чудесное* в христианском смысле, вырастающее из христианского предания: «Живой мертвец», «Душа женщины», «Необойдённый дом», «Косморама» (её мистические источники кроются в западноевропейской христианской мистике);

– *«стихийные духи» и привидения*: «Сильфида», «Саламандра», «Орлахская крестьянка», «Привидение»;

– *научные (социальные и технические) прогнозы*: антиутопии, «4338-й год»;

– *психика человека* (сны и грёзы), связанная с мистикой, растворённой в самой жизни: «Бригадир», «Бал», «Насмешка мертвеца», «Игоша» и др.

Предложенные классификации наглядно показывают многообразие проявлений фантастического в художественном мире Одоевского, и их недостатки только подчёркивают органичность фантастического для писателя, «игравшего на всех тонах, на всех ладах» фантастической партитуры Романтизма, если перефразировать слова Ап. Григорьева об Островском.

Заключение

Фантастика была для Одоевского важным инструментом для раскрытия глубинных законов человеческого бытия, утверждения вечных ценностей, проницательных футурологических прогнозов. Будучи

не только писателем, но и философом, эстетиком, Одоевский глубоко проник в природу фантастического как явления литературы и воплотил в собственном художественном творчестве разнообразные типы фантастики. Их всестороннее исследование актуально и имеет значение как для изучения творчества Одоевского (произведения которого не перестают будора-

жить умы исследователей и воображение читателей и в XXI в.), так и для углубления в вопросы теоретической поэтики: природу и особенности проявления фантастического в художественном произведении, соотношение категорий *фантастического* и *чудесного* в искусстве, важность аксиологического подхода при интерпретации произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
2. Муравьев В. Б. Русский Фауст // Одоевский В. Ф. Русские ночи: роман. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Эксмо, 2007. С. 5–44.
3. Лобыцына М. В. Своеобразие русской фантастической повести 1820–1830-х гг.: (Н. В. Гоголь и В. Ф. Одоевский): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 16 с.
4. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 2. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 480 с.
5. Алоэ Ст. Фантастика как средство для философских размышлений: Вечный Жид в творчестве В. К. Кюхельбекера // *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli Slavisti* (Ljubljana 15–21 agosto 2003). Флоренция: Firenze University Press, 2014, pp. 261–282.
6. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 314 с.
7. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
8. Лебедева А. А. Повествовательные стратегии русской фантастической повести 1820-х гг. // *Словесность и история*. 2024. № 1. С. 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53.
9. Табачникова О. М. Реалистичность фантастического и фантастичность реалистического в русской литературе // *Грани познания*. 2022. № 1 (78). С. 53–59.
10. Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
11. Cornwell N. Vladimir Odoevsky and Romantic Poetics. New York: Berghahn Books publ., 1998. 170 p.
12. Коровин В. И. О русской фантастической повести // *Русская фантастическая повесть эпохи романтизма*. М.: Советская Россия, 1987. С. 5–22.
13. Есаулов И. А. Поэтика русской словесности: избранные труды. СПб.: РХГА, 2025. 496 с.
14. Захаров В. Н. Фантастическое: аксиомы, парадоксы, проблемы // *Проблемы исторической поэтики*. 2016. № 4. С. 7–26. DOI: 10.15393/j9.art.2016.4021.
15. Неелов Е. М. Сказка – ложь? // *Проблемы исторической поэтики*. 2016. № 4. С. 72–85. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3762.
16. Сытина Ю. Н. Творчество В. Ф. Одоевского в большом времени русской культуры. СПб.: РХГА, 2022. 336 с.
17. Сытина Ю. Н. «Портрет» Н. В. Гоголя и “Opere del cavaliere Giambattista Piranesi” В. Ф. Одоевского: этика, эстетика, поэтика // *Два века русской классики*. 2025. Т. 7. № 1. С. 162–181. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-162-181.
18. Семибратова И. В. Типология фантастики в русской прозе 30–40-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с.

REFERENCES

1. Markovich, V. M. (1989). *N. V. Gogol's Petersburg Tales*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura publ. (in Russ.).
2. Muravyev, V. B. (2007). The Russian Faust. In: Odoevsky, V. F. *Russian Nights: A Novel. Tales. Short Stories. Fairy Tales*. Moscow: Eksmo publ., pp. 5–44 (in Russ.).
3. Lobytsyna, M. V. (1991). *The Distinctive Nature of the Russian Fantastic Tale of the 1820s–1830s: (N. V. Gogol and V. F. Odoevsky): [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
4. Sakulin, P. N. (1913). *From the History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky: Thinker and Writer. Vol. 1. Pt. 2*. Moscow: M. and S. Sabashnikov publ. (in Russ.).

5. Aloe, S. (2014). The Fantastic as a Vehicle for Philosophical Reflection: The Wandering Jew in the Works of V. K. Küchelbecker. In: *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli Slavisti (Ljubljana 15–21 agosto 2003)*. Florence: Firenze University Press, pp. 261–282.
6. Kiseleva, I. A. (2011). *The Work of M. Yu. Lermontov as a Religious-Philosophical System*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
7. Mann, Yu. V. (1996). *The Poetics of Gogol: Variations on a Theme*. Moscow: Coda publ. (in Russ.).
8. Lebedeva, A. A. (2024). Narrative Strategies of the Russian Fantastic Tale of the 1820s. In: *Texts and History*, 1, 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53 (in Russ.).
9. Tabachnikova, O. M. (2022). The Realism of the Fantastic and the Fantastic Nature of the Realistic in Russian Literature. In: *Facets of Knowledge*, 1 (78), 53–59 (in Russ.).
10. Todorov, Tz. (1999). *The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre*. Moscow: Dom intelektualnoi knigi publ. (in Russ.).
11. Cornwell, N. (1998). *Vladimir Odоеvsky and Romantic Poetics*. New York: Berghahn Books publ.
12. Korovin, V. I. (1987). On the Russian Fantastic Tale. In: *The Russian Fantastic Tale of the Romantic Era*. Moscow: Sovetskaya Rossiya publ., pp. 5–22 (in Russ.).
13. Esaulov, I. A. (2025). *Poetics of Russian Literature: Selected Works*. St. Petersburg: RKHGA publ. (in Russ.).
14. Zakharov, V. N. (2016). The Fantastic: Axioms, Paradoxes, Problems. In: *The Problems of Historical Poetics*, 4, 7–26. DOI: 10.15393/j9.art.2016.4021 (in Russ.).
15. Neelov, E. M. (2016). Is the Fairy Tale a Lie? In: *The Problems of Historical Poetics*, 4, 72–85. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3762 (in Russ.).
16. Sytina, Yu. N. (2022). *The Work of V. F. Odоеvsky in the “Great Time” of Russian Culture*. St. Petersburg: RKHGA publ. (in Russ.).
17. Sytina, Yu. N. (2025). N. V. Gogol’s “The Portrait” and V. F. Odоеvsky’s “Opere del cavaliere Giambattista Piranesi”: Ethics, Aesthetics, Poetics. In: *Two Centuries of Russian Classics*, 7 (1), 162–181. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-162-181 (in Russ.).
18. Semibratova, I. V. (1973). *Typology of the Fantastic in Russian Prose of the 1830s–1840s*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытина Юлия Николаевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0001-6334-4722; e-mail: yulyasytina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya N. Sytina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education.
ORCID: 0000-0001-6334-4722; e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-91-100

ПРОБЛЕМА КАТОЛИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ЦАРЯ ПЕТРА И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ УКЛАД РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»

Червоненко С. М.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Мытищинский филиал, г. Мытищи, Российская Федерация
e-mail: sm1705@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2026

После доработки 18.05.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Аннотация

Цель. Определить степень католического влияния на молодого царя Петра и русское общество в историческом романе А. Н. Толстого, который на своём художественном полотне запечатлел один из сложных периодов российской и западноевропейской истории – Петровскую эпоху.

Процедура и методы. Для анализа выбраны образы некоторых священнослужителей в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый». В центре внимания автора статьи духовные вопросы, которые являлись и являются неотъемлемой частью жизни русского народа. Обращается внимание на проблему воспитания молодого поколения. Данный аспект приобретает особенно острое значение в эпоху перемен. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Более основательный акцент сделан на образе священника Сильвестра Медведева. Выделены особенности поэтики создания и раскрытия этого сложного и неоднозначного образа. Подробно исследуются его оппозиция молодому монарху и патриарху, духовные искания, которые приводят к сближению с Ватиканом, поддержка царевны Софьи, стремление к захвату власти. Особое внимание уделено проблеме противодействия латинизации внутри духовенства, а также сложным отношениям между церковью и государством – тем конфликтам, которые определяют движение общего сюжета романа и проходят лейтмотивом через всё эпическое повествование.

Результаты. Данное исследование подтверждает, что реформы молодого царя, ориентированные в первую очередь на Европу, начинают оказывать значительное влияние на духовный уклад народа, ломая религиозные устои. Данный мотив в обширном художественно-историческом пространстве А. Н. Толстого занимает одно из важнейших мест, поэтому вызывает столь пристальный интерес исследователя. Подробный анализ помогает в раскрытии одной из глубоких проблем рассматриваемой эпохи, т. к. духовные основы бытия составляли и составляют одну из важнейших сторон жизни русского общества, и без их решения невозможно существование государства в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Значение данной статьи заключается в углублённом и подробном осмыслении пластического, динамичного воплощения писателем заявленной темы. Исследование подтверждает, что духовные и церковные аспекты российской жизни освещены А. Н. Толстым с величайшим мастерством, глубоким пониманием, выразительно и неповторимо эмоционально в связи с каждым из персонажей.

Ключевые слова: влияние Запада, католичество, православие, реформы, роман «Пётр Первый», священство, традиционные ценности

Для цитирования:

Червоненко С. М. Проблема католического влияния на царя Петра и отечественный уклад русско-го государства в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 91–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-91-100>.

Original research article

THE PROBLEM OF CATHOLIC INFLUENCE ON TSAR PETER AND THE DOMESTIC WAY OF LIFE IN THE RUSSIAN STATE IN A. N. TOLSTOY'S NOVEL "PETER THE GREAT"

S. Chervonenko

*Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi branch, Mytishchi, Russian Federation
e-mail: sm1705@mail.ru*

Received by the editorial office 12.02.2026

Revised by the author 18.05.2026

Accepted for publication 20.05.2026

Abstract

Aim. To examine the problem of Catholic influence on the young Tsar Peter and Russian society in the historical novel by A. N. Tolstoy, who depicted the Petrine era – one of the complex periods of Russian and Western European history – in his literary text.

Methodology. For the analysis, images of certain clergymen in A. N. Tolstoy's novel "Peter the First" were chosen. The focus is made on spiritual issues, which were and remain an integral part of the life of the Russian people. Attention is drawn to the problem of educating the younger generation. This aspect acquires particularly acute significance in an era of change. To reveal the theme, analytical and comparative methods of research of the artistic text are used. A more thorough emphasis is placed on the image of the priest Silvestr Medvedev. The features of the poetics of creating and revealing this complex and ambiguous image are highlighted. His opposition to the young monarch and the patriarch, his spiritual quests leading to rapprochement with the Vatican, his support for Princess Sophia, and his aspiration to seize power are examined in detail. Special attention is paid to the problem of opposition to Latinization within the clergy, as well as the complex relations between the Church and the state – those conflicts that determine the movement of the novel's overall plot and run as a leitmotif through the entire epic narrative.

Results. This study confirms that spiritual issues, interrelations between representatives of different confessions, and their mutual influence within one state occupy one of the most important places in the extensive artistic and historical space of A. N. Tolstoy, thus attracting such close interest from the researcher. A detailed analysis helps in revealing one of the deep problems of the era under consideration, as the spiritual foundations of existence constituted and constitute one of the most important aspects of the life of Russian society, without the resolution of which the existence of the state as a whole is impossible.

Research implications lie in the in-depth and detailed comprehension of the writer's plastic, dynamic embodiment of the stated theme. The research confirms that the spiritual and ecclesiastical aspects of Russian life are illuminated by A. N. Tolstoy with the greatest skill, deep understanding, expressively and uniquely emotionally in connection with each of the characters.

Keywords: Western influence, Catholicism, Orthodoxy, reforms, the novel "Peter the Great", priesthood, traditional values

For citation:

Chervonenko, S. M. (2026). The Problem of Catholic Influence on Tsar Peter and the Domestic Way of Life in the Russian State in A. N. Tolstoy's Novel "Peter the Great." In: *Russian Studies in Philology*, 4, 91–100. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-91-100>.

Введение

Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый» является масштабным и многоплановым произведением. В произведении «отчётливо передан дух самой петровской эпохи» [1, с. 196]. А «выбор писателем самой исторической темы, и творческая разработка её – всё это не случайно в условиях тех больших исторических сдвигов, которые переживала как раз тогда вся наша страна» [2, с. 115]. В нём автор обращается к большому количеству разнообразных вопросов. Религиозная проблематика в произведении связана не только с вопросами раскола, хотя они занимают главенствующую роль в данном тематическом аспекте, но и с влиянием католической церкви и на отдельные умы, и на общество в целом. Эта проблема является одной из важных, её истоки относятся к ранним векам существования нашего государства, достаточно вспомнить нашествие шведов в 1240 г., немецких войск и битву на Чудском озере в 1242 г. Религиозный вопрос стал наиболее острым в эпоху правления Петра Первого, т. к. молодой царь в начале державных реформ ориентировался на европейскую модель государственного устройства.

Взаимодействие с западными религиозными конфессиями

Изображая эпоху правления царя-новатора, Алексей Толстой не мог пройти мимо данной проблемы, т. к. со времён Ивана III Россия считается Третьим Римом, т. е., как писал Ф. М. Достоевский, «несёт внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше – Православие, что она – хранилище Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народностях».¹ Автор романа «Пётр Первый» выходит к теме трёх начал русской народной жизни, о которых писали многие религиозные и светские философы, но наиболее точно определил данный вопрос святитель Феофан Затворник:

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1972. С. 274.

«Издавна характеризовались у нас коренные стихии жизни русской, и так сильно и полно выражаются привычными словами: *Православие, Самодержавие, Народность*. Вот, что надобно сохранить! – когда ослабеют или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским».²

В романе Толстой не обращает пристального внимания на влияние западной религиозной мысли на православную традицию. Автор лишь в нескольких эпизодах, связанных со священником Сильвестром Медведевым и сожжением немецкого еретика, который оказался шведским шпионом, штрихами набрасывает картины из церковной атмосферы.

В ткани повествования встречается не только православное священство всех рангов, но и католическое и протестантское. Для раскрытия данной темы Толстой упоминает в одном из эпизодов пастора Штрумпфа в компании с Анной Монс, Кенигсеком и герцогом фон Круи, которые «мирно, при двух свечах, играли в карты». Этот, казалось бы, незначительный и мирный эпизод не только несёт серьёзную информативную нагрузку, но и даёт повод к размышлениям над поставленной темой. Сама игра в карты на Руси появилась лишь в Смутное время. Именно поляки, по историческим сведениям, привезли с собой данное развлечение, которое часто использовалось в азартных играх на деньги, что приводило к запретам со стороны властей. А в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. в 25 главе «Указ о корчмах» карточные игры приравниваются к тяжким преступлениям, за которые вводилось наказание в виде клеймения раскалённым железом и вырывание ноздрей. Т. е. данный род занятий считался не только безнравственным, но и государственно наказуемым.

В романе мы видим священника, спокойно играющего в карты. Здесь Толстой обращает внимание на духовное разложение не только лютеранской церкви, но и русского общества. Да, играют иностран-

² Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? Письма. 6-е изд. Л.: б. и., 1991. С. 122.

цы, а не русские. Но их становится всё больше и больше, их влияние всё заметнее. И подобного рода играм даётся послабление при молодом царе. Таким образом, автор одним штрихом показывает влияние западной культуры на русскую, а в спокойной атмосфере тихой игры угадывается каскад духовно-нравственных изменений, которые грядут для страны.

Образы священника Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого

Особое место в ткани повествования занимает священник Сильвестр Медведев, приближённый к Софье ученик Симеона Полоцкого, – он, как и князь Голицын (любовник царевны), становится носителем европейских идей, а точнее католических. Автор намеренно вводит в свиту царевны этот художественный персонаж, который имеет прототип. Здесь следует сразу отметить, что прототип – это «модель, от которой автор берёт только то, что ему нужно и пригодно для его целей» [3, с. 27]. Поэтому при рассмотрении этих двух исторических лиц необходимо обращать внимание на то, что это всё же художественные персонажи, характер которых переосмыслен автором в связи с выполняемыми ими задачами в тексте повествования.

Известно, что воспитанием будущей правительницы занимался сам Симеон Полоцкий. Это даёт возможность, как отмечает А. С. Акимова, «в литературе проводить мысль о наследовании царевной традиции благочестивой Пульхерии» [4, с. 272], которая была регентом при малолетнем брате.

Упоминание в тексте произведения Симеона Полоцкого – это не просто констатация исторического факта, но уже намёк на реформаторские веяния, т. к. данный богослов участвовал в церковных реформах Патриарха Никона, поддерживал идею сильной церковной власти и просвещённого абсолютизма. Именно он основал первую в Москве школу при Заиконоспасском монастыре (будущая Славяно-греко-латинская академия) и

ввёл в обучение риторику, стихосложение и латынь. На этом его кипучая натура не останавливается, через некоторое время он учреждает первый театр при дворе, в котором ставились пьесы на библейские сюжеты, организуется работа первых типографий. Увлечения астрономией и многими другими науками также дают свои плоды. Здесь, как отмечал Н. Бердяев, наблюдается некоторая «двойственность русского мессианского сознания» [5, с. 12], что в дальнейшем приведёт к духовному срыву. Подобное влияние в первую очередь отражается на языке народа. И уже это имеет серьёзные последствия, т. к. «... проникновение чужих слов в родной язык – это уже вторжение, уже нашествие, уже угроза гибели (утраты неповторимой самобытности)» [6, с. 209].

Таким образом, он становится своеобразным символом просвещения, учёности и ориентацией на европейский культурный опыт. Упоминание о нём в тексте произведения, с одной стороны, является намёком на будущее направление развития России, а с другой – на внутреннее противостояние Востока и Запада на религиозной почве. По поводу личности Симеона Полоцкого мнения учёных-историков, западников и сторонников русских традиций расходятся. Так, например, Соловьёв и Костомаров высказываются крайне негативно о его деятельности.

Алексей Толстой не ставит перед собой задачу оценки деятельности этого учёного богослова, он лишь вводит его как историческую личность, которая оказала влияние на воспитание и развитие царских детей. Именно его попечению было вверено обучение не только царевны Софьи, но и её сводных братьев, в том числе и Петра. Поэтому можно сделать вывод, что не только на царевну, её тщеславные планы и поведение оказал влияние Полоцкий, но и на будущего правителя. По некоторым источникам, когда маленький Пётр находился в опале со своей матерью Натальей Кирилловной, он повторял латинские фразы, которым его научил богослов.

Царь Фёдор Алексеевич даже на смертном одре в бреду повторяет вирши на латинском языке. Он тоже находился под влиянием Симеона Полоцкого. Именно монашествующий философ становится вдохновителем реформ молодого царя. Толстой в романе на это прямо не указывает, упоминая бывшего учителя лишь рядом с царевной и священником Медведевым. Но знание исторического контекста даёт возможность предположить источник западного влияния. Таким образом, молодой царь воплощает грандиозные замыслы по реформированию в масштабах всей страны, реализует проект преобразования России через знание и образование, что приводит к утрате самобытности народа и утрате тех исконных ценностей, носительницей которых считается православная Русь. Поэтому Патриарх так опасался Сильвестра Медведева, который был учеником Симеона Полоцкого. А в романе он представлен воплощением не только богословской учёности, но и распространителем католической ереси.

В этом свете фраза умирающего царя Фёдора Алексеевича приобретает особый символический смысл. Он бормочет латинские стихи. Окружающие предполагают, что это творение Овидия. Можно провести аллюзию с одним из самых известных произведений великого античного поэта, «Метаморфозами». Таким образом, он как будто предрекает превращения, преобразования в европейском духе, которые грядут для Руси.

Особое место здесь, без сомнения, отводится уже не раз упомянутому священнику Сильвестру Медведеву. При создании данного художественного образа автор «Петра Первого» не даёт перечислений заслуг и трудов, которые были созданы прототипом. Для характеристики героя Толстой использует приём контраста, вводит мнение толпы, которая не понимает сути богослужения, а значит, и сути веры: «Про Сильвестра Медведева рассказывали, что учит он хлебопоклонной ереси, коя идёт от покойного Симеона Полоцкого и от иезуитов. Написал книгу “Примите,

ядите” – хлеб пресуществляется в дары. В Москве только и говорят теперь и спорят, и бедные и богатые, в палатах и на базарах, что о хлебе: при коих словах он пресуществляется? Головы идут кругом, – не знают – как и молиться, чтоб вовремя угодить к пресуществлению. И многие кидаются от этой ереси в раскол...»¹

В этой небольшой фразе писатель ещё раз обращает внимание на невежество и простоту мужика, и знати не только в вопросах светского этикета и наук, но и веры, которая является краеугольным камнем русского народа. Здесь уже преобладает «реалистическое начало», которое, как отмечала В. Р. Щербина, «постепенно побеждало стилизаторские тенденции» [7, с. 19]. Медведев в этой книге даёт объяснение Евхаристии – основе основ, но этот трактат смущает непросвещённые умы, что приводит, как пишет автор, к расколу. Здесь Толстой даёт намёк на причину раздора, уже состоявшегося в результате реформ патриарха Никона, – неграмотность русского народа во многих вопросах, в том числе и богословских, приводит к тяжёлым последствиям. Писатель подводит к пониманию необходимости реформ в государстве, которые проводились при жестоким сопротивлении многих современников молодым царём.

Данные проблемы Толстой освещает отчасти под воздействием романа Мережковского, в котором вопросы раскола представляются более целенаправленно и скрупулёзно. Здесь, как отмечает в своей работе Т. И. Дронова, видна «роль открытий Мережковского-романиста для последующего литературного процесса. Некоторые векторы влияния писателя на прозу XX века уже намечены» [8, с. 17]. У Алексея Толстого литературная традиция выступает как факт «современности, реалия действительности, такая же полноправная, как и любая другая, содержащаяся в жизни, и потому, естественно, могущая стать объектом художественного преобразования» [9, с. 8].

¹ Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 112.

Автор «Петра Первого» не только показывает смятение внутри общества, но и вводит мысль о том, что «Исконно русская, самобытная идея Цельного как начала очевиднейшим образом перекликалась с некоторыми западноевропейскими концепциями мира и человека» [10, с. 62]. Здесь на первый план выходят особенности христианства русского человека. Отсутствие понимания богословских основ в простом народе и даже в высшем обществе, но наличие живой, искренней веры автор романа «Антихрист. Пётр и Алексей» объясняет в словах царевича Алексея при сравнении с иностранцами: «Всё у вас есть. А Христа нет. Да и на что вам? Сами себя спасаете. Мы же глупы, нищи, наги, пьяны, смрадные, хуже варваров, хуже скотов и всегда погибаем. А Христос Батюшка с нами есть и будет во веки веков. Им, Светом, спасаемся!»¹ Д. С. Мережковский даёт практически прямую аллюзию на слова из Евангелия: «Славлю Тебя, Отче, Господи, неба и земли, что утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф: 11:25). Т. е. прозаик Серебряного века прямо указывает на простоту, а значит, и искреннее восприятие веры русским народом. Писатель исподволь рисует сцены религиозной жизни, убирая их в глубокий подтекст, а на первый план выводя лишь социальные, экономические, эстетические, культурные тенденции эпохи, в том числе актуальные для времени автора проблемы – малограмотность и непросвещённость населения.

К этому вопросу восприятия прошлого церкви обращались многие писатели как XX, так и XIX столетия. Он становится одним из базовых в пирамиде понимания и принятия веры православными и католиками. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» об этом писал: «отсюда проистекает высшее предназначение русского народа как истинно православного».² Об этом будет рассуждать Левин у Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина». Данную

Евангельскую цитату автор «Войны и мира» вкладывает в рассуждения героя на всё ту же животрепещущую тему научного (европейского) и искренне-детского (русского) восприятия веры: «Так думал Левин про свою жену, разговаривая с ней в этот вечер. Левин думал о евангельском изречении не потому, чтоб он считал себя премудрым, но не мог не знать, что он умнее жены и Агафьи Михайловны, и не мог не знать того, что, когда он думал о смерти, он думал всеми силами души. Он знал тоже, что многие мужские большие умы, мысли которых об этом он читал, думали об этом и не знали одной сотой того, что знала об этом его жена и Агафья Михайловна. Как ни различны были эти две женщины, Агафья Михайловна и Катя ... они в этом были похожи. Обе несомненно знали, что такое была жизнь и что такое была смерть, и хотя никак не могли ответить и не поняли бы даже тех вопросов, которые представлялись Левину, обе не сомневались в значении этого явления совершенно одинаково, не только между собой, но и разделяя этот взгляд с миллионами людей, смотрели на это».³

Лев Толстой обдумывал смерть как одно из самых важных таинств в жизни каждого человека, когда душа переходит в мир иной и когда особенно сильно нужна искренняя вера без научных трактовок и объяснений. И здесь же писатель соединяет дворянское общество в лице Кити и народ в лице Агафьи Михайловны. Они становятся единым целым. Алексей Толстой в вопросах веры также не разделяет персонажей по социальному статусу: бояре и народ глупы в научном и богословско-религиозных вопросах, но едины в молитвенных порывах.

Достоевский в «Дневнике писателя» продолжает рассуждать: «Он мучается вековыми вопросами человечества: о Боге, о вечной жизни, о добре и зле и проч.»⁴, о том, что заложено изначально в русском народе и что вытравливалось в

¹ Мережковский Д. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 439.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1972. С. 185.

³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 19. М.: Гослитиздат, 1953. С. 287.

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1972. С. 225.

результате петровских реформ из дворянства, у которого на первое место выходят знание и наука. Но вера не может быть объяснена при помощи этих составляющих. На это намекает Алексей Толстой в своём романе, об этом прямо говорят Дмитрий Мережковский и Лев Толстой. Достаточно вспомнить ещё одну сцену из романа «Анна Каренина», где Левин встречается с мужиками, и один из них открывает ему простую, но вечную истину: «– Да так, значит – люди разные; один человек только для нужды живёт, хотя бы Митюха, только брюхо набивает, – а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живёт, Бога помнит».¹ Этим истинным пониманием основ бытия всегда славился русский народ. На внутреннюю ломку этих устоев в результате реформ, влияния западноевропейской культуры и католичества в том числе указывает автор «Петра Первого».

Необходимо отметить, что именно образ учёного священника призван подчеркнуть проблему разъединения веры и науки. На это обращает внимание уже упомянутая книга про Евхаристию, написанная героем. Этому описанию в романе предшествует внутренний монолог Натальи Кирилловны, в котором она подробно описывает некоторые манипуляции Медведева. Здесь особое значение приобретает описание внешности персонажа, которое мастерски даётся удивительно живым и многогранным языком Толстого через восприятие царицы. Сам образ, его «внутренняя форма выступают на первый план и через него познаётся значение, мысль, идея» [11, с. 14] автора. В нём, помимо намёков на влияние западной церкви, явно прослеживается общенародное мнение, которое граничит с суевериями и предрассудками: «... он галант и астроном: ходит в шёлковой рясе, с алмазным крестом, шевелит перстнями, бороду подстригает, – она у него – как у ворона и хорошо пахнет. Во всякий час входит к Соньке, и они занимаются волшебством. Сильвестр влезает на окно, глядит в трубу

на звёзды, пишет знаки и, уставя палец к носу, читает, читает по ним».² Через речь героини писатель показывает, сколько кривотолков и несправедливых обвинений получает этот галантный чернец, как его называет царица-мать: «Вчера видели, – принёс в мешке человеческий след, кости и корешки, зажёл три свечи, – шептал прелестные слова и на свече жёл чьи-то волосы...»³ Незнание в данном случае приводит к ложным обвинениям, основанным на суеверных представлениях и страхах.

Здесь заключается некоторая парадоксальность, которую изначально закладывает Толстой в своего героя и которая ещё раз подчёркивает правоту дневниковых заметок царевича Алексея в романе Мережковского. Именно учёный богослов оказывается способным на предательство, на коварство и на убийство, именно на данный поступок подстрекает он князя Голицына.

Тема суеверий занимает особое место в романе, т. к. она имела огромное значение в жизни русского человека и основывалась на его безграмотности и непросвещённости. Именно после суеверно-надуманного представления Сильвестра Медведева даётся общее народное о нём представление, в котором, как уже упоминалось, доминируют невежество и неосведомлённость во многих не только научных сферах, но и духовной.

Таким образом, в романе Алексей Толстой обращается к вопросу религиозной образованности и искренней веры. Эта проблема становится особенно актуальной в эпоху реформ Петра Первого. Писатель не углубляется в болезненные истоки и перспективы. Если поднять исторический пласт, то можно увидеть, насколько серьёзно стоял этот вопрос. К сожалению, Толстой не уделяет данному образу много внимания, лишь схематически намечая черты характера этого исторического лица. Вот о. Сильвестр появляется в поко-

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Т. 19. М.: Гослитиздат, 1953. С. 345.

² Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 111.

³ Там же. С. 112.

ях царевны. Весь его облик дышит уверенностью, самодовольством, внешней красотой, так не свойственной православию: «в малиновой шёлковой рясе, осторожно беря и покусывая холёную воронова крыла бороду».¹ Уже в этом схематичном описании писатель даёт тонкий намёк на католический вектор мышления священника.

Такой вывод позволяет сделать описанию малиновой шёлковой рясы, так напоминающей рясу католических кардиналов. Как подтверждение этой мысли Толстой вводит в четвёртой части четвёртой главы третьей книги образ кардинала: «Кардинал Примас, шурша шёлком пышной пурпуровой рясы, отражавшейся в навощённом полу, грузно повернулся к шведу и повёл рукой столы изысканно, будто предлагал ему сладчайшее кушанье».² Эта цитата не оставляет сомнений в том, что писатель подразумевает приверженность Ватикану русского священника.

Подражая наклонностям служителей обособленного государства, он начинает заниматься интригами и становится одним из инициаторов покушений на молодого царя Петра: «Сказано: “Пошлю мстителя”, – сие разуметь так: не Богом отнимается жизнь, но по Его воле рукой человека».³ В следующих фразах мы узнаем истинные цели этого священника – патриарший престол.

Если рассматривать прототип героя, то здесь многие историки отмечают, что он «был человеком умным и даровитым»⁴, являлся последователем учения Симеона Полоцкого, который придерживался католического направления в духовных вопросах. Приверженцы греческой школы его серьёзно опасались, т. к. «свидетельством его эрудиции остаётся серьёзный и, строго говоря, первый русский библиографический труд “Оглавление книг и кто их

сложил”».⁵ Его библиотека насчитывала 603 книги, большая часть из которых на латинском, польском, немецком языках, и только 18 на славянском. Поэтому опасения и скрытое противостояние было не между Патриархом и молодым царём, а между Патриархом и священником Сильвестром Медведевым [12].

Необходимо упомянуть о влиянии масонской традиции. Прямых упоминаний в романе нет, но Толстой в нескольких эпизодах даёт намёк на подготовку историко-культурного фундамента для развития данного направления в России. Этому служит появление в романе Якова Брюса, одного из «самых образованных людей своего времени», которого в более позднее время начнут считать чуть ли не «великим мастером» первых российских масонов, хотя реальных доказательств этому нет. Многие масоны XVIII–XIX вв. с большим уважением относились к его фигуре, отчасти даже мифологизировали его и видели в нём своего предтечу.

Следует отметить значение сюжетного звена в повествовании с «Великим посольством» и знакомством Петра и его приближенных с Европой. Сам Пётр, его сподвижники активно общаются с европейцами, впитывают новые идеи, в том числе и те, что были популярны в кругах, близких к будущим масонам. Поэтому они привозят в Россию не только новые технологии, но и новые философские, культурные и духовно-нравственные веяния. Сама поездка за границу становится своеобразным актом приобщения к западным «тайнам». Недаром Толстой хоть и вскользь, но упоминает имя Лейбница, когда молодой царь посещает светское общество, например, при изображении встречи Петра с дамами: курфюрстиной Софьей и с её дочерью Софьей-Шарлоттой. Автор делает маленькое замечание об уме и способностях этих героинь: «Они были образованнейшими женщинами Германии»⁶, «обе состояли в

¹ Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 157.

² Там же. С. 753.

³ Там же. С. 157.

⁴ Карташов А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской церкви. М., ТЕРРА, 1992. С. 427.

⁵ Там же. С. 427.

⁶ Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 9–10.

переписке с Лейбницем, говорившим: “Ум этих женщин настолько пытливы, что иногда приходится капитулировать перед их глубокомысленными вопросами”¹. Сам великий философ не был масоном в современном понимании этого слова, но его идеи и деятельность легли в основу философии Просвещения.

Такое усиленное стремление русского царя к западной традиции вызывает недопонимание даже самих иностранцев. Так, «герцог Священной Римской империи фон Круи высказывает, например, сидя в гостях у Петра, следующие идеи: “Россия – прекрасная страна, русские – трудолюбивый народ, женщины в России – восхитительные. В Европе несколько удивлены настоящим стремлением русских воспринимать наши обычаи, нашу одежду. России Самим Богом указано обратить взоры на Азию. Привести к подножию царского престола бесчисленное множество азиатских народов, продолжить свободный путь в Персию и Китай – вот превосходная задача для пользы всего христианства”» [13, с. 142].

Заключение

Толстой явно ориентировался на роман Д. Мережковского, в котором одна из героинь, фрейлина кронпринцессы Шарлотты Юлия Арнгейм, в своём дневнике очень часто называет Лейбница своим «великим учителем»². В отличие от своего предше-

ственника Толстой в меньшей мере акцентирует внимание на данной проблеме в силу политических обстоятельств написания романа, но даже этот небольшой штрих позволяет говорить о том, что писатель понимает серьёзность возникающей проблемы, поэтому показывает её истоки, воссоздаёт ту атмосферу, которая напрямую была связана с будущим расцветом масонства в России.

На это указывают стремления царя, вся его деятельность – это гигантский проект по перedelке страны и человека. Толстой неоднократно подчёркивает ненависть императора к Москве, его жажду овладеть азами тайного знания и совершить преобразования, которые ведут к разрушению русской традиции. Эта идея будущего императора, несомненно, перекликается с распространившейся в XIX и XX вв. масонской идеей самосовершенствования и построения идеального «храма» общества. Атмосфера гигантской стройки, ломки старого и созидания нового по понятному лишь Петру и его ближайшему окружению плану – подобная метафора очень близка сектантскому мировоззрению и идёт вразрез с духовными понятиями и ценностями православной традиции.

А. Н. Толстой наряду с социальными, историческими и политическими проблемами освещает важные вопросы религиозного характера, которые усугубляли тяжесть происходящего в стране во времена правления царя Петра Первого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов В. В. Роман А. Н. Толстого «Пётр Первый»: историческая реальность и художественный вымысел // Алексей Толстой: Диалоги со временем. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 195–233.
2. Алпатов А. В. Творчество А. Н. Толстого. М.: Московский университет, 1956. 201 с.
3. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
4. Акимова А. С. Образ царевны Софьи в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» в контексте литературы первой половины XX века // Алексей Толстой: Диалоги со временем. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 267–278.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 320 с.
6. Моторин А. В. Теория русской словесности. Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2013. 300 с.
7. Щербина В. Р. А. Н. Толстой. Критико-биографический очерк. М.: Художественная литература, 1955. 256 с.

¹ Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 324.

² Мережковский Д. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 393.

8. Дронова Т. И. Историософский роман Д. С. Мережковского в перспективе XX в. Саратов: Саратовский университет, 2021. 412 с.
9. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. 260 с.
10. Вайман С. Т. Гармонии таинственная власть. Об органической поэтике. М.: Советский писатель, 1989. 368 с.
11. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
12. Червоненко С. М. Судьба русского патриаршества в изображении А. Н. Толстого (по роману «Пётр Первый») // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2023. № S3 (48). С. 245–249. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).245-249.
13. Чарный М. Б. Путь Алексея Толстого: очерк творчества. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1981. 368 с.

REFERENCES

1. Aristov, V. V. (2024). A. N. Tolstoy's Novel "Peter the First": Historical Reality and Artistic Fiction. In: *Alexei Tolstoy: Dialogues with Time. Iss. 4*. Moscow: IMLI RAS publ., pp. 195–233 (in Russ.).
2. Alpatov, A. V. (1956). *The Work of A. N. Tolstoy*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
3. Skaftymov, A. P. (2007). *The Poetics of the Literary Work*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
4. Akimova, A. S. (2024). The Image of Tsarevna Sophia in A. N. Tolstoy's Novel "Peter the First" in the Context of Early 20th Century Literature. In: *Alexei Tolstoy: Dialogues with Time. Iss. 4*. Moscow: IMLI RAS publ., pp. 267–278 (in Russ.).
5. Berdyayev, N. A. (2021). *The Russian Idea*. St. Petersburg: Azbuka publ.; Azbuka-Atticus publ. (in Russ.).
6. Motorin, A. V. (2013). *Theory of Russian Letters*. Veliky Novgorod: Novgorod State University publ. (in Russ.).
7. Shcherbina, V. R. (1955). *A. N. Tolstoy: A Critical-Biographical Sketch*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ. (in Russ.).
8. Dronova, T. I. (2021). *D. S. Merezhkovsky's Historiosophical Novel in the Perspective of the 20th Century*. Saratov: Saratov University publ. (in Russ.).
9. Kryukova, A. M. (1990). *A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
10. Vaiman, S. T. (1989). *The Mysterious Power of Harmony: On Organic Poetics*. Moscow: Sovetsky pisatel publ. (in Russ.).
11. Potebnya, A. A. (1990). *Theoretical Poetics*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
12. Chervonenko, S. M. (2023). The Fate of the Russian Patriarchate as Depicted by A. N. Tolstoy (Based on the Novel "Peter the First"). In: *Memoirs of NovSU*, S3 (48), 245–249. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).245-249 (in Russ.).
13. Charny, M. B. (1981). *The Path of Alexei Tolstoy: An Outline of His Work*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна (г. Мытищи) – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал);
e-mail: sm1705@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko (Mytishchi) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Bauman Moscow State Technical University (Mytishchi Branch);
e-mail: sm1705@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

**ОТ ВАРФОЛОМЕЯ К ОХРОМУ:
КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВОЙ КНИГИ ПО АНТРОПОНИМИКЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГАНЖИНА И. М. ФОНЕТИЧЕСКАЯ
И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЁН
К СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В XVI–XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКОЙ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ). ТВЕРЬ: ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, 2025. 551 С.**

Никитин О. В.

*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: olnikitin@yandex.ru*

Для цитирования:

Никитин О. В. От Варфоломея к Охрому: критический обзор новой книги по антропонимике. Рецензия на книгу: Ганжина И. М. Фонетическая и морфологическая адаптация христианских личных имён к системе русского языка в XVI–XVII вв. (на материале тверской деловой письменности). Тверь: Тверской государственный университет, 2025. 551 с. // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 101–110.

**FROM BARTHOLOMEW TO OKHROM:
A CRITICAL REVIEW OF A NEW BOOK ON ANTHROPONYMY.
BOOK REVIEW: GANZHINA, I. M. (2025) PHONETIC AND MORPHOLOGICAL
ADAPTATION OF CHRISTIAN PERSONAL NAMES TO THE RUSSIAN LANGUAGE
SYSTEM IN THE 16TH–17TH CENTURIES (BASED ON TVER BUSINESS
WRITING). TVER: TVER STATE UNIVERSITY PUBL.**

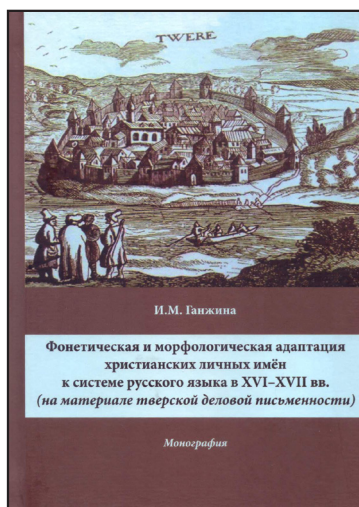
O. Nikitin

*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: olnikitin@yandex.ru*

For citation:

Nikitin, O. V. (2026). From *Bartholomew to Okhrom*: A Critical Review of a New Book on Anthroponymy. Book review: Ganzhina, I. M. (2025) *Phonetic and Morphological Adaptation of Christian Personal Names to the Russian Language System in the 16th–17th Centuries (Based on Tver Business Writing)*. Tver: Tver State University publ. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 101–110.

Русский ономастикон представляет собой интересный феномен национальной языковой картины мира, которая слагалась веками под влиянием разных культурных явлений, была исторически связана с местными традициями. Лингвистический колорит Тверской земли, её богатый именник, политико-экономическое влияние внутри Московской Руси, культурные, торговые и даже дипломатические связи с разными территориями обусловили особое положение данного региона в условиях становления единого централизованного государства, его роль в кодификации письменных языковых норм. В этом смысле изучение самой антропонимической системы в преднациональный период развития русского языка с помощью исследования первоисточников XVI–XVII вв., которые фиксировали данные личных христианских имён, представляется нам большой научной проблемой, которая до сих пор не решена в лингвистике. И хотя в общем этот вопрос получил освещение как в классических (А. М. Селищев, В. Д. Бондалетов, В. А. Никонов, А. В. Суперанская, Н. М. Тупиков, Б.-О. Унбегаун, Ю. И. Чайкина, В. К. Чичагов и др.), так и в современных (Е. А. Астафьева, О. В. Врублевская, И. А. Королёва, С. Н. Смольников, А. Н. Соловьёв, В. И. Супрун, В. Е. Татаркин, Б. А. Успенский, А. С. Щербак и др.) трудах прежде всего отечественных языковедов, остаются многие лакуны. Они связаны, например, с тем, что учёные изучали или более ранний период (XV в.), или поздний (XVII–XVIII вв.). Таким образом, самая важная с точки зрения формирования русской антропонимической системы эпоха XVI–XVII вв. исследована фрагментарно, несмотря на большое количество источников, и не получила комплексного анализа, а применительно к тверскому

региону этот вопрос так широко, с использованием фундаментальной историко-филологической базы не обсуждался. И. М. Ганжина ещё в кандидатской диссертации поставила эту проблему¹ и затем в течение нескольких десятилетий проводила научную работу по изучению тверского антропонимикона.

Актуальность нового исследования И. М. Ганжиной² заключается в необходимости системного анализа фонетических, морфологических и словообразовательных особенностей христианских личных имён (далее – ХЛИ), выявления их диахронических изменений, установления хронологической и территориальной обусловленности словообразовательных и лексико-семантических типов имён в историко-культурных рамках становления русского языка XVI–XVII вв. В то же время актуальным остаются проблемы изучения социальной дифференциации имён и в целом динамики антропонимической нормы в данный исторический период (с. 6).

Новизна проблематики состоит в том, что автор обосновал связь между фонетическими и словообразовательными вариантами ХЛИ как на русском языковом субстрате, так и в процессе русификации иноязычных ХЛИ, доказал влияние антропонимической системы тверского региона на процессы формирования и развития антропонимической нормы русского языка,

¹ Ганжина И. М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992. 22 с.

² Ганжина И. М. Фонетическая и морфологическая адаптация христианских личных имён к системе русского языка в XVI–XVII вв. (на материале тверской деловой письменности): монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2025. С. 4–5. Далее ссылки на рецензируемую книгу даются непосредственно в тексте в круглых скобках.

определил структуру полных форм мужских ХЛИ с точки зрения парадигматики и выявил зоны активности разных типов, а также наиболее важные для антропоники деловые тексты, установил переходные формы, находящиеся между полными и дериватными онимами, выявил и систематизировал финальные форманты ХЛИ с учётом их продуктивности и, наконец, обосновал основной закон антропонимической деривации. Мы видим, что новизна исследования лежит прежде всего в плоскости осмысления и систематизации фактов памятников тверской письменности, позволяющих корректно описать историко-культурную и языковую ситуацию исследуемого периода и дать корректную оценку антропонимическим фактам того времени. Очень важно, что И. М. Ганжина в ходе исследования сформировала текстовый массив антропонимикона, который даёт разнообразные и достоверные сведения о языковых процессах XVI–XVII вв. и позволяет анализировать как местные черты, так и видеть влияние центростремительных тенденций. Немаловажно в контексте рецензируемой книги, что изучаемые И. М. Ганжиной документы приближены к реальной коммуникации: они содержат факты вариативности, диалектные черты, индивидуально-речевые особенности и т. д. Поэтому выбор именно памятников *деловой* письменности в качестве главного источника работы мы считаем грамотным методологическим подходом (с. 7–8).

Важным представляется изучение историко-культурных и языковых предпосылок формирования системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода, о чём подробнее автор говорил в своей докторской диссертации.¹ И. М. Ганжина, в частности, показывает, как влияло создание единого централизованного государства на языковую

ситуацию. Учёный разделяет взгляд подавляющего большинства исследователей о том, что «московское койне становится основой народно-литературного типа языка Московского государства, а позднее, в XVIII – начале XIX вв., – основой национального русского литературного языка».² Подробный обзор исторических условий и разнообразной литературы, созданной на тверской земле, позволил И. М. Ганжиной утверждать, что «после вхождения в состав Московского государства тверская литература продолжает развиваться, нередко оказывая влияние на дальнейший общерусский литературный процесс, в том числе на формирующиеся нормы литературного языка. Создаются новые жанры, появляются новаторские произведения, созданные на тверской земле».³

Первая глава монографии «Фонетическая русификация христианских личных имён» рассматривает типологию фонетических процессов в области вокализма и консонантизма, диалектные черты ХЛИ с точки зрения их адаптации к системе русского языка. Стоит согласиться с тезисом И. М. Ганжиной, высказанным ею и в диссертации, о том, что «адаптация иноязычных ХЛИ к русской речи явилась закономерным процессом, сопровождавшим введение их в состав русского именника...»⁴ Исследователь отмечает, что «во многих формах ХЛИ отражаются процессы, общие для иноязычных собственных и нарицательных существительных, проходивших адаптацию в живом языке: построение слога по принципу восходящей звучности определило стяжение звуков, появление различных усечений. Отсутствие звуков в фонетической системе древнерусского языка приводило к их заменам (Чудин, Чудя < Акиндин; Исачко, Исачка < Исаак; Осташко, Остощка

² Там же. С. 31–32.

³ Там же. С. 46.

⁴ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 14.

¹ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026.

< Остах < Евстафий)...»¹ Более подробно И. М. Ганжина рассматривает эти процессы в монографии. Колоритные примеры как будто воскрешают живой антропонимикон прошлых веков: **Варфоломей**: Ефромей / Офромей, Офром, Охром (Ахром); **Евмений**: Емен / Омен (Оменя) и т. д. (с. 23). Показательно, что на образование форм ХЛИ в русской языковой среде оказали влияние диалектные особенности: аканье (Азар, Савастьянко), яканье (Яфимко, Яроха), цоканье (Офонича, Ельча) и др. Из всех диалектных особенностей, зафиксированных в памятниках тверской деловой письменности, аканье, по мнению И. М. Ганжиной, получило наибольшее распространение. Оно стало «впоследствии нормой русского литературного языка».² Заслуживают внимания наблюдения автора рецензируемой книги о том, что фонетическая оболочка имени могла отражать конкретные семантические ассоциации: **Кур**, **Курец**, **Курик**, **Курка**, **Курко** < Кирилл / Кириак / Кириан / Кир – кур 1) ‘петух’; 2) ‘дым, чад, смрад’; **Охромей** < Варфоломей – хромой; **Огурец** < *Огурей < Гурий – нариц. *огурец*; **Овсяник** < Овседей < Евсей – овсяник ‘торговец овсом’, ‘хлеб из овсяной муки’ и др. (с. 129). И. М. Ганжина правильно полагает, что при высоком влиянии разных факторов на образование фонетических вариантов ХЛИ (удобство произношения, приспособление греческих фонем к русским, семантические аналогии, диалектные особенности) сложно выявить точную закономерность в адаптации канонических онимов. Мы согласны, что этот процесс был многоярусным, далеко не все формы были кодифицированы, заметна тенденция к «разнооформленности разговорных форм», например: Аввакум > Абакум, Аббакум, Абакан, Абакон, Бакан, Бокан, Бакун, Бакуня, Бакиша, Бакуш (с. 363). К

тому же деловые тексты не всегда могли отражать *разговорные* формы, и здесь уже мы наблюдаем «приказную» адаптацию имени, отличную от живой речи.

Большим достоинством этой главы, как и остальных, являются систематизированные в таблицы иллюстрации процессов адаптации ХЛИ, которые наглядно показывают основные закономерности и вариативность, дают представление о комплексе главных преобразований, об исключениях и единичных формах (см., например, таблицы на с. 37–39, 41–42, 107–108, 110–111, 118–119 и др.). В обобщённом виде фонетические процессы адаптации ХЛИ представлены в таблице 28 (с. 121–124).

Согласимся с выводами автора о том, что не может быть единой «стратегии» в описании систематики фонетической адаптации ХЛИ, т. к. имел место «не один фонетический процесс, а целый комплекс, нередко свой для каждого имени, что и делает общую картину всей совокупности онимов неповторимой для каждой территории» (с. 131).

Вторая глава книги «Морфологическое варьирование полных форм христианских личных имён как следствие адаптации к системе русского языка» исследует грамматические процессы в области ХЛИ. В анализе морфологических явлений автор обратил внимание не только на типичные случаи адаптации, но и на те примеры, которые могут вызвать определённые сложности при объяснении. Учёный справедливо говорит о неоднозначности трактовки форм с наращением *Микитан*, *Никитер* от имени *Никита*. По мнению И. М. Ганжиной, их «можно рассматривать как замену финального -а другой финалью (-ан, -ер); кроме того, нельзя исключать и фонетическое преобразование формы *Никитер* от ХЛИ *Никифор* (возможно, в данном случае изменение обусловлено смешением с ХЛИ *Никита*). Не исключено, что в отдельных формах имели место сугубо фонетические изменения, приведшие к совпадению возникших сочетаний звуков с соответствующими финалями (*Логан* < *Логин*, *Селифонит* < *Селифан*). В

¹ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 16.

² Там же. С. 17.

ряде случаев преобразование финальной части могло быть связано не с заменой финального форманта, а с наращением – через промежуточное усечённое личное имя: *Азарник* < *Азар* < *Азария*, *Софоник* < *Софон* < *Софония*, *Зиновид* < *Зинов* (такая форма отмечена в наших материалах) < *Зиновий*, *Антонид* < *Антон* < *Антоний*» (с. 142).

Показательна приведённая на с. 148–152 таблица 30 «Употребительность полных форм ХЛИ на *-ий* / *-ей* / *ъ* от канонических имён на *-ИЙ*», данные которой свидетельствуют об использовании в изученных документах форм с исконным конечным *-ий* в сравнении с формами тех же ХЛИ с *-ей* и с усечением финали. Автор не без основания предполагает, что в исследуемый период зарождались полные формы ХЛИ, которые впоследствии могли противопоставляться как каноническая, литературная нейтральная (документальная) и разговорная» (с усечением финали), ср.: *Игнатий* (старец) – *Игнатей* – *Игнат* (с. 152 и далее). И. М. Ганжина не исключает (и в этом мы солидарны с ней) и такую трактовку: «По-видимому, в ряде случаев на использование формы на *-ий* накладывали отпечаток прагматические моменты: роль личностного фактора (как пишущего, так и именуемого), ситуация общения (характер документа, уместность использования подобной формы в определённом контексте), прагматическая референция (отнесённость формы ХЛИ к лицу с определённым социальным статусом)» (с. 155).

Разнообразная деривация ХЛИ очень показательна для деловых текстов (думаем, что это было отражением реальной коммуникативной ситуации XVI–XVII вв., которая не была стабильной). Автор книги правильно полагает, что финальная часть подвергалась наиболее частотным изменениям, а изученные ею материалы показывают, что «морфологические варианты полных ХЛИ создавались в результате трёх основных процессов: усечения, наращивания и замены финальной части имени» (с. 208).

В этой главе автор обозначил и другие тезисы, например, о противопоставлении

литературных и разговорных имён даже в рамках одной – деловой – разновидности национального языка, о причинах возникновения ХЛИ с одинаковыми финальными формантами (см. таблица 49, с. 212–216), о разных способах модификации иноязычных имён, о фактах параллелизма полных форм у одного и того же имени и др. Все эти теоретические положения доказаны И. М. Ганжиной путём анализа многочисленных ХЛИ и фактов, представленных в реальных текстах XVI–XVII вв. Убедительно звучат мысли автора работы о том, что «вариативность, пронизывавшая всю антропонимическую систему преднационального периода на всех её уровнях, коснулась и полных форм христианских личных имён...» (с. 219), о сильных ассоциативных связях внутри антропонимического словообразования и др.

Третья глава книги «Дериватные формы христианских личных имён: особенности образования и употребления» анализирует словообразовательные возможности ХЛИ. И. М. Ганжина показала, что наибольший процент принадлежит суффиксальному способу образования онимов (95,9%), тогда как бессуффиксный занимает 4,1 % (таблица 68, с. 338–339). Автор полагает, что русская антропонимическая деривация унаследовала праславянскую традицию. При этом она фиксирует «необыкновенно широкое использование разных согласных в организации аффиксов отхристианских именных дериватов» (с. 339 и далее таблица 69 на с. 340): *-к-*, *-ш-*, *-н-*, *-х-*, *-ц-*, *-т-*, *-й-*, *-л-*, *-з-*, *-ч-* и др. И. М. Ганжина провела количественный анализ употребительности дериватов и пришла к заключению, что самыми частотными являются *-к-* и *-ш-* суффиксы, «при этом *к-* суффиксы были универсальны и могли добавляться как к полным, так и к усечённым основам, сочетаясь со многими другими формантами» (с. 341). Показательна такая закономерность в использовании ХЛИ, определённая автором книги: «Чем употребительнее было личное имя, тем большее число дериватов от него возникало. Так, от имени *Пётр* нами зафиксировано 25 дериватных

форм, на которые приходится 154 употребления – при этом ни в одном документе не отмечена самая распространённая в современном языке форма *Петя*; на имя *Иван* приходится 41 дериватная форма (1578 употреблений) – и лишь единожды в составе топонима отмечена форма *Ваня*. Аналогичную картину наблюдаем и у других частотных имён...» (с. 347–348). Другое интересное наблюдение И. М. Ганжиной мы подметили, когда ознакомились с культурно-исторической интерпретацией смыслов деривационных моделей. Мы часто их соотносим с семантикой более позднего времени и делаем ошибки, между прочим, в таком месте: «Материал показывает, что в XVI в. суффиксу *-К(-а,-о)* ещё не было присуще уничижительное значение: в деловых документах именами с этим суффиксом записаны представители всех сословий – ср. именование помещиков: *За Степанкомъ да за Савкою за Кузмиными детми Веренинского дер. Веренино...*»¹ Т. е. в подобных примерах, по мнению И. М. Ганжиной, не стоит видеть прямой зависимости этикетных моделей от грамматических форм. Нам кажется, этот антропонимический сюжет всё же нуждается в более широком представлении фактов. Может быть, есть и такие, которые говорят об обратном (например, древнерусская литература указанного периода стилизовала «грамматический этикет» с целью социальной метафоризации и художественной «гравировки» героев). Во всяком случае наблюдения над стилистическими функциями отдельных формантов необходимо продолжать, чтобы установить более точную границу проявления уничижительно-го значения суффикса *-к-*.

Перспективными с точки зрения дальнейшей разработки деривационной проблематики нам представляются идеи И. М. Ганжиной, касающиеся христианской и прозвищной основы форм имени.

Изучение таких ассоциативных пар (совр. *Ромашка* – *Роман*, совр. *Серый* – *Сергей* и т. п.) имеет исторические корни и, что интересно, данная традиция живёт и в наше время (с. 352). Все представленные в анализируемой главе факты говорят о переходности явлений в данный период, а значит, поиске и в системе языка, и в речи наиболее оптимальных моделей, которые впоследствии получили кодификацию.

За пределами монографии осталась часть диссертации «Становление антропонимической нормы в русском языке преднационального периода: социальная стратификация, формулы именовании, функциональность»², которая исследует прагматилистический смысл употребления имени, говорит о его высокой общественной функции. Поскольку эта проблема нам представляется очень актуальной, коснёмся её тоже. Применительно к территории тверской земли заслуживает внимания то, как происходило становление антропонимической нормы у помещиков (дворян) и крестьян – основных представителей социальных групп населения в то время. И. М. Ганжина нашла подтверждение факту наличия разных способов идентификации лица по структуре имени и выделила две активные модели: «... (79,1%) – трёхчленная: «личное имя+отчество+фамильное прозвание» (56%) и двучленная: «личное имя + патроним (отчество, дедичество или фамильное прозвание)» (23,1%)».³ Ещё одно наблюдение И. М. Ганжиной тоже показательное. Она отмечает, что в составе ХЛИ выявляется «тенденция к отбору небольшой группы популярных онимов: 10 наиболее употребительных у помещиков имён: *Иван (Ивашко), Василий (Васюк, Васка), Дмитрий (Митка), Федор (Федко), Григорей (Гридя), Михаил (Михаль), Андрей (Ондрейко), Семён (Сенка), Пётр*

¹ Ср.: Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 292.

² Там же. С. 399–447.

³ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 30.

(Петрок), Степан (Степанко) – зафиксированы почти у 70% поименованных».¹ Среди других важных тенденций, которые проявились в преднациональный период, И. М. Ганжина назвала закрепление определённых моделей и сокращение числа нехристианских онимов в списках тверского дворянства, «вытеснение из документов дериватных форм, которые, вероятно, приобретают эмоционально-оценочную окраску и переходят в неофициальную сферу общения».² В целом И. М. Ганжина указала на «неустойчивость фамилии и формулы именования»³ в помещичьей среде. В крестьянском сообществе, как доказала И. М. Ганжина, наблюдается широкая вариативность в составе личного имени, куда могли включать прозвище, род занятий, место жительства, родственные связи и др. Важен в данном контексте и такой тезис: «Самыми употребительными у крестьян были те же ХЛИИ, что и у помещиков; по всей видимости, социальное расслоение христианского именника произошло позже, уже в национальный период развития языка» (с. 32 автореферата). Кроме этого, «выходят из употребления одночленные именования; уменьшается количество нехристианских имён, они становятся менее разнообразными по семантике...»⁴

Перспективным считаем изучение нехристианских личных имён, которые, по данным И. М. Ганжиной, были представлены достаточно широко: «Так, на тверской земле 16 наиболее распространенных имён: *Истома, Богдан, Третьяк, Нечай,*

Неклюд, Посник, Некрас, Угрим, Шаран, Ширяй, Злоба, Жюк, Рудак, Русин, Горяин, Ушак – отмечены почти у половины носителей нехристианских имён...»⁵

Наши критические наблюдения в основном представляют собой попутные размышления рецензента, которому близка данная проблематика. Посему вкратце представим наши наблюдения прежде всего о характере использования фактов утилитарной (бытовой, деловой) сферы, находящейся в центре внимания И. М. Ганжиной. В этом смысле показательно, что статус деловой письменности в XVI–XVII вв. приобрёл иное наполнение: ему стали характерны функции *литературного* языка, появились признаки пародии на приказную культуру («Калязинская челобитная») – значит, «происходила «смена языковых традиций».⁶ С другой стороны, приказный язык постепенно отдалялся от народной речи и обслуживал расширявшиеся границы деловой письменности, т. е. и функционально, и стилистически складывалась *система* со своими языковыми, жанровыми (появились десятки новых названий как отдельные виды деловой документации), текстологическими законами, куда органично вписалось имяславие как паспорт деловой традиции с её колоритными региональными чертами (например, в писцовых книгах). На них, в частности, делает акцент в своей работе И. М. Ганжина. Переписные и дозорные книги, по мнению учёного, представляют «богатый материал для наблюдений за особенностями живого разговорного языка и позволяют увидеть отражение живой народной речи как на формах личных имён, так и на многочисленных прозвищах, в том числе вычлennенных из состава патронимов».⁷ Памятники монастырской деловой письменности и в целом церковная литература, созданная в конфессиональной среде, тоже, как полага-

¹ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 405.

⁴ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 32.

⁵ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 416.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же. С. 62.

ет И. М. Ганжина, является ценным источником по местной антропониимии.¹

В книге основной акцент делается на анализе фактов, выявленных в памятниках тверской деловой письменности. Однако местный и любой другой антропонимикон может быть выявлен и в других жанрах, например, в религиозном дискурсе, в том числе и в иконописи, в художественной литературе, в летописных сочинениях и др. Хотя автор использует такие документы и понимает важность расширения культурного пространства антропонимикона, считаем, что поиск новых источников и переосмысление уже известных сочинений, которые мы не относим к приказной письменности, могут открыть интересные данные, находившиеся до сих пор на периферии научной-исследовательской работы. Как нам кажется, задача дальнейших исследований в этой области состоит в диагностике нетипичных фактов и явлений, в том, чтобы «поймать» очередной антропонимический сюжет, раскрыть загадку с помощью поликодовых характеристик разножанровой литературы.

Русский антропонимикон – национально-культурный портрет народа, его филологическая душа. В нём отражены богатые исторические, духовные связи и бытовые отношения людей, для которых имя было значимым элементом в коммуникации и социальным индикатором. В первую очередь через имя происходило общение. Часто оно олицетворяло носителя, выражало его ментальный облик. Имена имели свой языковой код, свою эстетическую традицию, символику, родовые характеристики. Изучение антропонимов выводит нас в межъязыковое пространство семиотики культуры, а значит, позволяет проникнуть в картину мира русского человека, увидеть изнутри его привычки, воссоздать психологический портрет, понять стилистику использования имени, найти специфиче-

ские этнолингвистические черты антропонима – исследовать *живую* систему языка, а не строить априорные схемы. Работая в этом благородном и филологически красивом направлении, автор монографии сумел представить и обосновать становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода и внёс весомый вклад в разработку теории и истории региональной антропонимики.

И. М. Ганжина с помощью выявленных данных и анализа культурно-языковых явлений именника доказала необходимость более тщательного фронтального изучения ономастикона как маркёра национально-языковой картины мира XVI–XVII вв. Не только в этом заключается теоретическое значение обсуждаемой книги. Её автор систематизировал процессы становления системы ХЛИ в деловой речи как основы формирующегося литературного языка с его неупорядоченными стилистическими нормами, которые как раз в письменной приказной культуре получили кодификацию. Кроме этого, важным тезисом является идея И. М. Ганжиной определить основные тенденции функционирования в структурно-морфологической оформленности именований представителей разных социальных страт с привлечением прагматического контекста и уточнение имеющегося инвентаря понятий и терминов исторической антропонимики.

Согласимся с заключением И. М. Ганжиной в том, что «становление системы ХЛИ в русском языке преднационального периода заложило фундамент современной антропонимической системы» (с. 365). Это подтверждает выдвинутые положения и свидетельствует об исключительной ценности анализируемого материала для достоверной реконструкции историко-лингвистических процессов не только указанного периода, но и более древнего времени. Надеемся, что в недалёком будущем генезис русской антропонимики благодаря трудам И. М. Ганжиной будет системно описан, станет использовать те инструменты, подходы и методы, на которые опирался автор обсуждаемой книги.

¹ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 64.

Монография И. М. Ганжиной представляет глубокий и последовательный научно обоснованный историко-лингвистический труд, который изучает один из важнейших периодов в становлении антропонимической системы русского языка и потому концептуально важен для осмысления развития системы ХЛИ. Автор книги несколько десятилетий плодотворно разрабатывает данную тему. И. М. Ганжина исследовала интересный, новый, малоизученный в контексте проблематики работы фактический материал, основанный на изучении большого пласта документальной литературы, архивов, источников исторического содержания (около 3000 ХЛИ). И в этом смысле выводы И. М. Ганжиной выглядят логично, обстоятельно и достоверно, опираются на корректный источниковедческий анализ и концептуально подтверждают выдвинутые автором идеи.

Книга И. М. Ганжиной имеет несомненное практическое значение, которое заключается в возможности применения полученных результатов в учебной практике и научной деятельности. В частности, давно назрела необходимость подготовки учебного пособия «Русская антропонимика» (заметим, что со времени выхода в свет первой книги такого жанра – В. Д. Бондалетов. «Русская ономастика» (М., 1983) – прошло более 40 лет), в котором на диахронно-синхронном срезе можно было бы представить развитие антропонимической подсистемы языка в контексте эволюции русского литературного языка с X–XI вв. по XXI в. Находки и достижения И. М. Ганжиной могут применяться как при составлении уже имеющихся исторических лингвистических словарей (особенно «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»), так и в разработке новых региональных лексикографических трудов. Большое значение полученные результаты имеют в истории русского литературного языка, диалектологии, лингвокраеведении и социолингвистике, которые как учебные дисциплины остро нуждаются в сопровождении объяснения языковых процессов антропо-

нимическими фактами. Разделяем взгляд И. М. Ганжиной на то, что пришло время для подготовки «исторического гнездового словаря русских личных крестильных имён, включающего фонетические варианты и производные формы ХЛИ, зафиксированные в средневековый и более поздний период...»¹ В контексте современных тенденций создания электронных баз данных богатый и систематизированный автором монографии материал найдёт применение в разработке «Исторической антропонимии Тверского края». ² В целом представленные в книге материалы получают дальнейшее использование и в смежных науках: истории, этнографии (для составления словарей и учебных пособий), культурологии, искусствоведении, географии, психологии, гендерологии и др. Перефразируя Д. С. Лихачёва, скажем: «Антропонимия есть связь всех связей».

Стоит отметить чёткий, красивый литературный научный язык исследования, обилие интересных примеров и их компетентный комментарий. Мы обратили внимание и на широкий историко-культурный фон исследования, которое выполнено в лучших образцах классических работ диахронического цикла. Это говорит о высоком научном статусе Тверской ономастической школы.

И. М. Ганжина, кроме собственно научных достоинств обсуждаемой монографии, обладает редким ныне филологическим обаянием, влюблённостью в живые голоса далёкой эпохи, умением видеть и распознавать механизмы функционирования местных языковых явлений. Она чувствует язык «деловой прозы» как феномен культуры, кодифицировавший многие черты, которые позднее получили общерусское звучание. Очень важно, что автор

¹ Ганжина И. М. Становление системы личных христианских имён в русском языке преднационального периода (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 2026. С. 16–17.

² Этой проблематике посвящены многие работы И. М. Ганжиной. См её профиль и публикации в e-library: URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=566534 (дата обращения: 14.07.2026).

книги за приказным стандартом слышит подлинную речь носителей и воссоздаёт таким образом реальную картину мира забытых языковых личностей XVI–XVII вв. Согласимся с И. М. Ганжиной, которая в «Заключении» отмечала, что «материалы памятников деловой письменности свидетельствуют о том, что антропонимия преднационального периода представлена большим числом различных разговорных форм полных имён, отлично приспособленных к русскому разговорному языку и давших огромное число всевозможных деривативных форм» (с. 364–365).

Книга И. М. Ганжиной читается по-особенному – и как научное *сочинение*,

и как своя философия древнерусского имени. Его языковая «картинность», изобилие фонетических и грамматических вариантов, включённость в разные письменные и устные традиции (от деловой до фольклорной и художественной), способность приспосабливаться к общественно-историческим изменениям позволяют в дальнейшем расширить пространство антропонимических исследований. По нашим наблюдениям, отношение И. М. Ганжиной к филологии особое – антиформалистичное. Она учит главному и требует этого прежде всего от себя – «правильно понимать *смысл* (выделено нами. – О. Н.) текста»¹.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru

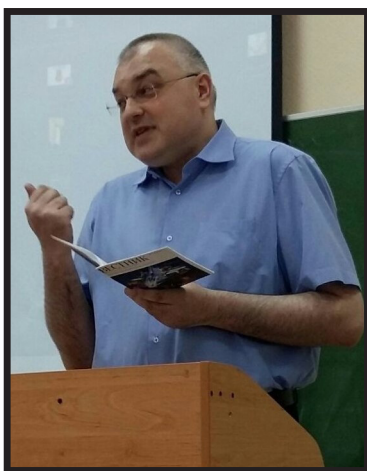
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavonic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru

¹ Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1988. С. 227.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЛИНГВИСТА – КИРИЛЛА ЯКОВЛЕВИЧА СИГАЛА (1973–2026)

Кирилл Яковлевич Сигал. Он ушёл от нас, живущих, 12 мая 2026 года, совсем недавно и так рано – на 53-м году жизни. Большая утрата для науки: он был не только её частью, её одним из лучших представителей, он был ориентиром в ней, своеобразным эталоном. Теперь можно с уверенностью сказать: «К. Я. Сигал – выдающийся синтаксист современности».

Он не создал (потому что не создавал) научной школы (хотя под его научным руководством защищены две докторские и 8 кандидатских диссертаций), но его миссия заключалась в другом. Хранитель отечественных научных традиций (источники его научного вдохновения – А. А. Потебня, Д. Н. Овсянников-Куликовский, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов), он продуцировал актуальные новые идеи.

Дело в том, что в области синтаксической науки (и в целом – в лингвистике) Кирилл Яковлевич обладал энциклопедическими знаниями. Он аккумулировал результаты научных достижений предшественников, был знаком абсолютно со всеми новыми работами, посвящёнными синтаксису, – отечественными и зарубежными. Такая привычка сохранилась с юности, со студенческих лет – искать и изучать свежие публикации, чтобы быть в курсе новых наблюдений, сведений, решений.

Кирилл Яковлевич хранил любовь к дорогим учителям, о которых вспоминал с восхищением, – Виктору Алексеевичу

Виноградову и Елене Иннокентьевне Дибровой, памяти которой посвящена статья («Е. И. Диброва как синтаксист», 2018), содержащая детальный анализ её вклада в синтаксическую науку – в исследование синтаксиса текста. Е. И. Диброва, возглавлявшая кафедру русского языка Московского государственного открытого педагогического института (МГОПИ, затем – Шолоховский уни-

верситет), приглашала ведущих учёных, преподавателей, чьи лекции оказали громадное воздействие на студентов, будущих филологов, среди которых был и Сигал. «Дибровцы» – так ласково называл Кирилл Яковлевич своих однокурсников, имевших замечательную возможность слушать лекции М. В. Панова, В. Н. Телия, Е. Н. Ширияева, В. А. Виноградова.

Именно В. А. Виноградов стал для Кирилла Яковлевича проводником в науке, он воспринял неформальный научный подход учителя, его верность научной мысли как таковой, без деления на школы, направления. В предисловии к монографии «Синтаксис и речеведение» (2023), обращённом к В. А. Виноградову, Кирилл Яковлевич писал: «Вот уже семь лет прошло, как его не стало. Верю в то, что мы когда-нибудь встретимся». Теперь хочется думать: они встретились – и в том *мире чистой мысли* их диалог бесконечно продолжается...

Первая крупная журнальная статья Кирилла Яковлевича «Проблема иконичности в языке», связанная именно с обзором новых данных по актуальной теме (журнал

«Вопросы языкознания», 1997, № 6), засвидетельствовала масштаб личности молодого лингвиста. Первая крупная монография («Сочинительные конструкции в тексте», 2004) не только закрепила за ним звание серьёзного, думающего учёного, но определила основные направления работы, связанные с экспериментальным психолингвистическим исследованием речевой деятельности и текста как её конечного продукта.

Теоретическое осмысление русского синтаксиса, вопросов построения и условий функционирования синтаксических единиц заключалось для К. Я. Сигала в создании нового типа лингвистического анализа, интегративного по своей сути, сочетающего методы психолингвистики, лингвокогнитивного анализа, экспериментальных методик эмпирических данных и корпусного анализа. Результатом такого оригинального подхода стала фундаментальная монография, посвящённая теории словосочетания в контексте речевой деятельности. Основным и безусловно новым является вывод о словосочетании как оперативной единице речи – об осознании носителями языка словосочетания в речевой деятельности, о способности распознавать словосочетание в собственной и чужой речи, о прототипической для русского языка модели словосочетания – субстантивно-адъективной и т. д. («Теория словосочетания и речевая деятельность», 2020).

Можно с уверенностью сказать, что К. Я. Сигал осуществил *обновление теории синтаксиса словосочетания*.

Статьи последних лет были связаны с пунктуацией – специфической для русского языка знаковой системой, сложным образом соотносённой с вербальной информацией. В его планах была большая монография, посвящённая целостной концепции развития и функционирования русской пунктуационной системы, об этом он говорил в одном из последних писем, 8 марта 2026: «Как это ни удивительно, именно 8 марта вышла моя вторая большая (и последняя в этом году) статья. *Посылаю её Вам как рецензенту будущей книги*».

Если бы мысль К. Я. Сигала реализовалась, для меня это была бы большая честь – быть рецензентом задуманной им книги.

Сколько же Кирилл Яковлевич мог ещё сделать!

И всё же. Он многое успел: классические (уже классика) монографии и статьи, защищённые под его научным влиянием диссертации, широкий круг исследовательских вопросов, на которые он предложил ответ. Он удивительным образом находил новые аспекты / грани даже исследованной темы, давал исчерпывающую предварительную информацию – круг имён, сведений, источников...

Да, нам он оставил тексты, в которых идея всегда нова, аргументы представлены компактно и – весомо, чувствуется неравнодушная, энергичная мысль исследователя. Это тексты, доставляющие большую радость, интеллектуальную и эстетическую.

Кирилл Яковлевич был не просто верующим человеком, он был человеком светлым, безгрешным, умеющим радоваться и радоваться. Суэта, мелкое тщеславие, зависть – всё это невозможно даже представить рядом с ним. Ни осуждающего слова, ни намёка на недовольство. *Мы все равны перед Господом* – это его убеждение и его жизнь, жизнь по совести и правде.

Чистота, искренность, ясность во всём: в помыслах, поступках, в письменном и устном тексте, в вербальном и невербальном сообщении, в каждом жесте, в движении лица от радости, сочувствия, непонимания или восхищения.

Он всегда удивлял. Кирилл Яковлевич был именно таким.

Так не хватает его стройной синтаксической мысли, его дружеского внимания.

Светлая память.

Мария Станиславовна Милованова,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего
и русского языкознания
Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина

This image shows a full page of blank white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page, providing a guide for writing. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2026. № 4

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик В. А. Кулакова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 10,75.

Подписано в печать: 28.09.2026 г. Дата выхода в свет: 30.09.2026 г. Заказ № 2026/09-06.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2